

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Выпуск
2 (2)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- 5 *Т.Т. Черкашина,
Н.С. Новикова* Методологическая парадигмальная оценка языка в контексте глобализирующегося мира: лингвопрагматический аспект
- 17 *О.Г. Дубровская* Социокультурный подход к изучению дискурса
- 23 *О.Б. Пономарева* Стратегия мультилингвизма и изучения иностранных языков в Евросоюзе
- 29 *К.А. Дзюба* Роль ассоциативного потенциала в процессах создания и интерпретации наименований торговых марок
- 39 *С.В. Гуськова* Современные методы исследования материалов печатных средств массовой информации

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- 44 *Н.Н. Лавринова* Модель взаимодействия географического, культурного и сакрального ландшафтов
- 52 *Т.М. Никольская* Технология изучения обрядового комплекса (на примере купальского обряда)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 63 *М.В. Енева* Особенности художественной эссеистики (на материале идиолекта К.Г. Паустовского)
- 68 *Л.Р. Сидоркова* Актуализация стилистически окрашенных фразеологических единиц в поэзии В. Высоцкого

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. э. н., д. психол. н., проф. И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. Р. Гольдт (Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева, д. филос., доцент Дж. Куртис (Великобритания), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг, д. филос. н., проф. О.В. Ромах, д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, Т.А. Ковалева, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2015. – Вып. 2 (2). – 80 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 02.11.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 1450. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2015.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

CONTENTS

INTERCULTURAL COMMUNICATION

- 5 *T.T. Cherkashina,
N.S. Novikova* Methodological paradigm estimation of language in the context
of globalizing world of linguistic-pragmatic aspect
- 17 *O.G. Dubrovskaya* Socio-cultural approach to discourse study
- 23 *O.B. Ponomareva* Strategy of multilingualism and learning foreign languages in European
Union
- 29 *K.A. Dzyuba* The role of associative potential in creation and interpretation
of trademarks' names processes
- 39 *S.V. Guskova* Modern research methods of printed mass media materials

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- 44 *N.N. Lavrinova* Model of interaction of geographic, cultural and sacral landscapes
- 52 *T.M. Nikolskaya* Technology of ritual complex study (based on the example of kupalsky rite)

STUDIES OF LITERATURE

- 63 *M.V. Eneva* Peculiarities of essay genre in fiction (based on K.G. Paustovsky's idiolect)
- 68 *L.R. Sidorkova* Actualization of stylistically charged of phraseological units in poetry
of V. Vysotsky

CULTURAL HERITAGE

- 72 *V.A. Sazonova* The sources of esthetic principles of producing of Y.A. Zavadsky

REGULATIONS FOR CONTRIBUTORS

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD of the Journal: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Main Editor), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Germany), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Great Britain), Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina, Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg, Doctor of Philosophy, Professor O.V. Romah, Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru.

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-61097 from 19 March, 2015.

Subscription index 80303 in the catalogue of the agency JCS “Rospechat”

Editors: E.Y. Zakomoldina, T.A. Kovaleva, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Philology and culturology. – Tambov, 2015. – Issue. 2 (2). – 80 p. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 02.11.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 1450. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2015

© The journal “Tambov University Review. Series: Philology and culturology”, 2015.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'22

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Татьяна Тихоновна ЧЕРКАШИНА

Государственный университет управления, г. Москва,
Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и лингвистических коммуникаций
в управлении, e-mail: ttch2004@yandex.ru

© Наталья Степановна НОВИКОВА

Российский университет дружбы народов, г. Москва,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, профессор кафедры русского языка,
e-mail: natalynov@yandex.ru

Представлен лингвопрагматический аспект моделирования иноязычного образования; язык рассмотрен с точки зрения его методологической парадигмальной оценки в контексте глобализирующегося мира, когда все цивилизационные изменения неизбежно отражаются на развитии языка. Проанализирована связь между вызовами глобализирующегося мира и отражениями этих вызовов в языке, проявляющимися, в т. ч., в дестабилизации лексического фонда, а также дается ретроспективный анализ взаимосвязи языка и речемыслительной деятельности человека. На примере русского языкового сознания проведен анализ формирования национальной языковой картины мира, выявлены и объяснены особенности языковой картины мира современного русскоязычного носителя. Рассмотрено также понятие коммуникативной нормы, выявлено, из чего она складывается, исследованы механизмы формирования этой нормы естественным путем (у ребенка, познающего окружающий мир) и путем искусственным (при обучении иностранному языку), определены точки несовпадения коммуникативных норм родного и изучаемого языков, а также анализируются типичные ошибки при кросс-культурной коммуникации, вызванные таким несовпадением. Рассмотрены также проблемы восприятия и понимания иностранцами т. н. «маленьких слов» и языкового стандарта и даны некоторые методические рекомендации по преодолению рассмотренных трудностей межкультурного общения.

Ключевые слова: языковая реальность; лингвопрагматический аспект; парадигмальный; диалог культур; языковая экспансия; перспективы иноязычного образования.

Переосмысление методологической парадигмальной оценки языка в отечественной лингвистике и лингводидактике связано, на наш взгляд, с обращенностью языка как к внешнему миру, так и к человеку говорящему. Последнее, с одной стороны, корреспондирует пограничное положение языкознания в системе наук – между естественными и гуманитарными науками и, с другой стороны, объясняет антропологический «разворот» лингвистики и лингводидактики, ставя перед ними новые методологические задачи. Сегодня уже ни у кого не вызывает возражения тот факт, что все цивилизационные измене-

ния неизбежно отражаются на развитии языка, поэтому внимание ученых к вызовам глобализирующегося мира детерминировано социолингвистическими причинами, влекущими за собой пересмотр, аудит методологической парадигмальной оценки состава словаря, десемантизацию многих привычных лексем и т. д. Дестабилизация лексического фонда, которую отмечают сегодня многие лингвисты, обусловлена в первую очередь экстралингвистическими факторами. Целый пласт лексики, ранее находившийся на периферии языкового сознания социума, сегодня

актуализируется, получает иную интерпретацию.

Одним словом, язык не перестает удивлять и преподносить семиотические «сюрпризы». Он, с одной стороны, может восхищать богатством интерпретационных возможностей, красотой словотворчества, а с другой стороны – удивлять бедностью, сниженностью, примитивизмом, приводящим к «нервному срыву» (метафора М. Кронгауза) – как следствие принятой в среде интернет-пользователей ликвидации всех культурных рамок. Начиная с XVII в. не ослабевают научные дискуссии по поводу связи знака с тем, что он означает. М. Фуко отмечал троичность знаковой системы, выделяя в ней *означающее, означаемое и «случай»*. Ф. де Соссюр видел в языковой реальности единство противоположных сторон (*знака и значения, языка и речи, социального и индивидуального*). Предметность и операциональность языка указывают на двухслойность языковой системы. Уникальное свойство языка быть отражением «реального самозабвения» отмечал Г.-Г. Гадамер. Действительно, структура языка (грамматика, синтаксис) «не осознает, что им сказывается». В этом ученый видел универсальность языка, в котором проявляется его способность и умение «шагать в ногу», что свидетельствует о его бесконечности, безличности, стремящейся к «мы» говорению [1, с. 57]. Функция фиксатора и оператора свойственна каждому из известных языков, как естественных, так и искусственных.

Взаимосвязь языка как феномена культуры и человеческой деятельности является одной из центральных межпредметных проблем языкознания, лингводидактики, философии и лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, Я. Гримм, В. фон Гумбольдт, А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртэне, В.В. Воробьев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, С.Г. Тер-Минасова и др.).

Лингвисты единодушны в оценке универсальности специфической материи языка. Между тем С.Г. Тер-Минасова считает, что язык навязывает индивиду то видение окружающего мира, ту картину, которую «нарисовали» до него и без него, он формирует своего носителя. Национальный язык не просто отражает, он определяет национальный характер. Не случайно предметом интересов авторитетных ученых становится философ-

ская рефлексия лингвосемиотики глобализации, которая детерминирована рамками диалога культур и универсализмом центрального (английского) и периферийных языков. Сегодня ученые говорят о перспективах разработки «экосистемы» (Л.Ж. Кальвет), об инновационных возможностях внедрения модели всемирной «лингвистической гравитационной системы», включающей в себя описание роли, места, функций языков в социокультурную среду, в практику межкультурной коммуникации [1, с. 74]. Выделение центрального и периферийных языков в «лингвистической галактике», по их мнению, поможет преодолеть последствия вселенской лингвистической катастрофы – Вавилонского смешения языков. На глобализационных форумах лингвистов помимо названных проблем звучат предложения о необходимости лингвистического инжиниринга (Pool) [2, с. 167]; критически оцениваются проблемы «языкового гомеостаза» экосистемы в целом (К. Крамш, Е. Бонер) [1, с. 113]. Кунико Миянага, японский философ и культуролог, предупреждает об экспансии английского языка, поэтому, по ее мнению, активное внедрение английского языка в систему образования Японии является конфронтационным для «страны восходящего солнца», поскольку английский язык навязывает не свойственный японцам стиль мышления, вызывая культурный шок. Аналитическая система английского языка непонятна японцам, которым чужда абстракция мышления. Японскому языковому сознанию несвойствен стиль мышления, при котором внешнее отделяется от внутреннего, что приводит к психологическому и речемыслительному противоречию.

Заметим: лингвосемиотические аспекты изучения двойственной природы языка не новы. Так, М. Фуко, размышляя над способностью языка улавливать обертоны изменяющегося мира, задавался вопросами, не потерявшими своей актуальности и сегодня: «Что такое язык? Говорит ли все то, что безмолвствует в мире в наших жестах, во всей загадочной символической нашей поведении, в наших снах и наших болезнях, – говорит ли все это и на каком языке, сообразно какой грамматике? Все ли способно к означению...» [3, с. 78]. Особенно остро этот вопрос звучит в контексте глобализации. Не случайно в связи с этим особое внимание лингвист-

тов к конструктивной или мыслеформирующей функции языка, включающей в себя такие составляющие, как эмоционально-экспрессивная, идеологическая, репрезентативная, аксиологическая, этическая и др. При этом ученые указывают на их противоречивый характер.

Обратимся к традиционной методологической парадигмальной оценке роли языка как социокультурного феномена и позволим себе напомнить концептуальную установку различных научных школ и мировоззренческих систем. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс настаивали на единстве языка и мышления, называя язык «действительным сознанием». «Домом бытия», «жилищем человеческого существа» считал язык М. Хайдеггер. Герменевтик Г.-Г. Гадамер вслед за М. Фуко убеждал в том, что «язык конструирует мир». Глобализирующийся мир как особым образом организованное культурное пространство и как специфический текст несет в себе всегда несколько сообщений. Такой взгляд на культурное пространство сформировался под влиянием семиотической школы. «Мир выступает как огромное послание его Творца, который на языке пространственной структуры зашифровал таинственное сообщение», – утверждал Ю.М. Лотман [1, с. 25]. Если признать данное суждение верным, то можно предположить, что текст пространства воспроизводит глубокие культурные смыслы, раскрывает ценности культуры, «...пространство есть лишь слово, сияющее в устах математика, мыслителя, поэта, живописца на тысячу ладов выразить одно и то же неопишное переживание» [1, с. 27]. Трудно не согласиться с тем, что с изменением действительности меняются и культурно-национальные стереотипы, меняется также язык. А «язык – это код плюс его история» [1, с. 13]. В связи с осмыслением категории пространства как семиотического кода культуры, ученые много спорят о национальном характере, но единственный источник, который дает объективные сведения о менталитете народа, – это язык: «Его Величество национальный язык... и отражает, и формирует характер своего носителя», – считает С.Г. Тер-Минасова [1, с. 25]. Недаром И.А. Ильин определял язык как «фонетическое, ритмическое и морфологическое выражение народной души» [1, с. 71]. Причем

следует подчеркнуть, что как бы ни называли способ формирования и существования представлений человека о мире («языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира»), суть этого познания заключается в том, что человек, отражая в процессе социальной практики объективный мир, результаты своего познания фиксирует в слове. «Ни внутренняя жизнь человека, ни процессы, протекающие в окружающем мире, не получают своего завершения, пока они не выражены в слове» [1, с. 54-55]. Из сказанного ясно, что язык отражает мир и культуру и формирует своего носителя. В культурном пространстве формируются комплексы устойчивых правил. Являясь языком в широком семиотическом смысле, такая система выступает не только как средство коммуникации, но и как модель мира. Культурное пространство формирует модели мира. Рассмотрим складывающуюся в контексте глобализационных процессов тенденцию формирования картины мира на примере русского языкового сознания. Заметим, что включающиеся в культурное пространство знаки могут быть сгруппированы и описаны при помощи выработанного в лингвистике метода бинарных оппозиций или антиномий (лат. binarius – дважды; nomen – имя; т. е. два имени, признака и opposition – противоположность): «ночь – день» (хотя есть рассвет, утро, сумерки, вечер); «мужчина – женщина» (между ними ребенок); «правое – левое» (но существует и середина). Так, бинарность как крайность свойственна русскому человеку: «добро-зло», «черное-белое» «свое-чужое», и т. д. Это противопоставление как категоричность национального характера заложена и в языке. Даже чистая грамматика – например, возможность выбора между «ты» и «вы» в русском языке – может «пролить» свет на отношения между людьми. Выбор этих местоимений не случаен: это или оскорбление, или подчеркнутая уважительность. В основе бинарности лежат особенности человеческого мышления «...принцип двоичности лежит в основе всех известных ранних философских и логических систем» [1, с. 104]. Обживая громадные пространства, русский человек формировал бинарный взгляд на окружающий мир. С одной стороны, бережное отношение ко всему, т. к. все несет на себе

божественную печать, с другой – «пропади оно все пропадом». По мнению ученых (И.Г. Гердера, В. фон Гумбольда, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртэне, Э. Бенвениста и др.), язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре. Язык не просто отражает реальность, он интерпретирует ее, создавая особую картину мира. Язык – факт культуры, потому что он является составной частью культуры, наследуемой нами от предков; язык – основной инструмент, благодаря которому мы усваиваем культуру; язык – важнейший код национальной культуры, поэтому концептуальное осмысление культуры происходит только посредством естественного языка. Итак, «язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде неповторимые черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания» [1, с. 104-109]. Можно сказать, что культура живет и развивается в «языковой оболочке». Не случайно первое место среди национально-специфических компонентов культуры принадлежит языку, ибо «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности» [2, с. 42]. Интересно замечание математика Н.И. Лобачевского о роли языка в становлении и развитии личности: «Не столько уму нашему, сколько дару слова одолжены мы всем нашим превосходством...» [1, с. 215]. Примечательно, что слово превратилось в универсальный инструмент языковой личности. Крайне интересную трактовку этого постулата дает С.Г. Тер-Минасова: «Все мы созданы языком и заложенной в нем культурой, доставшейся нам от многих поколений предков. Мы не выбираем ни родной язык, ни родную культуру, ни место, ни время рождения. Мы входим в мир людей, и язык немедленно начинает свою работу, навязывая нам представление о мире (картину мира), о людях, о системе ценностей, о способах выживания. Мы пленники своего языка. Язык – умелый и опытный мастер, «инженер человеческих душ», уже сотворил миллионы своих подданных и творит новых» [1, с. 259]. Язык задает первоначальный, стартовый и в то же время глубинный взгляд на мир, формирует языковую картину мира и предлагает иерархию духовных представлений, состав-

ляющих основу формирования национального характера, а затем реализуется в процессе диалогового общения.

Человек всегда стоял и стоит перед проблемой выбора, в т.ч. выбора языковых средств для выражения своего представления о существующей реальности. В связи с этим стоит отметить тот факт, что некоторые «новые» русские специально внедряют в обиход иностранные слова с целью маскировки неблагоприятных деяний, ибо такие деяния, названные исконным русским словом, подчас попадают под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Так происходит сознательная подмена понятий – ср.: *вымогатель – рэкетир, продажность – коррупция, продажный – ангажированный, согласие – консенсус, честь – престиж, любовь – секс, детоубийство – аборт, безбожие – атеизм*. Этот семантический ряд можно, к сожалению, продолжать. Утилизация исконно русского значения, закрепленного за словами, небезобидна. Сухая, монотонная, невыразительная, неоправданно быстрая, словно механическая, небрежная, подчас вульгарная речь губительно действует на слушателей, деформируя их сознание, изменяя когнитивное поле молодого поколения и унижая чувства образованных людей. В свете сказанного актуальны слова выдающегося русского поэта и мыслителя Вяч. Иванова, который в 1917 г. в статье «Духовный лик славянства» предостерегал от посягательства на стихию славянского слова: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесием – невероятными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически целесообразному; уже давно его забывают и растеривают – и на добрую половину позабыли и порастеряли. Язык наш свободен: его оскопляют и укрошают; чужеземной муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь. Величав и ширококрыл наш язык: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!.. Язык наших грамотеев уже не живая дубрава народной речи, а свинцовый набор печатников... А преемственно-

стью может ли дорожить умонастроение, почитающее единственным мериллом действенной мощи – ненависть, первым условием творчества – разрыв?» [1, с. 143]. Эти слова, рожденные беспокойным сердцем патриота, звучат так, как будто не минуло более ста лет со дня их опубликования. На наших глазах на вербально-семантическом уровне происходит искажение, деформация языковой картины мира. Замена слова *законность* на *легитимность* повышает уровень субъективности в оценке высказывания, например: «Указ *легитимен*». Известно, что слово *легитимность* – это не буквальная калька слова *законность*. Легитимность признает за каждым субъектом право личной оценки законности. Нельзя сбрасывать со счетов и культурологический компонент, т. е. уровень владения т. н. фоновыми знаниями, присущими носителям языка. Использование фактов культуры естественного языка, которые в свою очередь связаны с правилами вербального и невербального поведения, способствует эффективной межкультурной коммуникации, «заполняя» т. н. лакуны – неизбежно возникающие пустоты в освоении языка партнера по общению. Интересные наблюдения были сделаны нами в процессе преподавания культуры речи первокурсникам: сегодняшние студенты, для которых русский язык является естественным языком общения, растеряли те фоновые знания, которыми владели ранее их ровесники. Так, выполняя задание на выявление ошибок в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах, студенты в качестве ошибочных выделили такие: «Нам песня (исправили на «валюта») строить и жить помогает», «Вот тебе, бабушка и Юрьев (писали «Павлов») день» и т. п. Данные примеры – свидетельство того, что когнитивное поле студентов-первокурсников сплошь усеяно «минами замедленного действия». Из данных наблюдений следует, что факт культуры – это зеркало радикальных изменений в российской действительности: ни у кого уже не вызывает «культурного шока», когда носитель русского языка заходит не в магазин, а в *супермаркет* (даже если это придорожный сельский магазинчик), участвует в выборах *мэров, губернаторов* и т. п.

Нам представляется обоснованным внимание к языку как к неотъемлемой органической части культуры, которая, как мы выяс-

нили, диктует свои «правила игры». Рассмотрим лингводидактические, лингвосемiotические проблемы становления вторичной языковой личности и попытаемся предложить педагогически обоснованные «правила игры». Современная методика преподавания русского как иностранного (РКИ) ставит перед собой цель сформировать у учащегося межкультурную коммуникативную компетенцию, в которой присутствуют как чисто языковая, так и культурная составляющие.

Очевидно, что коммуникативная компетенция предполагает наличие в сознании каждого из участников коммуникативного процесса некой коммуникативной нормы, которая позволяет собеседникам совместно строить коммуникативное пространство в процессе диалога. Для того, чтобы этот диалог был «осмысленным», а не напоминал разговор героев театра абсурда, коммуникативные нормы его участников должны совпадать – полностью или хотя бы частично. Интересным поэтому представляется вопрос: что же, собственно, представляет собой коммуникативная норма, из чего она складывается, каков «естественный» путь ее формирования (например, у ребенка, познающего окружающий мир и родной язык) и какие проблемы возникают, когда ее формируют путем искусственным (при обучении иностранному языку).

Будучи залогом успешности любого общения, коммуникативная норма представляет собой комплексное и многоуровневое понятие. Кроме чисто языковых форм (языковой нормы в «чистом виде»), в нее «втягиваются» и внелингвистические элементы (базовые знания о существующих и / или существовавших ранее культурных концептах данной языковой среды, о стандартных реминисценциях, характерных для всех или почти всех носителей языка, о стандартных способах структуризации и категоризации понятийного пространства, используемых представителями данного языкового сообщества и т. п.).

Очевидно, что как чисто лингвистические, так и внелингвистические (когнитивные) критерии, определяющие коммуникативную норму, отнюдь не стабильны: окружающий нас мир постоянно изменяется, а значит, изменяется и его отражение в созна-

нии человека, меняются границы и приоритеты концептов и, как следствие, меняются соответствующие языковые средства и коммуникативные модели.

Само по себе понятие коммуникативной нормы довольно расплывчато. Если говорить только о языковой норме (как части нормы коммуникативной), то и здесь природные носители языка иногда не в состоянии объяснить иностранцу, почему то или иное выражение кажется неправильным, «режет слух». Особенно часто эта ситуация наблюдается на занятиях по переводу: все лексические и грамматические средства выбраны, казалось бы, верно – и все-таки фраза кажется какой-то странной, не укладывающейся в рамки языковых стандартов, которые интуитивно ощущаются каждым носителем языка. Но и не вступающая в конфликт с языковой нормой фраза может не соответствовать коммуникативной норме – оказаться неуместной (стилистика или с точки зрения стандартности употребления) в данной речевой ситуации.

Все вышесказанное подводит нас к мысли о том, что для развития у учащихся коммуникативной компетенции на иностранном языке необходимо прежде всего дать ему представление о коммуникативной норме.

Очевидно, что формирование коммуникативной нормы у иностранного учащегося идет принципиально иным путем, нежели у природного носителя языка. Когда ребенок учится говорить, он формирует свою коммуникативную норму на «пустом месте», с «чистого листа» – речевые ошибки детей связаны, как правило, с конфликтом между присущим человеческому сознанию стремлением к регулярности и реально существующими в языке нарушениями этой регулярности.

Если же говорить о взрослых людях, изучающих иностранный язык, картина представляется совершенно иной: в сознании взрослого индивида уже существует свойственная его национальному менталитету концептуальная модель мира и соответствующая ей языковая картина мира со своей языковой нормой, а также модель процесса коммуникации. Если сопоставить эти нормы в родном и изучаемом языках, то, очевидно, в чем-то они будут соотноситься (а иногда и совпадать) друг с другом, в чем-то расходиться и

даже конфликтовать. Если описать взаимоотношения норм родного языка и иностранного в терминах бинарных оппозиций, то тут могут быть представлены все типы оппозиций, кроме, пожалуй, нулевой: и привативная, и эквиолентная, и дизъюнктивная. При этом несовпадение может быть как формальным – на уровне различия синтаксических структур (при этом общее коммуникативное пространство собеседников не нарушается), так и глубинным – когда не совпадают когнитивные составляющие знаний коммуникаторов и общее коммуникативное пространство не является непрерывным, оно включает в себя «лакуны» (в которых происходит непонимание или недопонимание говорящими друг друга).

Рассмотрим подробнее процесс коммуникации и те условия, в которых возможно его осуществление.

В процессе общения в сознании каждого из коммуникантов присутствует модель окружающего мира, модель собеседника, модель языка общения, модель структуры диалога и модель себя как языковой личности [4]. При этом, если общение происходит между двумя собеседниками на родном для них языке, непонимание, как правило, возникает при частичном несовпадении знаний о структуре диалога и / или коммуникативной задачи, а также моделей себя и собеседника. Модели окружающей реальности, модели языка общения обычно более-менее совпадают. И чем больше область совпадения, тем успешнее протекает акт коммуникации и, соответственно, тем меньше риск непонимания или недопонимания собеседниками друг друга. При значительных же расхождениях в данных моделях риск непонимания увеличивается (как это часто и случается при коммуникации представителей разных социальных, возрастных и гендерных групп).

Вообще, как отмечает Ю.Е. Прохоров, если один из собеседников не является в данном языковом пространстве языковой личностью в полном объеме (т. е. его модели языка, структуры диалога и т. д. значительно уступают по объему тем же самым структурам, имеющимся у стандартного носителя языка), то успешный акт коммуникации может состояться только в том случае, если второй собеседник обладает большим, чем стандартное, знанием о проблемной области,

о своем собеседнике (его знаниях – как языковых, так и не языковых), о структуре диалога [5]. Это наблюдение постоянно подтверждается в практике обучения РКИ – студент успешно общается с преподавателем, но зачастую «терпит крах», пытаясь найти общий язык с носителем языка на улице (даже при полном совпадении коммуникативных намерений), т. к. второй собеседник в данном случае не знает, каков уровень знаний иностранца, какие пробелы существуют в его коммуникативной модели, и не хочет приложить дополнительное усилие, чтобы самому заполнить эти пробелы и добиться неразрывности общего коммуникативного пространства.

В принципе, при общении иностранца с носителем языка непонимание может провоцироваться частичным или даже полным несовпадением любой из вышеназванных моделей в сознании коммуникантов. И, как следствие, иностранец допускает самые разные типы ошибок – стилистические (если ошибочной является представляемая им модель собеседника), грамматические и лексические (если ошибочны его модели языка и модели структуры диалога) и чисто смысловые, порой удивляющие природного носителя языка своей полной абсурдностью (они определяются несовпадением моделей окружающей среды, стандартных способов структуризации и категоризации понятийного пространства, характерных для представителей разных культурных и языковых сообществ).

Действительно, при порождении речи выбор языковой формы диктуется коммуникативным требованием выразить определенный смысл, причем выразить его адекватно ситуации общения, понятно и доступно пониманию собеседника. При этом в процессе порождения высказывания можно выделить следующие стадии: нахождение класса соответствующих единиц, выражающих данный смысл; выбор среди членов класса лексем, максимально удовлетворяющих стилистическим требованиям (определяемым ситуацией общения, культурным уровнем коммуникантов, а также индивидуальным опытом говорящего в сходных речевых ситуациях); построение «кирпичей фразы» – словосочетаний и, наконец, окончательное оформление высказывания – «сборка» фразы из «кирпичей» – словосочетаний в соответствии с оп-

ределенными синтаксическими правилами. Добавим, что если речь идет о звучащей, а не письменной речи, к вышеперечисленным требованиям добавляются и требования правильного звукового и интонационного оформления.

Очевидно, что учащийся в процессе порождения высказывания на иностранном языке может допускать ошибку на любой стадии. Так, он может выбрать неправильную лексическую форму, неадекватную коммуникативной интенции. При этом неправильная форма может быть выбрана по разным причинам. Перечислим самые распространенные.

1. Иностранец не знает, какая из набора лексических единиц, выражающих один и тот же смысл, наиболее частотна и стандартна для данной речевой ситуации (учащийся под воздействием интерференции родного языка [6; 7] стремится обычно выбрать самую частотную, самую стандартную, по его мнению, лексическую единицу, исходя из норм стандарта и частотности своего родного языка, а это может быть отнюдь не самая стандартная и частотная форма в языке изучаемом).

2. Иностранец плохо или совсем не чувствует стилевой принадлежности слова, выбирая подчас даже нецензурные формы – в полной уверенности, что использует стилистически нейтральные общепринятые языковые единицы (особенно часто это случается с людьми, достаточно хорошо знающими иностранный язык – у начинающих в лексическом запасе просто еще нет подобных слов).

3. Учащийся путает близкие по фонетическому оформлению, но абсолютно не связанные по смыслу слова. Заметим также, что одним из критериев выбора учащимся того или иного слова в высказывании подчас является «легкость» или вообще возможность его произнесения – достаточно значительная часть лексики, активно используемой носителями языка, оказывается в пассивной части лексикона иностранца именно вследствие невозможности ее произнесения.

4. И, наконец, иностранец может допустить ошибку на стадии построения словосочетания и предложения – выбрать неверное глагольное управление, вид и время глагола, допустить ошибки в согласовании, в порядке слов (руководствуясь при этом стандартным

порядком слов, свойственным его родному языку), в использовании частотных в его родном языке штампов, не являющихся таковыми в иностранном языке, и, наконец, ошибиться в фонетическом и интонационном оформлении высказывания.

Особо следует отметить одну из самых стандартных коммуникативных ошибок иностранцев – ненатуральность и чрезмерную «литературность» речи (что связано с незнанием стандартов естественной разговорной речи) [8]. Особенно характерно это для учащихся, изучавших иностранный язык у себя на родине и использовавших только учебные пособия с выхолощенными диалогами и учебными текстами, созданными исключительно на основе классической литературы (преимущественно XIX в.). Будучи, разумеется, весьма полезным для расширения культуроведческого кругозора студента, использование только таких текстов в качестве учебных оказывает ему «медвежью услугу»: согласитесь, что если человек выражается в бытовых ситуациях языком И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского, то это часто оказывается неуместным и смешным и, соответственно, вызывает разочарование и недоумение у иностранца, который не понимает, почему его речь кажется комичной русскоговорящим собеседникам (в практике преподавания РКИ все педагоги встречаются с подобными случаями).

При восприятии же высказывания, рожденного носителем языка, иностранца также подстерегают трудности: неправильное сканирование звуковой и интонационной оболочки всего высказывания и его отдельных элементов (членение на синтагмы и отдельные слова); неумение распознать встречающиеся в речи фразеологические обороты (каждый элемент которых иностранец переводит по отдельности и, как следствие, не понимает всю фразу); непонимание (из-за незнания норм допустимой вариативности) свойственных разговорной речи неполных структур, предполагающих полную глубинную структуру; неумение понять коннотативные оттенки слов (именно правильное понимание субъективно-модальной окраски, почти всегда присутствующей в живой речи носителя языка, представляет особую трудность для иностранца).

Особо хочется остановиться на проблеме т. н. «маленьких» слов [9]. Работая в иноязычной аудитории, преподаватели-практики постоянно сталкиваются с тем, что существует особая группа слов, которые трудны для понимания при чтении и аудировании, плохо запоминаются учащимися и практически никогда не присутствуют в продуцируемых ими высказываниях. Один из студентов очень метко, на наш взгляд, назвал их «маленькими» словами (ибо практически все они – односложные или двусложные).

Когда студентов попросили составить список трудных для усвоения «маленьких» слов, оказалось, что в этот список попали преимущественно служебные слова (частицы и союзы), а также некоторое количество наречий.

Почему же эти слова так сложны для учащихся? Очевидно, это связано с тем, что данные слова обладают чрезвычайно высокой степенью контекстуальности. Каждое из них может выражать, в зависимости от контекста, огромный спектр значений, но далеко не все эти значения учащийся находит в переводных словарях (реальную помощь в подобных случаях мог бы оказать толковый словарь русского языка, но к нему иностранцы практически никогда не обращаются, предпочитая искать перевод таких слов или сочетаний, включающих данные слова, на родной язык – а это не всегда возможно). Более того, от контекста зависит не только их значение, но и частеречная принадлежность – подобные слова «скачут» из категории в категорию, выступая то в роли союза, то в роли частицы, то в роли наречия. Такая изменчивость приводит к большой вариативности их местоположения в структуре предложения (по сравнению со знаменательными частями речи), что создает особые трудности для учащихся, которые не могут логически осознать как алгоритм их расстановки в тексте, так и степень существенности / несущественности для смысла фразы. Кроме того, внешняя форма подобных слов не дает, как правило, никакой информации об их отнесенности к той или иной части речи (опять же в отличие от знаменательных слов), с точки зрения иностранца они выглядят некими аутсайдерами в системе изучаемого языка: учащиеся не могут ни определить их место в этой системе, ни сгруппировать их

по какому-либо признаку (обычно при изучении иностранного языка слова группируются в сознании студента по признаку отнесенности к одной части речи, которая определяется обычно, исходя из формы слова – это наблюдение подтверждается, например, тем, что при забывании поиск нужного слова на иностранном языке идет среди сходных по звучанию слов той же частеречной принадлежности, что и забытое). Будучи короткими по длине, «маленькие слова» не позволяют студенту выделить в их составе морфемы, в частности, корневую морфему – и студент не имеет возможности соотнести данные слова ни с одним словообразовательным гнездом (морфологический анализ, который достаточно часто дает возможность иностранцу угадать значение неизвестного ему слова, в данном случае никак ему не помогает). Заметим, что краткость данных слов препятствует также и их запоминанию: учащиеся плохо запоминают и слишком длинные, и слишком короткие слова: легче всего усваиваются слова, состоящие из 3–4 слогов (возможно, это связано с объемом оперативной памяти человека).

Трудными для понимания иностранцами оказываются также различные речевые штампы и построенные на их основе неологизмы или каламбуры, понятные любому носителю языка и используемые как выразительный прием, часто для создания комического эффекта.

Вообще о проблеме восприятия стандарта следует сказать особо. Если для членов одной языковой общности знание стандарта обеспечивает явление антиципации, предвосхищения, догадки в процессе речи (и, как следствие, экономию усилий при восприятии информации), а его частичное нарушение воспринимается как элемент неожиданности, как средство достижения выразительности, экспрессивности, окказионализма в речи, то у иностранца этого нет. Не зная стандарта, он воспринимает авторские неологизмы на его основе как самые обычные сочетания и подчас использует их впоследствии при порождении собственных высказываний в качестве вполне стандартных образований, вызывая непонимание и удивление носителей языка. Не меньшую трудность для понимания иностранцем представляют стандартные для носителей языка реминисценции из художест-

венных произведений, фильмов, анекдотов и т. п. Если же говорить о разговорной речи, то в ней (как уже отмечалось) для большей экспрессивности, эмоциональности или для установления большего контакта с собеседником часто используются приемы нарочитой «ломки» литературных норм – разумеется, в рамках их допустимой вариативности. Иностранец же, не зная границ этих рамок, часто удивляется «неправильности» высказывания, а порой просто его не понимает.

С другой стороны, сами иностранцы всегда ищут в изучаемом языке конструкции, аналогичные стандартным и частотным конструкциям в своем родном языке (т. к. у них уже есть норма на родном языке, в т. ч. ядро этой нормы – стандарт). При совпадении структур родного и изучаемого языков проблем обычно не возникает, такие формы легко запоминаются. Не совпадающие структуры запоминаются плохо, в этих случаях лучше усваиваются конструкции с нарушениями «точно наоборот» – такие формы запоминаются по контрасту (в противовес совпадающим структурам, которые усваиваются по аналогии, по «повтору»). Хуже всего дело обстоит в случаях, когда есть не полное, а частичное несовпадение структур – педагогу приходится долго отрабатывать навыки употребления таких конструкций, прежде чем они отложатся в памяти. (Данное практическое наблюдение подтверждает, в частности, мысль о том, что принципы повтора и контраста – ведущие системообразующие принципы, в т. ч. при формировании системы знаний учащегося в процессе изучения иностранного языка).

Как же можно сформировать коммуникативную норму (а значит и коммуникативную компетенцию) практически, в процессе обучения иностранному языку? Для решения этой глобальной задачи чрезвычайно актуальным и востребованным представляется внедрение в практику иноязычного образования межкультурного тренинга, который мы оцениваем в качестве инновационной модели обучения. Построение данной модели имеет аналог в социокультурной, учебно-профессиональной практике студентов, что открывает для них возможность познать национально-специфические традиции взаимодействия, принятые в данной стране. Таким образом, студенты выступают в роли «репре-

зентантов и ретрасляторов данной конкретной культуры» [2; 10; 11].

Одной из главных задач межкультурного тренинга становится необходимость научить студентов искать способы решения социальных, образовательных, профессиональных проблем с учетом сюрпризов «культурного айсберга» (Ф. Тромпенаарс), обнажающего видимые и невидимые национально-специфические ценности этноса, приобрести навыки их адекватной интерпретации и умения пользоваться невидимым «культурным рюкзаком», или «культурным ассимилятором» [12, с. 96].

Рассматривая модели речевого поведения иностранного студента в ходе межкультурного тренинга, выделим три уровня восприятия им новой культуры: 1) познавательное значение информации – когнитивное поле тренинга; 2) социальный опыт – прагматическое поле тренинга; 3) личностный опыт – аксиологическое, ценностное поле тренинга. По мнению таких авторитетных ученых, как Т.М. Балыхина, И.А. Зимняя, В.Г. Костомаров, В.Г. Кинелева, В.Б. Миронова, Е.И. Пасов и другие, «для первого уровня достаточно иметь представление о фактах культуры, для второго нужно владеть понятиями и уметь совершать какое-либо действие, для третьего уровня необходимы суждения, связанные с личностным эмоционально-ценностным отношением к факту чужой культуры» [12, с. 117]. Таким образом, поликультурную компетенцию языковой личности можно рассматривать на трех уровнях: когнитивном, аффективном, коммуникативно-деятельностном, или коммуникативно-поведенческом. В рамках межкультурного дискурса (как исторически сложившейся «ленты жизни», о необходимости включения которой в коммуникативный процесс говорили еще Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба, Э. Бенвенист, Э. Бюссанс и З. Харрис) невозможно эффективно общаться без учета «чужой» точки зрения на проблему, без сопоставления, анализа специфики иной культуры, без принятия стереотипов как минимум двух языковых картин мира. Только при таком посыле методическое поле изучения иностранного языка, в т. ч. русского языка иностранными студентами расширится до пределов *язык-культура-человек*. Предвидя вопрос оппонента о различии страноведческой и

межкультурной информации, подчеркнем, что страноведение все же ориентировано не на диалог культур, а на выделение культурно-специфических черт конкретной культуры, тогда как межкультурный аспект лингводидактики отражает как *self-awareness*, так и *cross-cultural awareness*. По справедливому замечанию А.А. Леонтьева, язык есть «орудие диалога человека с миром и в то же время человека с человеком» [2, с. 79]. Метаморфозы языка хорошо прослеживаются в контексте межкультурного диалога, который расширяет границы сознания языковой личности. Не мир зависим от языковой картины мира, а язык приспособляется к реалиям действительности.

Можно сказать, что современные когнитивные и лингвосомиотические исследования, а также лингводидактические наблюдения и практика иноязычного образования позволяют заключить: в вопросе первичности языка и мышления определяющим является мышление. На это указывал в свое время Л.С. Выготский: «Речевое мышление не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи. Есть большая часть мышления, которая не будет иметь непосредственного отношения к речевому мышлению. Сюда следует отнести инструментальное и техническое мышление и вообще всю область так называемого практического интеллекта...» [2, с. 81]. Современные исследования языкового сознания с учетом неотвратимых глобализационных процессов признают «лингвистическую относительность» семиотических предпочтений разных культур и необходимость разработки модели межкультурного просвещения, не исключающей парадигмальной оценки языка в контексте представления языкового материала с опорой на типичные факты и события, свойственные той или иной национально-языковой культуре, и в то же время не отрицают изучение учебного материала «фокусно», «экземпляристски», с опорой на основательный анализ единичного факта, явления или события, если они способствуют развитию языкового чутья инофона. Современные методологические инновации в лингводидактике все чаще соотносятся с т. н. «поддерживающим обучением»: от *survival language* к языку как инструменту общения, что особенно актуально в контексте глобализирующегося мира.

1. *Черкашина Т.Т.* Менеджер как субъект языка и культуры: монография. М., 2008.
 2. *Черкашина Т.Т.* Коммуникативная компетенция менеджера и проблемы формирования диалога культур: метаметодический подход: монография. М., 2010.
 3. *Фуко М.* Слова и вещи. СПб., 1994.
 4. *Попов Э.В.* Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.
 5. *Прохоров Ю.Е.* Текст и дискурс в современном русском коммуникативном пространстве и практика преподавания русского языка как иностранного // Текст в лингводидактическом аспекте. Калининград, 2003. С. 9-25.
 6. *Будильцева М.Б., Новикова Н.С., Саенко Т.И.* Интерференция и формирование коммуникативной компетенции // Русская словесность. М., 2013. № 1. С. 62-67.
 7. *Sayenko T., Novikova N.* Mitigation of Cross-Cultural Differences in International Communication // NUSB Journal of Economics and Information Science. Japan, 2013. Vol. 57. № 2. P. 87-92.
 8. *Новикова Н.С., Серова Л.К., Щербак О.М., Попова М.Т.* Стереотипы естественной речи и практика речевой коммуникации (прикладной аспект) // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник РКА. Ростов н/Д, 2002. С. 98-108.
 9. *Новикова Н.С.* Семантика «маленьких слов» и проблемы адекватного понимания // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сборник научных трудов. Ч. 2. М., 2014. С. 78-85.
 10. *Балыхина Т.М., Черкашина Т.Т.* Реабилитация системного плюрализма как перспектива построения лингводидактической модели обучения китайских студентов по направлениям подготовки «Менеджмент» и «Экономика»: монография. Томск, 2013.
 11. *Черкашина Т.Т., Тартыньских В.В., Филindaш Л.В. [и др.]*. Программа учебной дисциплины «Межкультурные коммуникации» для прикладного бакалавриата. М., 2013.
 12. *Бердичевский А.Л.* Межкультурное обучение: мода или необходимость? // Jornadas and aluzas de eslavistica: материалы 3 Международной конференции. Granada, 2004.
1. *Cherkashina T.T.* Menedzher kak sub"ekt yazyka i kul'tury: monografiya. M., 2008.
 2. *Cherkashina T.T.* Kommunikativnaya kompetentsiya menedzhera i problemy formirovaniya dialoga kul'tur: metametodicheskiy podkhod: monografiya. M., 2010.
 3. *Fuko M.* Slova i veshchi. SPb., 1994.
 4. *Popov E.V.* Obshchenie s EVM na estestvennom yazyke. M., 1982.
 5. *Prokhorov Yu.E.* Tekst i diskurs v sovremennom russkom kommunikativnom prostranstve i praktika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // Tekst v lingvodidakticheskom aspekte. Kaliningrad, 2003. S. 9-25.
 6. *Budil'tseva M.B., Novikova N.S., Saenko T.I.* Interferentsiya i formirovanie kommunikativnoy kompetentsii // Russkaya slovesnost'. M., 2013. № 1. S. 62-67.
 7. *Sayenko T., Novikova N.* Mitigation of Cross-Cultural Differences in International Communication // NUSB Journal of Economics and Information Science. Japan, 2013. Vol. 57. № 2. P. 87-92.
 8. *Novikova N.S., Serova L.K., Shcherbakova O.M., Popova M.T.* Stereotipy estestvennoy rechi i praktika rechevoy kommunikatsii (prikladnoy aspekt) // Teoriya kommunikatsii i prikladnaya kommunikatsiya. Vestnik RKA. Rostov n/D, 2002. S. 98-108.
 9. *Novikova N.S.* Semantika "malen'kikh slov" i problemy adekvatnogo ponimaniya // Funktsional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem: sbornik nauchnykh trudov. Ch. 2. M., 2014. S. 78-85.
 10. *Balykhina T.M., Cherkashina T.T.* Reabilitatsiya sistemnogo plyuralizma kak perspektiva postroeniya lingvodidakticheskoy modeli obucheniya kitayskikh studentov po napravleniyam podgotovki "Menedzhment" i "Ekonomika": monografiya. Tomsk, 2013.
 11. *Cherkashina T.T., Tartynskikh V.V., Filindash L.V. [i dr.]*. Programma uchebnoy distsipliny "Mezhkul'turnye kommunikatsii" dlya prikladnogo bakalavriata. M., 2013.
 12. *Berdichevskiy A.L.* Mezhkul'turnoe obuchenie: moda ili neobkhodimost'? // Jornadas and aluzas de eslavistica: materialy 3 Mezhdunarodnoy konferentsii. Granada, 2004.

Поступила в редакцию 28.10.2015 г.

UDC 811.161.1'22

METHODOLOGICAL PARADIGM ESTIMATION OF LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZING WORLD OF LINGUISTIC-PRAGMATIC ASPECT

Tatyana Tikhonovna CHERKASHINA, State University of Management, Moscow, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Russian Language and Linguistic Communications in Management Department, e-mail: ttch2004@yandex.ru

Natalya Stepanovna NOVIKOVA, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language Department, e-mail: natalynov@yandex.ru

The linguistic-pragmatic aspects of modeling foreign language education considering language from the point of view of its methodological paradigm of assessment in the context of a globalizing world, where all changes of civilization will inevitably affect the development of the language is presented. The links between the challenges of a globalizing world and the reflection of these challenges in language (including the destabilization of the lexical fund) are analyzed, and a retrospective analysis of the links between language and cognitive activity of the person is provided. On the base of Russian mentality the formation of a national language picture of the world is analyzed, identified and explained features of this picture for contemporary Russian native speakers. The concept of communicative norms is revealed, analyzing its structure, and the mechanisms of formation of this standard in a natural way (for a child learning about the world) and artificially (for a student studying a foreign language) are investigated. The points where communicative norms native and studied languages do not match are identified and the typical errors in cross-cultural communication caused by this mismatch are analyzed. The problems of perception and understanding by foreigners so-called "little words" and speech standard are discussed, and some recommendations to overcome the discussed difficulties upon cross-cultural communication are provided.

Key words: language reality; linguistic-pragmatic aspect; paradigm; dialogue of cultures; language expansion; prospects of foreign language education.

УДК 81'42

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА¹

© Ольга Георгиевна ДУБРОВСКАЯ

Тюменский государственный университет, г. Тюмень,
Российская Федерация, доктор филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода,
e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Рассмотрены социокультурный подход и его особенность к исследованию когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Научная проблема репрезентации человека как представителя социокультуры в языке осуществляется в рамках когнитивной лингвистики, которая позволяет изучить специфику интерпретирующей деятельности человеческого сознания с позиции взаимодействия мыслительных и языковых структур, обеспечивая значимость и актуальность работы. Выделена типология контекстов знаний субъекта: контекста интересующих знаний и контекста социокультурных знаний, которые представлены социокультурными и дискурсивными практиками, активизируемыми субъектом в процессе речетворчества. Показана зависимость контекстов знаний, социокультурных и дискурсивных практик от концептуально-тематических областей, отображающих опыт жизнедеятельности субъекта в его социокультурной среде. Доказано, что социокультурная специфика дискурса формируется под влиянием контекстов знаний субъекта, что, в свою очередь, предполагает отказ от абсолютизации невербальных основ конструирования дискурса. Определена роль индивидуального и коллективного факторов в процессе формирования дискурсивного сообщения, сформировано представление о социокультурной специфике дискурса, продемонстрировано когнитивное варьирование дискурса и проанализирован фактор адресата, обуславливающий когнитивное варьирование. Сделан вывод о том, что социокультурный подход к дискурсу в рамках когнитивной лингвистики дает возможность по-новому объяснить особенность проявления культурологического фактора в языке за счет обращения к контекстам знаний субъекта.

Ключевые слова: контекст интересующих знаний; контекст социокультурных знаний; когнитивное варьирование; социокультурная специфика дискурса; социокультурные и дискурсивные практики.

Современный этап развития лингвистики по-прежнему характеризуется пристальным вниманием исследователей к вопросам, касающимся изучения взаимосвязи языка, сознания и собственно культуры человека. В своем стремлении выявить особенности проявления культурологического фактора в языке, а также объяснить механизмы формирования социокультурных смыслов лингвистам важно учитывать антропоцентричность языка (т. е. его ориентированность на человека), а также рассматривать язык как когнитивную способность человека, который осуществляет свою жизнедеятельность в рамках конкретных социумов и культур и интерпретирует окружающий мир с помощью языка.

В познавательной жизнедеятельности субъекта и в процессе языковой интерпретации язык не является «застывшей» системой. Он вовлечен в ментальную область человеческого сознания, включающего знания, ко-

торые служат основой для языкового функционирования в рамках динамической модели языка и функционально-семиологического подхода в частности [1; 2]. Дискурсивная деятельность субъекта, как отмечает Е.С. Кубрякова, осуществляется в сложной системе внешнего, физического, мира культуры и социума, в которых живет человек, и внутреннего, ментального, мира, который он формирует как представитель социокультуры и индивидуальный субъект [3]. Между этими двумя мирами нет знака равенства: «структура и содержание внутреннего мира человека принципиально отличаются от того, что мы обнаруживаем в окружающем нас мире» [4, с. 44]. С этих теоретических позиций очевидно, что, оказывая влияние на формирование дискурса, способы и особенности взаимодействия субъектов в социокультуре не копируют окружающий мир, его структуру, взаимосвязи, особенности устройства, а участвуют в процессе построения концептуальной системы субъекта, определяя специфику его знаний, в рамках которых осуществляет-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

ся когнитивно-дискурсивная деятельность, языковая интерпретация и формирование дискурса в целом.

Цель данной работы – продемонстрировать особенность социокультурного подхода к дискурсивным исследованиям, которая заключается в том, что социокультурная специфика дискурса формируется и определяется знаниями, которыми обладает субъект и которые он получает в процессе социализации в рамках конкретной культуры.

В работах отечественных ученых показано, что в когнитивной системе человека опыт, приобретаемый в процессе жизнедеятельности, представлен в виде таких концептуально-тематических областей, как ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и т. д., каждая из которых, в свою очередь, может быть структурирована в виде более частных областей и отдельных концептов [5]. Эти области являются универсальными для большинства социокультур, поскольку сопряжены с повседневной жизнедеятельностью человека как биологического и разумного существа. Специфика их содержания и структуры определяется знаниями о различных сферах деятельности человека в рамках определенной социокультуры. Например, в концептуальной области АРТЕФАКТ может быть выделена концептуальная область СООРУЖЕНИЯ, представленная разнообразными концептами и категориями. В рамках русской языковой культуры концепт ДОМ активизируется языковыми единицами разной структуры: *особняк, квартира, однокомнатная квартира* и др. Для носителей английского языка концепт HOUSE неразрывно связан с концептом HOME. Они активизируются на уровне языковой системы такими языковыми единицами, как: *detached house, shared house, single-owner apartment, attached house, nursing home* и др. Языковые единицы разносистемных языков профилируют разные социокультурные знания субъектов-носителей этих языков. Внутри одной лингвокультуры, однако, эти знания являются коллективными, образуя контекст коллективных знаний субъекта (носителей русского языка или носителей английского языка). Например, *трехкомнатная квартира* в сознании носителей русского языка представлена прототипом квартиры с залом и двумя

спальнями, одна из которых может быть использована в качестве детской; наличие кухни подразумевается. Английская языковая единица *three-bed room house* используется для наименования жилища с тремя спальнями, несмотря на то, что в помещении, как правило, имеются зал, кухня и т. д.

Тесная взаимосвязь коллективных (языковых) и индивидуальных (социокультурных) знаний подчеркивается в термине «социокультурный»: субъект является представителем конкретных социума и культуры (русской, японской, семейной, гендерной, профессиональной, общественной, политической и др.). Как носитель этих социокультур и, следовательно, субъект социокультурных знаний он формирует дискурс, отражая социокультурную специфику своей концептуальной системы, как правило, каждый раз выводя в фокус интерпретации определенный тип знания, наиболее важный на взгляд субъекта, т. е. интерпретирует мир в пределах территориального, гендерного, профессионального, бытового знания своей концептуальной системы, сформированной при участии конкретного языка (языков). Дискурсивная деятельность субъекта представляет собой его языковую активность в контексте знаний; активность не сама по себе, а активность, погруженную в его социокультурные знания.

Структура и содержание концептуально-тематических областей, как отмечает Н.Н. Болдырев, зависят от социокультурного опыта и социокультурных знаний конкретного человека (места его жительства, образования, профессии, круга общения, возраста, гендера, уровня жизни и социального статуса и т. д.), т. е. концептуально-тематические области выступают в качестве основы для формирования индивидуальных когнитивных схем структурирования мира и знаний о нем [6], определяя, тем самым, концептуальную систему субъекта, по Р.И. Павлинису [7]:

Здесь все на своем месте: игрушки, книжки и даже дети. А по-другому и быть не может: детский дом есть детский дом. Здесь свои законы [НКРЯ] (репрезентируется опыт субъекта о доме из концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК / ДЕТИ);

Дом / это когда мама дома (опыт и знания о доме субъекта-дошкольника отображен в концептуально-тематической области МАТЬ);

As the house is of the Georgian period, I was thinking of oak as a possibility, but I would be most grateful if you could let me know what other types of wood are suitable, either hardwood or softwood, including some of the foreign hardwoods that are not available [BNC] (опыт субъекта, имеющего представление / знание из области АРХИТЕКТУРА).

Социокультурный опыт и знания субъекта находят отражение в социокультурных и дискурсивных практиках как разных результатах когнитивной обработки информации, поступающей к человеку, как неязыковых и вербальных способах концептуализации и категоризации мира. Например, социокультурный опыт в области ОБРАЗОВАНИЕ предполагает знания о профессиональном, среднем, школьном образовании (и их особенностях) в России и за рубежом, о традициях и новшествах, о конкретных университетах, способах поступления, сдачи экзаменов – всего объема информации, который может входить в тематические концепты [8; 9]. У каждого субъекта глубина содержания тематических концептов существенно отличается (ср.: студент – абитуриент – школьник 9-го класса).

Изучение дискурса как результата и процесса когнитивной деятельности человека с точки зрения социокультурного подхода, учитывающего контекст, в котором социализируется субъект, приобретая знания о социуме и культуре, в которых он живет, предполагает раздельное описание двух видов практик: социокультурных практик как неречевых действий субъекта и дискурсивных практик, т. е. вербализованных структур.

Социокультурные практики представляют собой конкретную активность субъекта, основанную на его социокультурных знаниях (социокультурная практика «выступление на конференции» (студенческой, международной), социокультурная практика «защита диссертации» (магистерской, кандидатской, докторской)). Дискурсивные практики как конкретные речевые формулы, которые активизирует субъект в процессе построения дискурса, могут также существенно различаться, демонстрируя зависимость от знания ситуации, традиций, норм, уровня владения языком, образования субъекта, его интенций, степени знакомства с адресатом. Так, социальная практика «демонстрация улыбки»

может существенно различаться в рамках англоязычной и русскоязычной культур по признаку «внешний» – «внутренний»: повсеместная улыбчивость американцев, например, продиктована внешними нормами вежливого общения с участниками коммуникации, тогда как в улыбке носителей русской культуры усматриваются причины внутренней потребности выразить радость, искренность (при виде старых знакомых, например). Эта социальная практика имеет системно-языковую репрезентацию в русском и английском языках: *горестная улыбка; счастливая улыбка на устах; обаятельная улыбка; великодушная улыбка; улыбка застыла (на лице); улыбка исчезла с лица и suppress a smile; get a smile back; with a smile; the smile came back (to her face); give a smile; sad smile; knowing smile; sheepish smile; cold smile* и т. д., а также дискурсивную практику, объективирующую правила вежливого обращения с клиентами в магазине: *Can I help you, Sir?*, дискурсивную практику, репрезентирующую радость встречи: *Боже мой / Ироника / как я рада тебя видеть.*

Социокультурный опыт и знания субъекта, представленные как невербальными, так и вербальными способами их хранения в сознании субъекта (т. е. социокультурными и дискурсивными практиками), формируют контекст социокультурных знаний, в рамках которого осуществляется формирование дискурса. Именно контекст социокультурных знаний обуславливает его (дискурса) социокультурную специфику: не сам гендер, культура, социальный статус и т. д. субъекта (адресата) влияют на исход дискурсивного события, а переработка этой информации человеком не только как биологическим субъектом (психофизиологические различия полушарий мозга женщин и мужчин, например), но прежде всего как представителем той или иной социокультуры (*Он – мой подчиненный, значит... Она уже взрослая, поэтому...* и т. д.).

Контекст социокультурных знаний субъекта формируется на базе контекста коллективных (языковых, intersubjectных) знаний и выступает как результат выделения единиц нового или известного знания с помощью языковых средств для их последующей передачи собеседнику. Индивидуальные смыслы представляют собой дискурсивную реализацию системных значений языковых единиц.

Когнитивное варьирование обеспечивается за счет профилирования знаний из разных концептуально-тематических областей:

Яблоко – это не только питательный, богатый витаминами фрукт, но и яркий символ, используемый не только в библейских сюжетах, но и в отечественной политике [НКРЯ]. Формирование дискурса осуществляется в контексте бытовых, библейских и политических социокультурных знаний субъекта, отсылающих к концептам ПОЛЕЗНЫЙ, АДАМ и ЕВА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ Г. ЯВЛИНСКОГО, КОНЕЦ XX ВЕКА;

5-й прием пищи (он же полдник): одно большое яблоко или любой другой фрукт, кроме винограда, бананов, дыни и арбуза [НКРЯ]. Формирование социокультурной специфики дискурса осуществляется в контексте социокультурных знаний о культуре еды; когнитивное варьирование обеспечивается отсылкой к концептуальным характеристикам «фрукт – перекус», «фрукт – легкая, а не тяжелая пища»;

Я чувствовал себя замысловато, как фрукт, удаленный из натюрморта [НКРЯ] (реализуются социокультурные знания из профессиональной сферы художника);

Я очнулся, повел глазом туда-сюда, узнал этот неприятный свет, попытался изобразить улыбку. Жена чуть заметно улыбнулась и с облегчением выдохнула: – Ну, воин сталинского фронта! Ну, фрукт с сибирского огорода! Отбушевал? Отвоевался? Я к чему так подробно про баню-то? [НКРЯ] (активизируются концепты ВОЙНА, ВОЖДЬ, РОДИНА);

Чем больше слушали, тем блокбастернее. Блокбастер – фрукт теплолюбивый, почти парниковый. Поэтому в осенние холода слетаются они со всей земли в московские комфортабельные кинотеатры [НКРЯ]. Формирование дискурса осуществляется в контексте социокультурных знаний деятеля культуры и кино (актера, режиссера и др.);

For instance, Apple last year sold in Britain computers worth £42.5 million while Sinclair managed sales of just £8.6 million [BNC] (интерпретирующим контекстом социокультурных знаний выступают знания о корпорации Apple);

Basically, it's a CD which you insert in your IBM player on an Apple Mac, and you have eighty tracks plus all the videos [BNC] (контек-

стом социокультурных знаний являются знания о компьютерах).

Системное значение лексем *яблоко, фрукт, apple, fruit* в самом общем виде презентует знания из концептуально-тематических областей СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПЛОД, ЧЕЛОВЕК (PLANT, CROP / PRODUCT, HUMAN BEING).

Важным фактором, обуславливающим когнитивное варьирование, является фактор адресата. Так, в следующих примерах социокультурная специфика дискурса определяется знаниями интересов и предпочтений адресата:

– в сфере спортивной жизни:

(1) Я говорю об этом / дорогие друзья / потому что понимаю / что сегодня меня смотрит не только гигантская аудитория футбольных болельщиков / которые всегда у экранов во время футбольных матчей / но и пришедшая / скажем так / им на помощь группа телезрителей / которая / может быть / в обычное время не смотрит футбол (В. Гусев о ЧМ по футболу в 2008 г. между Россией и Англией [<https://m.youtube.com/watch?v=XIpCWnHjJc>]). Дискурс субъекта обращен к группе телевизионных болельщиков, а также зрителей, присутствующих непосредственно на матче, что объективируется соответствующими языковыми единицами;

– в области туризма (дискурс (2–4 ниже) ориентирован на путешественников и любителей активного отдыха):

(2) Название переулочка получил от Гранатового двора, находившегося на месте современных участков № 4–8, где хранились заряды, порох, ядра. Особняк, выстроенный в готических формах, – работа известного московского архитектора А.Э. Эрихсона, выполненная им в 1899 г. для жены потомственного почетного гражданина Анны-Луизы Леман. Разнообразны интерьеры его, отделанные ценным деревом и лепными украшениями. До советской власти особняк принадлежал московскому губернскому предводителю дворянства П.А. Базилевскому. В 1919 г. здесь помещался Всероссийский главный штаб Реввоенсовета, в 1920-х гг. – центральное бюро по обслуживанию иностранцев, в 1933–38 гг. – канцелярия французского посольства (Путеводитель «Вся Москва» 2010. С. 178);

(3) *In the opposite direction, that is to say, heading towards the Thames mouth, stands the Oxo Tower, the former headquarters of the famous stock-cube manufacturers, now refurbished into private apartments, two restaurants, a viewpoint commanding magnificent vistas and latest-generation fashion and design shops. Leaving the Oxo Tower behind us, we come to two key points in the “new” London: the Millennium Bridge and the Tate Modern. The former is a stylized pedestrian bridge over the Thames, designed by Norman Foster and Anthony Caro, linking the Tate Modern with St Paul’s Cathedral. The bridge which commands splendid views is illuminated at night to resemble even more a “blade of light”. For its part, the Tate Modern is one of the largest and finest modern art museums in the world* (Путеводитель «All London Guide Book» 2009. С. 46);

(4) *Заблудился? Скачай карту Google. Карты Google – удобный навигатор в твоём мобильном телефоне! Найти нужный адрес, подобрать оптимальный маршрут проезда можно нажатием всего нескольких клавиш. Карты можно приближать, удалять, перемещать в любом направлении – и при этом не перезагружать страницу. Загрузи карты Google по номеру.*

Выбор признака, который выступает в качестве интерпретирующего знания, обусловлен фактором функции – прагматическим назначением памятников культуры и архитектуры для туристов, путешественников, исследователей в (2–3), утилитарной оценкой в (4). Последняя ориентирована на передачу не только фрагмента социокультурного знания о важности устройства для категории лиц, путешествующих по миру (командированных, например), но и точки зрения субъекта относительно этого знания: моделирование положительного облика объекта, незаменимого в дороге.

Социокультурная специфика дискурса (2–4) определяется концептами АРХИТЕКТУРА и АРХИТЕКТОРЫ, ИСТОРИЯ в (2) и АРХИТЕКТУРА и АРХИТЕКТОРЫ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ в (3), НАВИГАТОР, ПУТЕШЕСТВИЕ, СМАРТФОН в (4). Дискурсивные практики объяснения, описания, повествования в (2) реализуются за счет синтаксических структур, в которых подлежащие и сказуемые выражены существительными (*особняк – работа*); прилагатель-

ными (*готический, известный, лепной*); глаголами и глагольными формами, обозначающими хронологию действий (*получил, находившегося, хранились, выстроенный*). Они ориентированы на удовлетворение интеллектуальной потребности адресата, обращены к его знаниям / незнанию представителей профессиональных сообществ (*архитектора А.Э. Эрихсона*), общественных деятелей (*почетный гражданин*), социальных слоев (*предводитель дворянства П.А. Базилевский*).

Формирование дискурса в (3) осуществляется в контексте социокультурных знаний субъекта об инфраструктуре Лондона недавнего прошлого (репрезентируется лексически: *former*) и современного периода. Выбор признака «включенность адресата» в повествование, описание и объяснение субъекта поддерживается не только лексически (например, местоимение *we*), но и грамматически (Present Tense), за счет чего адресат становится участником события. Фрагмент текста ориентирован на активизацию эстетического опыта адресата: *refurbished, magnificent vistas, latest-generation fashion, stylized, splendid, largest and finest*.

Индивидуальный контекст знаний (контекст социокультурных знаний субъекта) в (4) сформирован в рамках концептуально-тематической области ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: (*скачай, навигатор, нажатие клавиш, перезагружать*).

Субъект, таким образом, выставляет требование к формируемому дискурсу: интерпретируя окружающую действительность, он (субъект) наполняет дискурс конкретным содержанием в зависимости от социокультурных знаний (от специфики контекста его социокультурных знаний), выбирая концептуально-тематическую область, классифицируя и оценивая предмет, явление с точки зрения индивидуальной концептуальной системы. Выбирая те или иные языковые единицы, маркирующие социокультурные знания, автор дискурса опирается на знания категориальных значений, когнитивных и языковых механизмов их реализации, на знания экстралингвистического характера и активизирует значимый с его точки зрения компонент, дефокусируя иные смыслы. Вся концептуальная система субъекта выступает в качестве базы (основания), на которой профилируется релевантная с точки зрения субъекта информация.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет заключить, что социокультурный подход к изучению дискурса необходимо осуществлять с учетом знаний субъекта, которые он приобретает и формирует в виде контекстов этих знаний (коллективных и социокультурных). Именно такой подход дает возможность объяснить индивидуальность дискурса каждого конкретного субъекта за счет собственной (т. е. субъектной) конфигурации всего интересующего (языкового) знания, которым овладевают носители того или иного языка, т. е. проследить креативность автора как реализацию его социокультурных знаний.

1. *Болдырев Н.Н.* Функциональная категоризация английского глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
2. *Болдырев Н.Н.* О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1998. Ч. 1. С. 116-119.
3. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М., 2012.
4. *Болдырев Н.Н.* Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 5. С. 43-51.
5. *Болдырев Н.Н.* Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 15. С. 12-22.
6. *Болдырев Н.Н.* Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 17. С. 33-39.
7. *Павленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

8. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
9. *Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 11-16.

-
1. *Boldyrev N.N.* Funktsional'naya kategorizatsiya angliyskogo glagola: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1995.
 2. *Boldyrev N.N.* O funktsional'no-semiologicheskom podkhode k analizu yazykovykh edinit // Kognitivnaya lingvistika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Tambov, 1998. Ch. 1. S. 116-119.
 3. *Kubryakova E.S.* V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya. M., 2012.
 4. *Boldyrev N.N.* Otsenoch'naya metareprezentatsiya: problemy izucheniya i opisaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vyp. 5. S. 43-51.
 5. *Boldyrev N.N.* Interpretatsionnyy potentsial kontseptual'noy metafory // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2013. Vyp. 15. S. 12-22.
 6. *Boldyrev N.N.* Kontseptual'no-tematicheskie oblasti yazykovoy kartiny mira i ikh interpretiruyushchaya funktsiya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2014. Vyp. 17. S. 33-39.
 7. *Pavlenis R.I.* Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka. M., 1983.
 8. *Boldyrev N.N.* Yazykovye kategorii kak format znaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2006. № 2. S. 5-22.
 9. *Boldyrev N.N.* Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Vyp. 60. № 33 (248). S. 11-16.

Поступила в редакцию 29.10.2015 г.

UDC 81'42

SOCIO-CULTURAL APPROACH TO DISCOURSE STUDY

Olga Georgievna DUBROVSKAYA, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor of English Philology and Translation Department, e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Socio-cultural approach to cognitive-discursive activity of language speakers is analyzed. The scientific problem of representation of human beings as members of societies and cultures in language is defined within cognitive linguistics that gives insights into interpretive activity of language speakers from the point of view of cognitive and linguistic mechanisms of meaning-making. This approach is considered to be relevant for the typology of context of knowledge as a two-dimensional unity: context of collective knowledge and context of socio-cultural knowledge. They, in turn, are manifested via social and discourse practices that are activated by language speakers in the process of discourse construction. These contexts of knowledge as well as the practices are dependent on conceptual and thematic domains that reflect experience human beings possess. It is argued that socio-cultural specificity of discourse is revealed through contexts of knowledge. This claim rejects non-verbal basis of discourse construction. A fundamental role of individual and collective knowledge in the process of discourse processing is defined, as well as the idea of socio-cultural discourse specificity. Cognitive variation and the addressee-factor are exemplified. It is concluded that socio-cultural approach and the study of discourse outlines new perspectives in socio-cultural turn of cognitive linguistics.

Key words: context of collective knowledge; context of socio-cultural knowledge; cognitive variation; socio-cultural discourse specificity; socio-cultural and discourse practices.

УДК 371.315

СТРАТЕГИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА И ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЕВРОСОЮЗЕ

© Ольга Борисовна ПОНОМАРЕВА

Тюменский государственный университет, г. Тюмень,
Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка,
e-mail: obonomareva@list.ru

Рассмотрены стратегии плюрилингвизма и мультилингвизма в языковой политике Европейского союза. Устанавливаются основные приоритеты по изучению языков в национальном масштабе и в масштабе ЕС и определяются совместные действия на последующие 3–5 лет. Рассмотрены понятия «плюрилингвизм» и «мультилингвизм», их сходства и различия. Плюрилингвизм является синонимом определенной интеркультурной компетенции, которая состоит из трех базовых частей: когнитивной, аффективной и бихевиоральной. Когнитивная представляет собой знания, опыт и информацию не только о зарубежной, но и о своей культуре. Аффективная связана с эмоциональным проживанием межкультурной ситуации с интеркультурной эмпатией, бихевиоральная представляет собой способность проводить адекватную межкультурную коммуникацию и решать интеркультурные конфликты. Инициативной группой по мультилингвизму вводится термин «персональный адаптивный язык» и подчеркивается, что обладание двумя иностранными языками вдобавок к своему родному языку должно стать основной целью граждан ЕС. Второй «персональный адаптивный» иностранный язык должен стать средством знакомства с культурой, историей и литературой страны изучаемого языка. Идея «персонального адаптивного» языка является концептом будущего. Второй иностранный язык будет дополнением к первому, освоенному для профессиональных целей. Подчеркивается важность пожизненного аспекта обучения, необходимого для туризма и путешествий людей пенсионного возраста и для профессионалов как отдельной группы населения, извлекающих пользу от изучения языка вне рамок образовательных учреждений. В условиях мультилингвизма и плюрилингвизма изменяется цель языкового образования. Теперь совершенное владение одним, двумя или даже тремя языками не является целью. Целью становится развитие такого коммуникативно-речевого репертуара, где есть место всем лингвистическим умениям, что предполагает формирование многоязычной компетенции.

Ключевые слова: многоязычие; мультилингвизм; плюрилингвизм; многоязычная компетенция; «персональный адаптивный язык».

Основой демократии в Европейском союзе (ЕС) является лингвистическая демократия, как необходимое условие развития процессов европейской интеграции, включающей в настоящее время 28 государств и 24 официальных рабочих языка с 500 млн граждан [1].

Дискуссии по языковой политике в различных межправительственных учреждениях выявили ряд конфликтных ситуаций при попытке включить и признать основные и второстепенные языки, т. к. языки составляют основу демократических переговорных процессов с активным участием граждан ЕС в этих процессах. Мир, в котором каждая лингвистическая группа изолирована, представляется невозможным в современной действительности. Предлагается ряд факторов «идеальной» **функциональной, мультилингвальной, демократической и экологической языковой политики** [2], требующей, чтобы все члены ЕС (большие и малые) при-

обрели продвинутый уровень знаний не только родного(ых) языков, но также и других с помощью специальной образовательной программы (модель изучения трех языков, используемая в европейских школах). Дополнительно предлагается изучение запланированного языка (например, эсперанто). По мнению ряда авторов, если этот запланированный язык одновременно приобретет статус основного рабочего языка Парламента, то будет достигнут полный и равный доступ ко всем демократическим процессам в межправительственных организациях ЕС.

По мнению ряда авторов, **экологическая языковая политика** должна создать необходимые условия для всех языков ЕС. Экологический взгляд на язык предполагает соблюдение прав человека, равноправие коммуникации, мультилингвизм, защиту всех христианских языков и культур, защиту суверенности государства и активное изучение новых языков. Экологическая языковая по-

литика должна включать также эксплицитные законы, касающиеся областей функционирования различных языков, например, официальные языки, рабочие языки, языки документации и ассоциативный языковой план, включающий статус, корпус и использование этих языков. Эта политика послужит противовесом по отношению к неравным «рыночным ценностям» и может быть достигнута путем защиты языков с помощью установления базовых языковых прав человека.

Подчеркивается, что язык – один из самых сильных действенных средств, связывающий различные этнические группы и позволяющий наводить мосты между ними. Тем не менее, язык может ограничивать общение и возводить барьеры, препятствующие взаимодействию между этническими группами [2].

Языки играют центральную роль в передаче идей в информировании сообщества ЕС, поэтому осознание языковой важности приобретает особую значимость, т. к. языки являются основой общения между различными группами и определяют их статус и позицию в сообществе. Языки также играют ключевую роль в определении неравенства сил в отношениях и могут быть средством колонизации для элитных групп [3]. Для осознания языковой важности в соотношении сил, включая проблемы статуса и языковой политики, необходим анализ этих проблем. ЕС уделяет такое же большое внимание языковой политике, как и другим аспектам социальной и экономической политики [4].

Языковая политика Евросоюза опирается на основные концепции: **это многоязычие, мультилингвизм и плюрилингвизм. Многоязычие** как родовое понятие вбирает в себя феномен мультилингвизма и плюрилингвизма. **Мультилингвизм** больше связан с языковой ситуацией, с существованием нескольких языков в определенной стране или определенном регионе. **Плюрилингвизм** соотносится с индивидуальным владением языком, иначе говоря, с многоязычием индивида.

В условиях мультилингвизма и плюрилингвизма изменяется цель языкового образования. Теперь совершенное владение одним языком или двумя или даже тремя языками не является целью. Целью становится

развитие такого **коммуникативно-речевого репертуара**, где есть место **всем лингвистическим умениям, что предполагает формирование многоязычной компетенции** [5].

Тот факт, что один и тот же термин используется для обозначения и мультилингвизма, и плюрилингвизма, не случаен, потому что в английском языке не существует разницы между этими терминами. Термин «плюрилингвизм» не значится в словарях английского языка, и если сделать запрос в поисковой системе la Toile на слово plurilinguism, можно проверить, что данный термин хоть и употребляется, но очень ограниченно. В результатах поиска он появляется в десять раз меньше, чем термин multilinguism. Согласно концепции гуманистического плюрилингвизма сближаются понятия плюрилингвизма и межкультурности. Вместе с тем анализ публикаций по рассматриваемой теме дает основание утверждать, что в понятиях «мультилингвизм» / «многоязычие» / «полилингвизм», всплывающих во всех европейских дебатах по европейскому языковому вопросу, присутствует неопределенность. Существуют не одна, а две противоположные концепции мультилингвизма, рассудить которые призвано понятие плюрилингвизма.

Различие связано с определением плюрилингвизма, данным Советом Европы [6]. По мнению Департамента по языковой политике, плюриязычным считается лицо, владеющее (на разных уровнях компетенции) несколькими языками. Термин «мультилингвизм» / «многоязычие» применительно к обществу не позволяет точно определить, существует ли знание людьми нескольких языков или это просто сосуществование нескольких языков в этом обществе. Обществом плюрилингвизма является общество, члены которого в большинстве своем плюриязычны, и термин «мультилингвизм» / «многоязычие» может сохранить свой обобщающий и неопределенный характер.

Перед лицом т. н. «современности», потерпевшей крушение, нужно создать иную современность, в которой достойное место займет плюрилингвизм» [6]. В слове «плюриальный» содержатся две семы единства и различия, которых нет в слове «многочисленный». Вероятно, по этой же причине

«множественный» / «плюральный» допускает сосуществование двух противоположностей – «единого» и «своеобразного», тогда как «своеобразный» не является противоположностью «многочисленного» [7].

«Своеобразность» не тождественна «единичности». В «своеобразности» кроется несокрушимая уникальность, которая из-за невозможности ее воспроизводства несовместима с самой идеей об увеличении в количестве. Своеобразный человек по причине своей своеобразности имеет отношение к таким понятиям, как причуда, странность, эксцентричность, необычность, экстравагантность, оригинальность, которые порою употребляются с уничижительным оттенком. Своеобразие подчас плохо воспринимается окружающими. По этой же причине множественность поддерживает единство, сплоченность, тогда как многочисленность остается нейтральной с этой точки зрения. Плюральный происходит от «плюс», что означает «больше одного», но необязательно «многочисленный». Как человек плюриязычный ценится больше, чем человек одноязычный (Карл V выразил подобную мысль, сказав, что человек, говорящий на четырех языках, стоит четырех человек), так и плюриязычная страна имеет бесспорное преимущество перед одноязычной страной.

Согласно точке зрения Д. Рогозина, «полилингвизм» является синонимом «мультилингвизма» и определяется как «многоязычие, употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [8].

Основная мысль конференции ЕС, прошедшей 24 февраля 2009 г., – поощрение европейских граждан изучать два иностранных языка как основу новой стратегии ЕС по мультилингвизму. Конференция была организована для того, чтобы «установить основные приоритеты для дальнейших действий по изучению языков в национальном масштабе и в масштабе ЕС» и имела целью определить совместные действия на последующие 3–5 лет. Еврокомиссия ожидает использовать результаты конференции в качестве «основы для взаимодействия Европарламента и Евросовета

та в выработке всеобъемлющей языковой политики в течение 2009 г.» [9].

Выделяются два аспекта стратегии ЕС по языковой политике. По мнению члена Еврокомиссии П. Перруччи, новая стратегия предполагает включение аспекта «управления», в то время как основным вызовом будет «устойчивость» и дальнейшее развитие политики ЕС по мультилингвизму. П. Перруччи подчеркнул, что основное финансирование портфолио мультилингвизма будет направлено на перевод и интерпретацию и 15 % на собственную политику Комиссии. Но это «цена демократии» и право членов ЕС пользоваться всеми языками сообщества. Более того, новая стратегия будет включать и политический аспект, в то время как Еврокомиссия попытается включить культурные, национальные и деловые аспекты – так же как и те, что связаны с интеграцией мигрантов – совместно с «всеобъемлющей» политикой мультилингвизма» [9].

Член Еврокомиссии господин В. Орбан поддержал предложение ввести термин **«персональный адаптивный язык»**, содержащийся в докладе инициативной группы по мультилингвизму, и повторил, что обладание двумя иностранными языками вдобавок к своему родному языку должно стать основной целью граждан ЕС. По его мнению, второй «персональный адаптивный» иностранный язык должен стать средством знакомства с культурой, историей и литературой страны изучаемого языка. Эта точка зрения была поддержана министром образования Словении М. Зверем, который заявил, что идея «персонального адаптивного» языка является «концептом будущего».

Второй иностранный язык будет дополнением к первому, освоенному для профессиональных целей. Конференция также выделила важность пожизненного аспекта обучения, необходимого для туризма и путешествий людей пенсионного возраста и для профессионалов как отдельной группы населения, извлекающих пользу от изучения языка вне рамок образовательных учреждений.

Виконт Э. Дэвидсон, председатель делового форума, предупредил, что важно «найти нужный баланс» в продвижении многоязычия», т. к. «фактически» бизнесу ЕС более способствует одноязычие. Хотя деловой мир не уверен, что все проблемы Европы могли

бы быть решены с помощью одного языка, «английский язык помогает в ряде аспектов» и особенно «во внутренних аспектах бизнеса», по мнению Э. Дэвидсона, и, следовательно, «это один из языков, которыми следует овладеть» [9].

Министры отметили центральную роль родного языка для сохранения **культурной идентичности** этнических меньшинств и иммигрантов, а также роль языка принимающей стороны для обеспечения социальной интеграции. Член Еврокомиссии В. Орбан выразил мнение, что, сохраняя родной язык, «молодые иммигранты обеспечивают самоидентичность в другой стране».

Когда его спросили, рассматривается ли предложение изучать второй язык принимающей стороны гражданами как «утрату национального самосознания», В. Орбан признал, что зачастую языки используются как «оружие», потому что мультилингвизм – это «очень чувствительный» и «очень политический» аспект.

Идеи, выдвинутые для обсуждения на конференции, были включены в решения Евросовета по мультилингвизму на заседании майского Евросовета. Подчеркнув «независимость» доклада группы из высокопоставленных представителей Совета и отметив, что образование находится в национальной компетенции каждой страны, в то время как принцип разделения власти должен быть также соблюден, члены Еврокомиссии выразили мнение, что существуют институциональные обязанности ЕС, связанные с мультилингвизмом, и их необходимо решать «совместно с членами ЕС». Министр образования Словении М. Звер подчеркнул, что мультилингвизм является не только средством улучшения «деловой активности», но также «играет важную роль» в улучшении «существования народов» [9].

Член Европарламента от Греции К. Батцелли, председатель Европарламента по культуре и образованию, сказала, что «мультилингвизм должен стать орудием и инструментом в повседневной жизни всех европейских граждан», спланировав «все культурные меньшинства». Поздравив В. Орбана и руководство Словении с новой инициативой по мультилингвизму, она отметила, что программы Сообщества по трудовой мобильности, по жизненному образованию и моло-

дежному движению особенно нуждаются в изучении языков.

Председатель делового форума виконт Э. Дэвидсон обещал, что деловой мир готов внедрить политику ЕС по мультилингвизму, если его практическая необходимость будет доказана. Призвав организовать систему для обмена опытом в деловом мире, он предостерег, что «политика, не подкрепленная практикой, – это воздушный замок».

Призвав к «новым подходам в образовании», ливанский писатель А. Маалауф, председатель группы интеллектуалов по мультилингвизму, сказал, что языки нельзя ранжировать по степени важности, поскольку они не только средство коммуникации. Это еще и основа культурной идентичности.

24 февраля 2009 г. на заседании по европейской идентичности обсуждалась тема «Мультилингвизм как культурный и лингвистический вызов для всех граждан объединенной Европы». Отмечалось, что ЕС пользуется 23 официальными языками, и количество его членов увеличивается. Европейские институты обращаются к ключевому термину мультилингвизма не только как выражению множественности языков, но и как к источнику и структуре европейских «ценностей» (мнение Н. Генри).

В Европейском документе, определяя цели и задачи основ мультилингвизма, М. Флеминг (2008) объяснял, что «понятие языков образования является двойственным, оно появилось вначале как средство, позволяющее выделить отдельные части программы, связанные с развитием языка...), но их также предполагалось использовать для трансляции фундаментальных ценностей, лежащих в основе Евросовета, а именно, прав человека, «плюрилингвизма», разнообразия языков и культур, социального единения и демократического гражданства». Посредством внедрения политики мультилингвизма в ЕС европейским гражданам предлагается стать мультилингвальными гражданами, владеющими, по крайней мере, тремя языками, чтобы более эффективно общаться с соседями.

М. Бирам (2007), профессор образования Даремского университета и советник по языковой политике в Совете Европы, подтвердил, что обучение языкам способствует «конкурентоспособности и мобильности», и

напомнил, что «обучение языку будет способствовать развитию межкультурного взаимопонимания, терпимости, социальной адаптации и развитию европейской идентичности».

Мультилингвизм в европейских институтах рассматривается как долговременная инвестиция посредством культуры и образования, создавая будущие поколения европейских граждан. Новые поколения будущих граждан объединенной Европы приучаются считать себя частью мультилингвальной и объединенной Европы (см. брошюру «Единение в Разнообразии» (2007), изданную на 27 языках, чтобы поощрять детей на начальном этапе обучения знакомиться с географией ЕС, изучать историю ЕС, европейские и национальные традиции каждой страны) [9]. Мультилингвизм – это культурный и лингвистический вызов для всех граждан объединенной Европы. В недавнем коммюнике Еврокомиссия представила детальное обоснование, приглашающее членов ЕС поддерживать мультилингвизм, поощряя граждан учить два языка. Мультилингвизм характеризуется как «основа европейской интеграции» и «лингвистического разнообразия», лежащих в «основе солидарности и благосостояния» [9].

За последние годы значительно изменилось значение понятия «плюрилингвизм» в рамках «Общеввропейских рекомендаций по изучению языков» [9]. В соответствии с вышеназванным документом понятие «плюрилингвизм» отличается от понятия «мультилингвизм» и является синонимом определенной интеркультурной компетенции, которая состоит из трех базовых частей: когнитивной, аффективной и бихевиоральной.

Первая из них (**когнитивная**) представляет собой знания, опыт и информацию не только о зарубежной, но и о своей культуре. Вторая (**аффективная**) связана с эмоциональным проживанием межкультурной ситуации с интеркультурной эмпатией. Третья (**бихевиоральная**) представляет собой способность проводить адекватную межкультурную коммуникацию и решать интеркультурные конфликты. Ни одна из этих составляющих интеркультурной компетенции не дается никому с рождения. Потому все они должны быть систематично развиты на уроках по иностранному языку.

Во Всеобщей декларации о культурном разнообразии Генеральная конференция ЮНЕСКО возвела культурное разнообразие в ранг «общего достояния человечества», «так же необходимого для человечества, как биоразнообразие для живой природы», и сделала его защиту **этическим императивом**, неотделимым от уважения достоинства человеческой личности [9]. Декларация имеет целью одновременно оберегать культурное разнообразие как живое, т. е. способное к обновлению сокровище, которое должно расцениваться не как застывшее достояние, но как процесс, гарантирующий само выживание человечества.

1. Podestá, Guido. 2001. Forberedelse af Europa-Parlamentet til en udvidet europæisk union. En rapport og vedtaget af Præsidiets 03.09.01. PE305.269/PRÆS/endel DV/448862DA. doc, samt arbejdsdokument nr. 9 “Sprogordningen: flere muligheder” (styringsudvalget om udvidelsen), DT447205DA.doc, PE305.382/PRÆS, Sg.EL/01-124.REV, Bruxelles 29.08.01. URL: <http://www.esperanto-jongeren.nl/pdf/European Union.pdf> (accessed: 22.07.2015).
2. Christiansen V. Language policy in the European Union. European / English / Elite / Equal / Esperanto Union?. URL: <http://shell.windows.com/fileassoc/0419/xml/redir.asp?EXT=odt> (accessed: 22.07.2015).
3. Haarmann H. Ökologistik // Kontaktlinguistik / Contact Linguistics / Linguistique de contact: An International Handbook of Contemporary Research / ed. by H. Göbel. Berlin; New York, 1996.
4. Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, 2000.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2004.
6. Wodak R., de Cillia R. Sprachenpolitik in Mittel- und Osteuropa. Wien, 1995.
7. Европейская обсерватория по плюрилингвизму. 2010. Информационное письмо № 37. URL: <http://www.observatoireplurilinguisme.eu/> (дата обращения: 22.07.2015).
8. Rogozin Д. Мультилингвизм как социальный контекст языка // Полит.Ру. 2006. 16 ноября. URL: <http://polit.ru/article/2006/11/16/multil/> (дата обращения: 22.07.2015).
9. February 24, 2009 in art, Communicating Europe, EU research, European Identity. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ita_rus/48263/plurilinguismo (accessed: 22.07.2015).

1. Podestá, Guido. 2001. Forberedelse af Europa-Parlamentet til en udvidet europæisk union. En rapport og vedtaget af Præsidiets 03.09.01. PE305.269/PRÆS/ændel DV/448862DA. doc, samt arbejdsdokument nr. 9 "Sprogordningen: flere muligheder" (styringsudvalget om udvidelsen), DT\447205DA.doc, PE305.382/PRÆS, Sg.EL/01-124.REV, Bruxelles 29.08.01. URL: <http://www.esperanto-jongeren.nl/pdf/European Union.pdf> (accessed: 22.07.2015).
2. Christiansen V. Language policy in the European Union. European / English / Elite / Equal / Esperanto Union?. URL: <http://shell.windows.com/fileassoc/0419/xml/redir.asp?EXT=odt> (accessed: 22.07.2015).
3. Haarmann H. Ökolinuistik // Kontaktlinguistik / Contact Linguistics / Linguistique de contact: An International Handbook of Contemporary Research / ed. by H. Göbel. Berlin; New York, 1996.
4. Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, 2000.
5. Gal'skova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika. M., 2004.
6. Wodak R., de Cillia R. Sprachenpolitik in Mit-tel- und Osteuropa. Wien, 1995.
7. Evropeyskaya observatoriya po plyurilingvizmu. 2010. Informatsionnoe pis'mo № 37. URL: <http://www.observatoireplurilinguisme.eu/> (data obrashcheniya: 22.07.2015).
8. Rogozin D. Mul'tilingvizm kak sotsial'nyy kontekst yazyka // Polit.Ru. 2006. 16 noyabrya. URL: <http://polit.ru/article/2006/11/16/multil/> (data obrashcheniya: 22.07.2015).
9. February 24, 2009 in art, Communicating Europe, EU research, European Identity. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ita_rus/48263/plurilinguismo (accessed: 22.07.2015).

Поступила в редакцию 22.10.2015 г.

UDC 371.315

STRATEGY OF MULTILINGUALISM AND LEARNING FOREIGN LANGUAGES IN EUROPEAN UNION

Olga Borisovna PONOMAREVA, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of English Language Department, e-mail: obponomareva@list.ru

The strategies of plurilinguism and multilinguism in the language policy of the European Union are discussed. The basic priorities of studying languages in the national and European Union areas are set up together with the united efforts in these aspects within 3–5 years. The concept "plurilinguism" differs from the concept "multilinguism" and is synonymous of the definite intercultural competence, which consists of three basic components: cognitive, affective and behavioral ones. The cognitive component deals with the knowledge, experience and information concerning both native and foreign culture. The second affective concerns emotive perception of the intercultural situation and empathy, the third one behavioral is the ability to pursue an adequate intercultural communication and solve the intercultural conflicts. The members of European Commission supported the term "personal adaptive language" and stated that possessing two languages besides the native one must be the basic target of the EU citizens. A second, "personal adaptive" foreign language could be a mean of discovering the culture, history and literature of the country in which the language is spoken. It is also declared that the personal adaptive language idea was "the concept of the future". The second foreign language would complement a first one most likely acquired for professional reasons. The EU conference also emphasized a lifelong learning aspect, identifying holidaying retired people and skilled workers as sections of the population who would benefit from an increased emphasis on language learning outside of formal educational settings. The policy of multilinguism and plurilinguism changes the aim of language teaching. Nowadays it is not the main aim to know one, two or even three languages. It is more important to develop the communicative-language situation which presupposes the polylinguistic competence.

Key words: multilinguism; plurilinguism; multilingual competence; "personal adaptive language".

УДК 81'373.2

РОЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОЦЕССАХ СОЗДАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ТОРГОВЫХ МАРОК

© Ксения Александровна ДЗЮБА

ООО «Скобеев и Партнеры», г. Тамбов, Российская Федерация,
кандидат филологических наук, технический переводчик,
e-mail: kseniadzyuba@gmail.com

На материале трех языков (английского, русского и французского) рассмотрен ассоциативный потенциал наименований торговых марок. В качестве иллюстративного материала используются названия торговых марок парфюмерии, косметики и бытовой химии. Основная цель – обратить внимание на наличие в семантической структуре онимов данной разновидности компонента, связанного с ассоциациями создателя (иначе говоря, номинатора) и интерпретатора названия торговой марки, которые возникают при взаимодействии с именуемым продуктом и опосредованно связываются с его именем. Проблема рассмотрена с двух исследовательских ракурсов: с позиций номинатора и интерпретатора. Используются методы контекстуального анализа, анализа словарных дефиниций и контент-анализа, описанию специфики которого применительно к исследуемому материалу отводится отдельный раздел. Сделаны выводы по результатам проведенного анализа. Их суть сводится к выявлению прямой зависимости между обширностью ассоциативного потенциала наименования торговой марки и особенностями восприятия и интерпретации данного онима потенциальными потребителями именуемого товара. Так, чем в большей степени имя товара ассоциативно связано с его свойствами, тем понятнее оно для потенциального потребителя и, следовательно, тем быстрее и проще происходит процесс интерпретации данного онима.

Ключевые слова: наименование торговой марки; ассоциативный потенциал; номинатор; интерпретатор; контент-анализ.

Отличительной чертой наименований торговых марок (ТМ) среди иных разновидностей онимов является многогранность их *ассоциативного потенциала*, под которым мы с опорой на точки зрения А.А. Леонтьева и Т.А. Гридиной подразумеваем совокупность ассоциаций и оценок, которые оним может вызвать у потенциального потребителя обозначаемого им товара [1; 2]. Именно поэтому в лингвистических кругах бытует мнение о высокой степени эфемерности и одновременно с этим емкости семантики данных языковых единиц [3–7].

Действительно, сложно дать однозначный ответ на вопрос о том, какое концептуальное содержание стоит за наименованием той или иной ТМ, ввиду отсутствия или недостаточной сформированности соответствующего кванта знаний в нашей концептуальной системе. Выполняя определенную исследовательскую задачу, мы можем лишь де-факто обозначить вектор действия когнитивных механизмов в процессе формирования смысла названий ТМ, опираясь при этом на когнитивную матрицу ТОРГОВАЯ МАРКА [8].

Вследствие некоторой размытости границ стоящего за онимами данной разновидности концептуального содержания немалых усилий требует и подбор подходящих слов для дефиниции определенных названий ТМ. Многие из нас попадают в затруднительное положение, пытаясь дать определение, например, имени ТМ кондиционера для белья *Perwoll* и теряясь в догадках о том, почему данный товар так называется и как его имя отражает полезные потребителю свойства. Недаром до сих пор не существует ни одного общепринятого словаря брендовых имен, дающего четкую дефиницию каждому отдельно взятому наименованию ТМ.

Как представляется, основной причиной «расплывчатости» семантики наименований ТМ является генерируемый характер стоящих за ними концептов. Часто названия ТМ связаны с обозначаемым продуктом весьма условно, во многом чисто ассоциативно. Наблюдаются многочисленные случаи, когда невозможно установить прямую логическую смысловую связь между онимом данной разновидности и свойствами обозначаемого им продукта или его потенциального потребителя. Практика показывает, что товар может

носить любое имя вне зависимости от того, отражает ли оно его реальные свойства / свойства его потенциального потребителя или нет. Более того, связанная с именем ТМ рекламная идея может иметь весьма опосредованное отношение к самому продукту, выбираться исключительно в рекламных целях и меняться со временем. В таком случае речь идет об установлении условной ассоциативной связи наименования ТМ и свойств продукта / его потенциального потребителя, когда ассоциации номинатора совершенно необоснованно приписываются продукту / использующему его человеку, а затем закрепляются в концептуальном содержании, объективируемом именем этого продукта [9].

Это значит, что по сравнению с мыслительными структурами, стоящими за другими разновидностями онимов, содержание объективируемых наименованиями ТМ концептов в большей степени определяется личными ассоциациями человека – номинатора (т. е. создателя имени ТМ) и интерпретатора. Стабильными являются только данные о виде обозначаемого товара и о лексическом значении составляющих его имя компонентов, в то время как информация о характеристиках продукта или его потенциальном потребителе динамична: она генерируется в момент создания или интерпретации наименования товара и зачастую просто приписывается ему ассоциативно. По мере того как человек под воздействием ряда экстралингвистических факторов (реклама товара, личный опыт его использования, общественное мнение и т. п.) приобретает новые знания об именуемом продукте, стоящее за его именем концептуальное содержание обновляется или даже полностью регенерируется.

Важным для данной статьи замечанием представляется то, что фактически компонент смысла наименования ТМ, который опирается на индивидуальные ассоциации / оценки его автора или интерпретатора, является тем «звеном» семантики онимов данной разновидности, которое может вызвать разночтения. Остальные компоненты смысла имен подобных товаров – информация об их виде и значениях составляющих их названия единицах – уже зафиксированы в нашей концептуальной и языковой системах. Именно поэтому мы полагаем, что выявление роли ассоциативного потенциала наименований

ТМ в процессах их создания и интерпретации заслуживает внимания, и хотим посвятить рассмотрению этой проблемы данную статью.

Для этого необходимо отметить билатеральный характер процесса номинации ТМ. Дело в том, что вместе с конкретным именем ТМ номинатор старается по определенному каналу связи, коим является рекламный дискурс, передать интерпретатору вложенные в этот оним личные ассоциации. Но из-за несовершенства подобного канала связи и различия концептуальных систем создателя и интерпретатора названия продукта высока вероятность того, что рекламная идея автора имени не дойдет до потенциального потребителя товара в первоначальном виде. В результате оним может вызвать в сознании интерпретатора множество непредсказуемых индивидуальных ассоциаций, вопреки желанию создателя названия ТМ представляющих именуемый продукт в совершенно новом свете. Постараемся показать, как это может происходить на примере наименований ТМ парфюмерии, косметики и бытовой химии.

Анализ с позиции номинатора

С одной стороны, существует номинатор, который, преследуя вполне конкретную цель, вкладывает в название товара некий смысл – рекламную идею. При именовании ТМ номинатор старается угадать, какое название привлечет потенциального покупателя к конкретному продукту и стимулирует его желание приобрести товар. Безусловно, в процессе подобного имитворчества всегда есть место предвзятости. Придумывая имя новому товару, номинатор привлекает собственные ассоциации, а затем пытается посредством рекламы навести на них потребителя.

Рассмотрим пример из рекламного каталога компании¹, где номинатор проводит личную ассоциативную параллель между внешними и внутренними характеристиками потребителя и подходящей ему по запаху и имени мужской туалетной водой (рис. 1).

Для удобства анализа в табл. 1 мы выписали наименования товаров, ссылки на которые представлены на рис. 1.

¹ Каталог продукции компании Oriflame. 2012. № 12.

? Если бы он был ароматом... ... то каким?

Перфюм – это больше, чем просто аксессуар: это настроение, образ, вкус и даже стиль жизни. Чтобы аромат стал верным спутником и лучшим другом, выбирайте парфюм в соответствии с вашим характером – и тогда с ним совсем не захочется расставаться.

СТИЛЬНЫЙ

Современный: стр. 80, стр. 86

Элегантный: стр. 82, стр. 82, стр. 83

Энергичный

Уверенный: стр. 86, стр. 87

Активный: стр. 86, стр. 86, стр. 86

Вдохновленный

Креативный: стр. 84, стр. 86

Гармоничный: стр. 81, стр. 85

Авантюрный

Познающий мир: стр. 79, стр. 86

Независимый: стр. 85, стр. 84

78

Рис. 1. Страница рекламного каталога, которая иллюстрирует результат осмысления номинатором концептов, положенных в основу наименований парфюмерных ТМ

Таблица 1

Ассоциации, связанные с названиями ТМ, которые номинатор пытается вызвать у потенциальных потребителей именуемых товаров

Характеристики потребителя	Название подходящего ему, по мнению номинатора, парфюмерного продукта
‘Стильный и современный’	<i>S8, Eclat</i>
‘Стильный и элегантный’	<i>Giordani Man, Signature Heritage, Flamboyant</i>
‘Энергичный и уверенный’	<i>Fuse, Infinite Rush</i>
‘Энергичный и активный’	<i>Glacier, Glacier Athletic, Ascendant</i>
‘Вдохновленный и креативный’	<i>Volume, Soul</i>
‘Вдохновленный и гармоничный’	<i>Ascendant Pure, Midsummer Man</i>
‘Авантюрный и познающий мир’	<i>Voyager, Native Force</i>
‘Авантюрный и независимый’	<i>Eikon, Free Attitude</i>

Очевидно, что без подсказки номинатора осмысление концептов, стоящих за перечисленными в табл. 1 названиями парфюмерных продуктов, могло бы осуществляться совсем иначе, ведь фактически нет прямой логико-смысловой связи между словами *энергичный*, *уверенный* и *fuse* (в переводе на русский язык его основные значения – «плавить», «комбинировать», «соединять»¹) или *вдохновленный*, *креативный* и *volume* (от англ. «объем», «масса», «количество»). Лишь номинатору известно, почему название *ascendant* (от англ. «предок») соотносится со словами *энергичный* и *активный*, а наименование *ascendant pure* (от англ. «чистокровный предок») связывается уже со словами *вдохновленный* и *гармоничный*.

Условная ассоциативная связь по принципу «характеристики потребителя – подходящий ему продукт» установлена номинатором в табл. 1 еще в шести случаях, поскольку не совсем ясно, каким образом напрямую семантически и логически:

– название туалетной воды *S8* (аббревиатура в каталоге не расшифровывается) соотносится с такими характеристиками ее потенциального потребителя, как *стильный* и *современный*;

– оним *Giordani Man* (от англ. «Джордани мужской»; при этом кто такой Джордани и чем он так знаменит, не уточняется) отражает *стиль* и *элегантность* применяющего данный продукт человека;

– имя парфюмерного продукта *Glacier* (от англ. «ледник» – “a mass of ice that moves very slowly down a mountain valley” [11, с. 301]) соединено с *энергичностью* и *активностью* его потенциального покупателя;

– наименования товаров *Midsummer man* (от англ. «мужчина среди лета»), *Native Force* (от англ. «природная сила») и *Eikon* (от греч. «икона», «образ», «символ совершенства») сопряжены с такими свойствами человеческой личности, как *вдохновленный* и *гармоничный*, *авантюрный* и *познающий мир*, *авантюрный* и *независимый* соответственно.

Из всех перечисленных в табл. 1 примеров нам удалось установить определенную логико-смысловую связь (хотя ее лишь с натяжкой можно назвать устойчивой) между

названием товара и характеристиками его потенциального потребителя в нескольких случаях онимов из восемнадцати:

– *Eclat* (от англ. «блеск», «выставление напоказ», «известность», «шумный успех»). Описание покупателя: *стильный* и *современный*. Возможно, в данном случае номинатор намекает на то, что стильный и современный внешний вид диктуется человеческим стремлением выделиться из толпы, выставить себя напоказ, привлечь внимание окружающих и таким образом добиться успеха;

– *Flamboyant* (от англ. «цветистый», «яркий», «пышно украшенный») и *Signature Heritage* (от англ. «характерное наследие»). Описание покупателя: *стильный* и *элегантный*. Предположим, что первое наименование туалетной воды может использоваться как эпитет для характеристики определенного стиля или рисунка ткани одежды элегантного покроя. Помимо этого, в некоторых контекстах элегантность связывается с классическим стилем одежды, который может подсознательно восприниматься как вневременной, унаследованный из предыдущей эпохи, но не старомодный. Впрочем, такая ассоциативная параллель весьма спорна;

– *Soul* (от англ. «душа»). Описание покупателя: *вдохновленный* и *креативный*. Поскольку понятие “soul” неразрывно связано с эмоционально-чувственной стороной человеческой личности, – “a person’s mind and emotions, etc.” [11, с. 678] – существует вероятность возникновения ассоциативной связи между ним и указанными выше характеристиками, используемыми номинатором для описания потенциального потребителя продукта;

– *Infinite Rush* (от англ. «постоянная спешка»). Описание покупателя: *энергичный* и *уверенный в себе*. В данном случае, рассуждая логически, можно прийти к выводу о том, что постоянно спешащий куда-либо человек, несомненно, является энергичным, хотя остается только гадать, насколько он уверен в себе;

– *Glacier Athletic* (предполагаем, что данное название переводится на русский язык как «ледник для атлетов»). Описание покупателя: *энергичный* и *активный*. Компонент *athletic* (от англ. «атлетический») в составе данного наименования ТМ мужской туалетной воды синонимичен словам *энер-*

¹ Здесь и далее перевод названий ТМ выполняется автором статьи с опорой на данные электронного словаря [10].

гичный и активный, поскольку данные качества присущи любому атлету. В то же время ассоциативную связь между смыслом компонента *glacier* и указанными характеризующими человека словами установить сложно;

– *Voyager* (от англ. «путешественник»). Описание покупателя: *авантюрный и познающий мир*. Поскольку одной из основных целей любого путешествия является познание мира, а само путешествие предполагает возможность столкновения человека с разного рода рисками – авантюрами, то представляется возможным говорить о тривиальности и устойчивости подобного рода ассоциаций в нашем сознании;

– *Free Attitude* (от англ. «независимое мнение»). Описание покупателя: *авантюрный и независимый*. Ввиду того, что английское слово *free* переводится на русский язык словом *независимый*, можно говорить о прямой семантической связи между компонентом наименования парфюмерной ТМ и вложенной в него рекламной идеей о независимости потенциального потребителя данного продукта. Однако, как и в приведенном выше случае онима *Infinite Rush*, создается впечатление некой ассоциативной «приписанности» этому человеку такого свойства личности, как авантюризм, т. к. провозглашенная в названии товара независимость мнения потенциального потребителя в принципе не свидетельствует об его авантюристичности.

Случаи подобного приведенного в табл. 1 «ассоциативного осмысления ароматов» не единичны: они часто встречаются в рекламных каталогах парфюмерии, косметики и бытовой химии, а также на официальных сайтах производителей соответствующих товаров в сети Интернет. Сами создатели имен продуктов обычно никак не комментируют логические несоответствия из разряда указанных выше или в редких случаях объясняют их тем, что с точки зрения номинатора каждый продукт парфюмерии, косметики и бытовой химии имеет определенный запах или оказывает определенный эффект, навевающий конкретные ассоциации, которые находят отражение в соответствующих онимах. Чтобы определить, насколько велика вероятность возникновения у номинатора и потенциального потребителя парфюмерных продуктов одинаковых или схожих ассоциаций,

проведем небольшой контент-анализ и посмотрим на имена некоторых продуктов парфюмерии, косметики и бытовой химии с позиции другого исследовательского ракурса – с позиции интерпретатора.

Анализ с позиции интерпретатора

После знакомства с товаром интерпретатор пытается в силу своих индивидуальных социально-психологических особенностей расшифровать вложенную в его название рекламную идею. При этом у него, так же как и у номинатора, возникают различные ассоциации, связанные со свойствами товара или с характеристиками потенциального потребителя этого товара.

Чаще всего ассоциации интерпретатора вызваны тем(-и) свойством(-ами) продукта, которое(-ые) является(-ются) наиболее значимым(-и) с точки зрения его функциональности. Это(-и) свойство(-а) обуславливается(-ются) видом товара. Так, обычно стиральный порошок ассоциативно связывается с его эффективностью в выведении пятен, лак для волос – с фиксирующей способностью, туалетная вода – с запахом и т. п. Наиболее яркие ассоциации становятся устойчивыми компонентами смысла наименования ТМ. Иначе говоря, в сознании интерпретатора формируется концепт, включающий знания об известном ему товаре, который относится к определенному виду, имеет конкретное имя и вызывает ряд ассоциаций.

Для иллюстрации сказанного приведем пример того, как можно выявить ассоциативный потенциал наименований ТМ парфюмерии, косметики и бытовой химии методом контент-анализа. Традиционная методика контент-анализа предполагает его проведение в несколько этапов [12]. В нашем исследовании эти этапы представлены следующим образом.

I этап – выбор корпуса языковых данных. Материалом для анализа послужили англо-, русско- и франкоязычные рекламные описания товаров парфюмерии, косметики и бытовой химии производителями и отзывы об этих товарах, данные потребителями. Материал исследования отбирался в специализированных источниках сети Интернет, таких как сайты производителей продукции, тематические форумы, интернет-магазины, сайты отзывов (в их числе такие ресурсы, как <http://www.irecommend.ru>; <http://www.market>).

yandex.ru; <http://www.otzovik.com>; <http://www.ozon.ru>; <http://www.ciao.fr>; <http://www.fragrantica.ru>; <http://www.fragrantica.com>; <http://www.osmoz.fr>). В общей сложности выборка рассматриваемых наименований ТМ составила 450 единиц: по 150 онимов на каждом из исследуемых языков. В данной статье приводится только 1 случай анализа наименования ТМ, однако подобным образом рассматривались все языковые единицы, попавшие в фокус нашего исследования.

II этап – выбор концептуальной переменной и ее значений (языковых репрезентантов в тексте). При выборе концептуальной переменной анализа, т. е. «понятия, которое стоит в центре проводимого исследования» [12, с. 131], мы исходим из предположения, что концептуальная информация о конкретном виде товара интегрируется в концептуальное содержание, стоящее за именем этого товара [8]. Следовательно, это концептуальное содержание включает знание об определенных свойствах товара или его потенциального потребителя, которое можно представить в виде концептуальных характеристик. Именно эти концептуальные характеристики в нашем случае и становятся концептуальными переменными.

III этап – выбор единиц кодирования. Для анализируемого наименования ТМ в качестве единиц кодирования подбирались 3 рекламных описания производителя (по одному на каждом из исследуемых языков) и 15 отзывов потребителей (по 5 отзывов на каждом из исследуемых языков).

IV этап – формулировка инструкций по кодированию. При проведении нашего контент-анализа используется мягкий вариант инструкций, который позволяет «кодировщику кодировать не только явные, но и неявные, имплицитные вхождения К-переменной и текст [12, с. 131]. В ходе анализа в тексте выявляются эксплицитные и имплицитные языковые репрезентанты концептуальной переменной – различные слова и предложения, позволяющие уточнить интересующие нас концептуальные характеристики и суммировать передаваемую ими информацию. Эксплицитными средствами выражения являются конкретные языковые единицы – репрезентанты концептуальных характеристик, а имплицитным средством выражения являются предложения, в кото-

рых информация о концептуальных характеристиках выводится инферентно. Кроме того, рассматривался контекст, в котором используются интересующие нас языковые единицы и то, каким образом он позволяет уточнить репрезентируемые ими концептуальные переменные.

V этап – проведение контент-анализа. В этот период осуществлялась обработка вышеуказанного корпуса языковых данных, для каждого рассматриваемого наименования ТМ парфюмерии, косметики или бытовой химии выявлялись концептуальные переменные анализа. Затем осуществлялся поиск в текстах языковых репрезентантов данных концептуальных переменных и систематизация передаваемой посредством них информации в виде двух таблиц для каждого названия товара: первая включала информацию, взятую из отзывов потребителей товара – интерпретаторов, а вторая – информацию, взятую из рекламных описаний номинатора.

VI этап – обработка полученных результатов. Данные двух таблиц, составленных на V этапе контент-анализа, сопоставлялись на предмет выявления сходств, и в зависимости от полученного результата делался вывод, касающийся обширности ассоциативного потенциала того или иного онима. Далее, суммировав полученные в результате контент-анализа данные об отдельных наименованиях ТМ парфюмерии, косметики и бытовой химии, мы сделали общий вывод об ассоциативном потенциале онимов данной разновидности.

Итак, используя описанный выше алгоритм проведения контент-анализа, рассмотрим на примере наименования женской туалетной воды *OXYGÈNE* (от франц. «кислород») от бренда LANVIN, как через ассоциации потребителей, связанные с этим товаром, мы можем опосредованно выявить ассоциации, связанные с его именем, и предположить, как результат подобного ассоциативного связывания впоследствии может сказаться на интерпретации данного онима конкретным потребителем.

Для начала рассмотрим некоторые отзывы потребителей (т. е. интерпретаторов), содержащие их индивидуальные ассоциации. В данном случае характеристики продукта и его потенциального потребителя получают отражение в содержании концепта ТУАЛЕТ-

НАЯ ВОДА, которое интегрировано в объективируемое названием товара концептуальное содержание. Концептуальными характеристиками в данном являются ‘запах продукта’ и ‘ощущения потребителя после использования продукта’.

Приведем отзывы *потребителей 1, 2 и 3* на трех языках и подчеркнем одной чертой языковые репрезентанты ассоциаций интерпретаторов, связанные с запахом туалетной воды, а двумя чертами – языковые репрезентанты ассоциаций, характеризующих ощущения потребителей продукта. Помещение этих двух концептуальных переменных в фокус нашего анализа объясняется, во-первых, тем, что основным свойством туалетной воды как вида товара является ароматизация, а во-вторых, тем, что ассоциации, которые связаны с использованием туалетной воды, значительно чаще других встречаются в отзывах потребителей данного вида товара.

Потребитель 1: англ. “I wear Oxygene to my classes a lot, cause it's really not offensive and it smells fresh. It's perfect for the mornings as you need to fill yourself with new energy. It starts like a peppery milk and dries down to a powdery milk. It's really hard to describe it, cause you can't say it's totally aquatic and you can't say that it's not. It's a weird mixture that luckily for me, works just perfectly. I'm a really big fan of this one” (<http://www.fragrantica.com>)¹.

Потребитель 2: рус. «Красивенный, достойнейший аромат! Очень необычен, абсолютно не монотонный, с чудесным раскрытием. В самом начале перцовость, но как замечено в комментарии раньше – от нее не будешь чихать, она совсем не раздражает, а придает оригинальность аромату. В раскрытии прекрасен: чуть перечный, именно помадный, но не густо-помадный, запах то ли косметики, то ли деликатной ароматной пудры. Но все это: перец-пудра-помада не дает ощущения тяжести, какой-то монументальности, а наоборот – молочная легкость, женственность, притягательность, глоток ароматнейшего воздуха (возможно отсюда и название?). Шлейф очень приятный. Очень и очень самобытный аромат!» (<http://www.fragrantica.com>).

¹ Здесь и далее в приводимых текстах отзывов потребителей и текстах рекламодателей сохранена исходная орфография и пунктуация.

Потребитель 3: франц. “Pour celles qui en ont assez des parfums capitonneux, limite etouffants et qui font tourner la tête de vos collègues (la tête tourne certes mais pas de votre côté), voici "Oxygène" qui comme son nom l'indique est un parfum frais. Le flacon est simple, mais joli, et la couleur bleu du liquide précieux lui donne beaucoup de charme. Mais venons-en à l'essentiel, la senteur: C'est un mélange subtil qui donne au parfum un côté, fruit d'été au bord de l'eau... tout d'abord c'est très frais et très léger, puis au fil de la journée la note légèrement fruitée se dégage... bref, c'est magique. En fait, il me fait penser à eau belle d'Azzaro, mais avec le côté adolescente en moins. Moi j'adore, j'ai autant de plaisir à le porter que mes amis à le sentir, et puis cette fois-ci dans les couloirs les têtes se sont tournées, mais du bon côté!” (<http://www.ciao.fr>).

В текстах потребительских отзывов представлены эксплицитные и имплицитные средства языковой объективации концептуальных переменных. Так, концептуальная переменная ‘запах продукта’ эксплицитно объективируется посредством таких языковых репрезентантов, как существительные: рус. *аромат, запах, шлейф*, франц. *parfum*, глаголы: англ. *to smell*, франц. *sentir*. Уточнить характеристики, репрезентируемые перечисленными словами, позволяет их контекстуальное употребление в сочетании с прилагательными: рус. *перечный, помадный*, англ. *aquatic*, франц. *captionneux, frais* и т. д. В качестве примера имплицитной объективации указанных выше концептуальных характеристик можно привести контекст следующего предложения: англ. “It's perfect for the mornings as you need to fill yourself with new energy”.

Обобщим в виде табл. 2 информацию о запахе продукта и об ощущениях потребителя после его использования, полученную посредством анализа контекста, в котором встречаются языковые репрезентанты, отражающие ассоциации интерпретаторов (*потребителей 1, 2 и 3*).

Далее нам нужно выявить ассоциации создателя рассматриваемого наименования ТМ, связанные с основными свойствами именуемого продукта (возможно, это даже не его собственные ассоциации, а те, которые он хочет вызвать у потенциального потребителя товара). С этой целью обратимся к рек-

ламным описаниям на английском, русском и французском языках, сопровождающим рассматриваемый продукт на веб-сайтах ozmos.fr и fragrantica.com. В них подчеркнем одной чертой языковые средства репрезентации переменных, позволяющие судить об ассоциациях номинатора, которые связаны с запахом продукта, двумя чертами – о его ассоциациях, которые связаны с ощущениями от использования продукта:

– англ. “Oxygène is the first fragrance for women of the house of Lanvin after the famous Arpege, which was created in 1927. Oxygène is fresh, transparent and perfect for daily use. The top notes of this extremely fresh fragrance are bergamot, gardenia, iris, rose, Hyssop (aromatic herb with blue or purple flowers) and a spicy nuance of white pepper. The base is made of sandalwood and white musk. The perfume was designed by Alberto Morillas in 2000” (<http://www.fragrantica.com>);

– рус. «Oxygène Lanvin – это аромат для женщин, принадлежит к группе ароматов

цветочные водяные. Oxygène выпущен в 2000. Парфюмер: Alberto Morillas. Верхние ноты: индийский белый перец и Бергамот; ноты сердца: Гардения, Молоко и роза; ноты базы: Мускус, Белый сандал и Ирис» (<http://www.fragrantica.com>);

– франц. “Un parfum pur et féminin d'une transparence exquise, habillée d'accords de gardénia et d'iris bleu, soutenus par le musc et le poivre blanc. Oxygène vous invite à respirer à pleins poumons cette sève énergisante pour libérer les sens et l'esprit: vous prenez votre envol, en laissant derrière vous la lourdeur d'une sensation d'asphyxie” (<http://www.osmoz.fr>).

Далее схематично суммируем всю интересующую нас информацию, передаваемую посредством языковых репрезентантов концептуальных переменных, отражающих ассоциации номинатора в рекламных описаниях туалетной воды OXYGÈNE от LANVIN (табл. 3).

Таблица 2

Результаты анализа ассоциаций, связанных у интерпретаторов (потребителей 1, 2 и 3) с запахом туалетной воды OXYGÈNE от LANVIN и с вызываемыми данным продуктом ощущениями

	Потребитель 1	Потребитель 2	Потребитель 3
<i>Запах продукта</i>	Свежий, ненавязчивый, перечный, порошкovo-молочный, связанный с водой, необычное сочетание ароматов	Красивый, достойный, необычный, не монотонный, с чудесным раскрытием, перцовый, оригинальный, помадный (пахнет косметикой или пудрой), приятный, самобытный	Свежий, легкий, морской, фруктовый, волшебный
<i>Ощущения потребителя после применения продукта</i>	Заряжает энергией по утрам	Не дает ощущения «тяжелости», монументальности, позволяет почувствовать «молочную» легкость, женственность, притягательность, похож на глоток свежего воздуха	Продукт очень нравится, его приятно применять. Он заставляет окружающих восхищенно оборачиваться потребителю вслед

Таблица 3

Результаты анализа ассоциаций, связанных у номинатора с запахом туалетной воды OXYGÈNE от LANVIN и с вызываемыми данным продуктом ощущениями

	Номинатор
<i>Запах продукта</i>	Свежий, легкий цветочный, водяной. Ноты запаха: бергамот, гардения, ирис, роза, иссоп, белый перец, сандал, мускус
<i>Ощущения потребителя после применения продукта</i>	Продукт отлично подходит для применения днем. Он позволяет потребителю дышать полной грудью, освободить чувства и разум, «взлететь» и почувствовать легкость, поэтому он жизненно важен

Представленные в табл. 2 и 3 данные помогают нам пролить свет на тот компонент значения наименования туалетной воды *OXYGÈNE* от бренда LANVIN, который формируется за счет индивидуальных ассоциаций создателя / интерпретатора данного онома. Сосредоточившись на выявлении сходств ассоциаций номинатора и трех интерпретаторов – носителей английского, русского и французского языков, – можно обнаружить следующее.

1. Ассоциации номинатора, касающиеся аромата туалетной воды *OXYGÈNE*, совпадают с ассоциациями *потребителя 1* в том плане, что запах данного продукта считается свежим, перечным и водяным, с ассоциациями *потребителя 2* в том плане, что запах товара кажется перцовым, и с ассоциациями *потребителя 3* в том плане, что запах духов свеж, легок и связан с водой.

2. Ассоциации номинатора, которые вызваны ощущениями от применения туалетной воды *OXYGÈNE*, частично совпадают только с ассоциациями *потребителя 2*, в то время как с ассоциациями *потребителей 1* и *3* совпадений не выявлено.

Описанный выше анализ потребительских отзывов о туалетной воде *OXYGÈNE* от LANVIN показал, что интерпретаторы данного онома не смогли полноценно расшифровать рекламную идею номинатора, что подтолкнуло их к привлечению фантазии и формулировке собственных определений наименования рассматриваемой ТМ. Факт наличия большего количества совпадений между ассоциациями номинатора и интерпретаторов, связанных с запахом товара, чем тех, которые связаны с вызываемыми им ощущениями, свидетельствует о том, что потребители лучше «расшифровывают» идеи номинатора, касающиеся конкретных свойств продукта, а не его абстрактных, приписываемых качеств.

В итоге, возвращаясь к исходному тезису об обширности ассоциативного потенциала наименований ТМ, можно сделать следующий вывод: чем больше наименование товара логически и ассоциативно связано с его свойствами, тем более вероятно, что потенциальный потребитель именуемого продукта сможет понять и расшифровать заложенную в нем рекламную идею. Если же имя ассоциативно приписано товару и с его реальными

ми свойствами никак не перекликается, то перед интерпретатором открываются широкие возможности его вольной трактовки.

Суммируя все вышеизложенное, еще раз подчеркнем, что проведенный анализ ассоциативного потенциала наименований ТМ парфюмерии, косметики и бытовой химии позволил выявить факт значительной условности ассоциативной связи между именем продукта и его реальными свойствами / характеристиками его потенциального потребителя. Полученные результаты позволяют говорить о необходимости проверки каждого наименования ТМ на завершающем этапе его создания на предмет наличия / отсутствия негативных ассоциаций, вызываемых этим ономом у интерпретатора.

Говоря о возможности применения описанных в данной статье методов выявления ассоциативного потенциала наименований ТМ, стоит отметить, что они могут представлять определенный интерес как для теоретиков – лингвистов, изучающих проблемы когнитивной ономастики, так и для практиков – специалистов, занимающихся написанием рекламных текстов и разработкой концепций брендов. Первые могут почерпнуть для себя новые данные, способствующие углублению теоретических основ когнитивной ономастики, а вторые – наглядно проследить, как в процессе интерпретации ономов данной разновидности потенциальные потребители именуемого товара привлекают личные ассоциации и как это влияет на восприятие имени бренда в целом.

1. *Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова как основа лингвокреативной деятельности // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. М., 2009. С. 492-502.
2. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 7-19.
3. *Веркман К.* Торговые знаки: создание, психология, восприятие. М., 1986.
4. *Крюкова И.В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
5. *Стадильская Н.А.* Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2014.

6. *Karlen P.* The Art of Naming: NEONYM Creative Guide to Selecting Names and Trademarks. La Jolla, 2008.
 7. *Lalanne-Gobet C.* Créer un Nom de Marque et un Nom de Domaine. P., 2009.
 8. *Дзюба К.А.* Способы формирования наименований торговых марок (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014.
 9. *Дзюба К.А.* Выявление ассоциативного потенциала наименования торговой марки методом ЛИАНА (лингвистического интернет-анализа ассоциаций) // Когнитивные исследования языка. Вып. 17. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. Москва; Тамбов, 2014. С. 491-497.
 10. Электронный словарь АБВУ Lingvox5. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
 11. *Хоккинс Дж.М.* The Oxford Dictionary of the English Language. M., 2007.
 12. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
-
1. *Gridina T.A.* Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova lingvokreativnoy deyatel'nosti // Gori-zonty sovremennoy lingvistiki. Traditsii i novatorstvo. M., 2009. S. 492-502.
 2. *Leont'ev A.A.* Psikhologicheskaya struktura znacheniya // Semanticheskaya struktura slova. Psikholingvisticheskie issledovaniya. M., 1971. S. 7-19.
 3. *Verkman K.* Torgovye znaki: sozдание, psikhologiya, vospriyatie. M., 1986.
 4. *Kryukova I.V.* Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2004.
 5. *Stadul'skaya N.A.* Tovarnye znaki v yazyke i vneyazykovoy deystvitel'nosti Velikobritanii i SShA: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Pyatigorsk, 2014.
 6. *Karlen P.* The Art of Naming: NEONYM Creative Guide to Selecting Names and Trademarks. La Jolla, 2008.
 7. *Lalanne-Gobet C.* Créer un Nom de Marque et un Nom de Domaine. P., 2009.
 8. *Dzyuba K.A.* Spособы formirovaniya naimenovaniy torgovykh marok (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2014.
 9. *Dzyuba K.A.* Vyyavlenie assotsiativnogo potentsiala naimenovaniya torgovoy marki metodom LIANA (lingvisticheskogo internet-analiza assotsiatsiy) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 17. Aktual'nye problemy vzaimodeystviya myslitel'nykh i yazykovykh struktur. Moskva; Tambov, 2014. S. 491-497.
 10. Elektronnyy slovar' АБВУ Lingvox5. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
 11. *Khokkins Dzh. M.* The Oxford Dictionary of the English Language. M., 2007.
 12. *Baranov A.N.* Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku. M., 2001.
- Поступила в редакцию 29.10.2015 г.

UDC 81'373.2

THE ROLE OF ASSOCIATIVE POTENTIAL IN CREATION AND INTERPRETATION OF TRADEMARKS' NAMES PROCESSES

Kseniya Aleksandrovna DZYUBA, LLC "Skobeev and Partners", Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Technical Interpreter, e-mail: kseniadzyuba@gmail.com

The subject of trademark associative potential is considered. The study is conducted on the material of English, Russian and French. All the hypotheses are exemplified by trademark names of perfumery, cosmetics and household chemistry. The main aim is to draw attention to the presence of a certain component that is linked to personal associations of a naming specialist and an interpreter of a trademark name in the semantic structure of such onyms. These associations occur when a person interacts with a product and then become a part of meaning of its name. The question is investigated from two angles, i. e. the perspective of a naming specialist and the perspective of an interpreter of a trademark name. In order to inquire into the matter such methods as contextual analysis, analysis of definitions and content analysis were used. The specific character of the latter in relation to the analyzed linguistic material is described in detail in a separate section. The conclusion includes the results of the conducted research. In brief, they are these: there is direct interdependence between the scope of associative potential of a trademark name and ways of interpretation of this onym by the prospective consumers of a named product. Thus, the deeper the associative connection between a product name and characteristics of the named item is, the easier it is for a prospective customer to understand and interpret the onym.

Key words: trademark name; associative potential; naming specialist; interpreter; content analysis.

УДК 81'33

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

© Светлана Владимировна ГУСЬКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: guskova_s_v@mail.ru

В настоящее время исследователям, в т. ч. в сфере журналистики, известно немало методов исследования материалов массмедиа – как печатных, так и электронных. Традиционно ученые применяют общеполитические и общенаучные методы. Однако для получения ценных научных сведений часто необходимо обращение к частнонаучным методам, характерным для конкретной области научного знания. Поскольку система научных методов, как и система средств массовой информации, динамична, с течением времени возможно появление новых методов. Предложено описание нового метода исследования печатных СМИ, основу которого составляет построение матрицы. Изложена суть метода, а также на примере конкретных газетных номеров продемонстрировано его применение на практике. Актуальность данного метода основывается на необходимости всестороннего изучения сообщений массмедиа для выявления их влияния на аудиторию, вынесения определенных рекомендаций для творческих сотрудников редакций по улучшению качественных свойств медиаинформации. Метод может быть использован для анализа публикаций в газетах и журналах, преимущественно полемического характера, однако может быть адаптирован и к другим группам текстов. Метод не может быть применен для анализа рекламных сообщений в средствах массовой информации.

Ключевые слова: печатные средства массовой информации; методы исследования материалов масс-медиа; матрица; полемика; общественно-политические газеты.

Научное познание обязательно сопряжено с применением конкретных методов исследования. Теоретикам журналистики известно большое число методов изучения материалов массмедиа. При исследовании журналистских материалов отечественными и зарубежными учеными находят применение общеполитические (дедукция и индукция, системный подход, синергетический подход и т. п.), общенаучные (наблюдение, социальный эксперимент, сравнительный метод, метод тестирования, социометрия и т. п.) и частнонаучные методы, характерные для конкретной области знания. В журналистике такими методами выступают, к примеру, метод наблюдения, эксперимент. Применение методов последней группы позволяет получить принципиально новые научные сведения [1]. Однако система научных методов, как и система средств массовой информации, динамична и может дополняться новыми методами, что способствует получению качественно новых научных сведений [2].

Стоит отметить, что научное познание должно происходить непрерывно при всей динамичности объектов научного познания. Так, сфера средств массовой информации постоянно претерпевает изменения, адаптируясь к социальной действительности [3]. В силу этого могут быть вызваны к жизни новые методы исследования массмедиа.

Предлагаемый в работе метод исследования может использоваться при анализе журналистских материалов газет и журналов, преимущественно полемического характера. Акцент на печатной полемике сделан не случайно: именно подобная группа аналитических публицистических текстов представляет особый интерес для аудитории, поскольку они обладают широким диапазоном публицистических средств, в т. ч. способствующих привлечению внимания читателей.

Стоит отметить, что полемические материалы характеризуются следующими особенностями:

– в основе полемических текстов всегда лежит конфликт, противостояние сторон, их точек зрения [4];

– оппоненты могут быть как реальные (называются конкретные лица), так и пред-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-2850.2015.6).

полагаемые (например, называются социальные группы, представители которых могут иметь противоположную точку зрения в отношении проблемы);

– цель оппонентов в полемике – во что бы то ни стало доказать состоятельность собственной точки зрения и несостоятельность позиции противника [5];

– тематика и проблематика полемических текстов сопряжена с проблемными ситуациями в сфере политики, экономики, социальной сфере;

– в полемических текстах, как правило, отсутствует резюме, подведение итогов, но присутствует открытый финал: автор намечает дальнейший ход обсуждения проблемы, направления разрешения проблемы или конфликта. Открытый финал подобных текстов подчеркивается и особого рода пунктуацией (часто ставится многоточие в конце текста);

– в подобных материалах читатель как бы приглашается к размышлению, участию в дискуссии (к нему по ходу раскрытия темы обращены вопросы, побуждающие к размышлению; высказываются различные точки зрения, одной из которых может придерживаться читатель, а может быть и крайне не согласен с ней) [6].

Все это обусловило наш интерес к полемическим текстам и мотивирует к всестороннему их исследованию, чему способствует обращение к разработке матричного метода и его апробации.

Само по себе обращение к матричному методу исследования в науке, в т. ч. в области филологии, встречается в работах авторов-предшественников. К примеру, обращение к матричному методу присутствует в исследованиях С.В. Балакина [7]. Однако предлагаемый метод обнаруживает исключительную новизну. Во-первых, в основе исследования с применением матричного метода лежит широкий спектр классификационных признаков масс-медиа, что способствует всестороннему их изучению. Во-вторых, метод адаптирован к анализу полемических текстов. В-третьих, предлагаемый метод весьма гибкий и может быть адаптирован к другим группам публицистических текстов.

В основе исследования с применением матричного метода находится подробный анализ каждой газетной или журнальной публикации в конкретном выпуске печатного

издания. Могут быть проанализированы как все публикации номера, так и может быть сделана предварительная выборка для анализа группы материалов, представляющих интерес для исследователя.

Исследование с использованием данного метода проходит поэтапно. Этапы исследования с использованием подобного метода следующие.

1. Определение материала для исследования (выбор СМИ для анализа).

2. Первичное знакомство с газетным или журнальным выпуском.

3. Описание общих характеристик издания в матрице.

5. Анализ публикаций издания, описание их характеристик в матрице.

6. Анализ по данному плану другого выпуска издания.

7. Сопоставление результатов исследования двух и более выпусков СМИ (чтение матрицы).

Матрица включает 50 позиций (вопросов), которые необходимо заполнить (решить) при исследовании. Каждому вопросу и ответу присваивается конкретный цифровой код, который вносится в матрицу. Номера вопросов в матрице (таблице) проставляются по горизонтали, номера ответов вносятся в столбцы под ними. Вопросы объединены в две группы:

1) общие характеристики издания;

2) анализ публикаций.

Первая группа вопросов включает следующие.

1. Идентификационный номер газеты или журнала (каждой газете / журналу присваивается идентификационный номер, начиная с 1).

2. Периодичность выхода в свет издания.

3. Форма собственности издания.

4. Количество полос в издании (указывается общее количество страниц в издании).

5. Общее число публикаций в издании.

6. Число полемических текстов в издании.

7. Тип издания по особенностям тематики.

8. Тип издания по признаку качественной подачи информации.

9. Тип издания по охвату аудитории.

10. Длина заголовков в издании (указывается средняя длина заголовков в издании).

Вторая группа вопросов более обширная: вопросы сгруппированы в 9 блоков.

Блок 1. Общие характеристики публикации.

Каждой газетной / журнальной публикации присваивается идентификационный номер, который вносится в матрицу. Приводятся такие характеристики издания, как номер страницы, на которой располагается публикация; длина публикации (количество слов); средняя длина предложений в публикации; жанр публикации; основная тематика публикации; повод для создания публикации; цель публикации; временной период, охватывающий проблему / ситуацию, изложенную в публикации; композиционные особенности публикации.

Блок 2. Автор и адресат публикации.

Обозначается, указан ли автор публикации либо она подготовлена информагентством или пресс-службой; выражает ли автор собственную позицию, приемы констатации авторской позиции; адресат публикации (возрастная направленность материала).

Блок 3. Герои публикации.

Указывается число действующих лиц в публикации; средний возраст героев публикации; пол подавляющего большинства героев публикации; национальность; социальный статус; уровень материального положения.

Блок 4. География публикации.

Определяется географический фокус публикации (на какой территории сфокусирован материал); о каком регионе мира преимущественно говорится в публикации; о каком федеральном округе страны преимущественно говорится в публикации.

Блок 5. Экспрессивный фон публикации.

Отмечается эмоциональная направленность; использование эмоционально окрашенных конструкций в публикации; вопросительных конструкций в публикации.

Блок 6. Заголовок публикации.

Определяется структура заголовочной конструкции к публикации; разновидность заголовка к публикации.

Блок 7. Иллюстрирование публикации.

Указываются особенности иллюстративного материала, соответствующего публикации; функциональность иллюстрации к публикации; зафиксирована ли на иллюстрации конфликтная ситуация и что на ней конкретно изображено.

Блок 8. Конфликтность в публикации.

Определяется частотность использования в публикации концептов «конфликт», «война», «спор, полемика», «агрессия», «за», «против».

Блок 9. Концовка публикации.

Устанавливается наличие вывода автора, рекомендаций в конце публикации; пунктуационные особенности материала; прогноз относительно продолжения развития темы.

Соответственно, в зависимости от научных интересов исследователя может быть выбран определенный блок или их группа.

После внесения цифровых обозначений в матрицу (этап кодирования) исследователь переходит к этапу расшифровки (декодирования) данных, полученных при анализе группы выпусков издания. Отметим, что нерационально использование данного метода при анализе одного газетного или журнального номера.

В нашем случае была сделана предварительная выборка текстов в печатном издании, которые являются полемическими. В рамках других исследований может быть сделана иная выборка, например, информационных текстов, аналитических текстов, художественно-публицистических текстов, текстов с иллюстративными материалами или без них, текстов с простым или сложным заголовком, текстов конкретного журналиста, текстов конкретной рубрики и т. д. По усмотрению исследователя ряд вопросов и, соответственно, позиций в матрице может быть снят (выбираются определенные блоки вопросов, представляющие интерес для исследователя).

Для показательного проведения анализа полемических публикаций в печатных СМИ с использованием матричного метода взяты номера вечерних изданий – газет «Вечерний Новосибирск» и «Вечерняя Москва». Оба издания позиционируются как общественно-политические.

При анализе были охвачены все вышеописанные позиции, поскольку для нас научный интерес представляют полемические тексты современных массмедиа, а именно на их исследовании и сфокусирован метод.

Внесение цифровых обозначений в матрицу (таблицу, формируемую для каждого конкретного номера) позволило сделать определенные выводы относительно данных изданий.

Так, при значительно большем количестве материалов в номере газеты «Вечерняя Москва» (22 публикации) полемические тексты не обнаруживаются, в то время как в газете «Вечерний Новосибирск» (7 публикаций) присутствует полемический текст (Громова С. Чек от доктора // Вечерний Новосибирск. 2015. 15 мая. С. 6). Материалы газеты «Вечерняя Москва» преимущественно носят информационный характер. Очевидно, что развитию полемики на страницах печатных изданий не способствует схожий признак: обе газеты – общественно-политические исходя из особенностей тематики. В силу отсутствия полемических материалов в «Вечерней Москве» дальнейший анализ контента издания для нас не представляет интереса. Однако по предложенной методике был проанализирован полемический материал в газете «Вечерний Новосибирск».

Очевидно, что полемический материал в «Вечернем Новосибирске» аналитический – написан в жанре корреспонденции, характеризующейся подробным разбором локальной ситуации (в противовес статье, в которой рассматриваются масштабные проблемы) [8]. Тематика публикации связана с обсуждением проблемы в сфере здравоохранения. Материал носит критическую направленность в отношении лиц, виновных в коррупции в данной сфере. Композиция публикации является традиционной для большинства полемических текстов: вначале излагается суть проблемы, которую далее автор освещает. Позиция автора, с одной стороны, не очевидна, с другой – становится понятной благодаря подбору интервьюеров: ясно, что автор осуждает сложившееся положение дел. Для подтверждения собственной позиции он прибегает к таким приемам, как аргумент от авторитета, аргумент «к городскому», аргумент при помощи примера, аргумент относительно причины [9]. Материал экспрессивен по своему эмоциональному фону: используются восклицательные и вопросительные конструкции [10]. Кроме того, к размышлению над проблемой автор приглашает читателей, чему способствует постановка многоточия в конце ряда предложений. Заголовочная конструкция также носит полемическую направленность: констатируется факт, который не может быть воспринят аудиторией как само собой разумеющееся [11]. Текст дополнен

иллюстрацией, которая лишь обращает внимание на проблему, привлекает внимание к публикации (запечатлены медицинские работники и ожидающий своей очереди пожилой человек), но не несет дополнительной информации. В тексте используются определенные концепты, указывающие на полемичность текста. Концовка материала свидетельствует о том, что, вероятно, обсуждение проблемы на страницах издания будет продолжено.

Приведенный пример анализа полемической публикации свидетельствует о применимости предлагаемого метода исследования: с его помощью можно проводить сравнительный анализ контента различных изданий в целом или полемических материалов в них в частности. При исследовании с использованием подобного метода ряда выпусков одного издания или других печатных СМИ дальнейшее сопоставление результатов позволит сделать определенные выводы. Кроме того, данный метод исследования не требует больших временных затрат, но позволяет получить ценную научную информацию.

1. Чернов А.В. Типология российских исследований массмедиа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (49). С. 102-104.
2. Вартанова Е.Л. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М., 2009.
3. Старииков А.Г. Массмедиа современной России. Ростов н/Д, 2013.
4. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. СПб., 2005.
5. Шестерина А.М. Полемический текст в современной прессе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.
6. Романов А.А., Васильев Г.А. Массовые коммуникации. М., 2010.
7. Балакин С.В. Использование когнитивно-матричного метода в исследовании деривационных процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.
8. Ким М.Н. Основы теории журналистики. СПб., 2013.
9. Аносова С.В. Агрессивный компонент полемических текстов и иллюстраций в современной газете: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
10. Богомолова Н.Н. Психология массовой коммуникации. М., 2008.
11. Аносова С.В. Элементы полемики в заголовочных конструкциях центральной прессы //

В мире научных открытий. 2010. № 4-2. С. 96-98.

1. *Chernov A.V.* Tipologiya rossiyskikh issledovaniy massmedia // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. T. 1. № 3 (49). S. 102-104.
2. *Vartanova E.L.* Teoriya SMI: Aktual'nye voprosy. M., 2009.
3. *Starikov A.G.* Massmedia sovremennoy Rossii. Rostov n/D, 2013.
4. *Leonov N.I.* Konflikty i konfliktnoe po-vedenie. Metody izucheniya. SPb., 2005.
5. *Shesterina A.M.* Polemicheskiy tekst v sovremennoy presse: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, 2004.
6. *Romanov A.A., Vasil'ev G.A.* Massovye kommunikatsii. M., 2010.
7. *Balakin S.V.* Ispol'zovanie kognitivno-matrichnogo metoda v issledovanii derivatsionnykh protsessov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2008.
8. *Kim M.N.* Osnovy teorii zhurnalistiki. SPb., 2013.
9. *Anosova S.V.* Agressivnyy komponent polemicheskikh tekstov i illyustratsiy v sovremennoy gazete: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.
10. *Bogomolova N.N.* Psikhologiya massovoy kommunikatsii. M., 2008.
11. *Anosova S.V.* Elementy polemiki v zagolovochnykh konstruksiyakh tsentral'noy pressy // V mire nauchnykh otkrytiy. 2010. № 4-2. S. 96-98.

Поступила в редакцию 29.10.2015 г.

UDC 81'33

MODERN RESEARCH METHODS OF PRINTED MASS MEDIA MATERIALS

Svetlana Vladimirovna GUSKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: guskova_s_v@mail.ru

The researches at the moment, including the sphere of journalism, know a lot of methods of mass media materials' research – both printed and electronic. The scientists traditionally implement general-philosophic and general-scientific methods. But to get valuable scientific information it is necessary to apply for private-scientific methods, which are characteristic for concrete sphere of science. As the system of scientific methods and the system of mass media are dynamic and there can appear the new methods in some period of time. The description of new method of printed mass media research, the basis of which is matrix building is proposed. The essence of the method is given and based on the example of concrete newspaper issues its practice implementation is given practically. The relevance of this method is based on the necessity of the sided research of mass media messages to reveal their implementation on the auditory, the recommendations for creative staff of editorials to improve the quality of media-information. The method may be used for analysis of publications in newspapers and journals, of polemic nature, but it can also be adopted for other text groups. The method may not be implemented for analysis of advertising messages in mass media.

Key words: printed mass media; methods of mass media research materials; matrix; socially-political newspapers.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО, КУЛЬТУРНОГО И САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТОВ

© **Наталья Николаевна ЛАВРИНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат философских наук,
доцент, кафедра философии и методологии науки,
e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Рассмотрено взаимодействие географического, культурного и сакрального ландшафтов. Проанализирована категория «ландшафт» и подчеркнут ее междисциплинарный характер. Предложено разделить определения исследуемого явления на понятия «теоретические модели» и понятия о «реальных объектах». Дана общая характеристика природного и культурного ландшафтов, раскрыта условность границ в понимании сущности данных понятий. Рассмотрен ряд подходов к изучению данной проблемы, которые позволяют сформировать новый взгляд на ландшафт как на один из факторов историко-культурного развития территории. Отмечаются особенности геоландшафта как интегральной территории, объединяющей природные и социокультурные комплексы. В таком качестве он выступает как среда, где фиксируются в различных формах антропогенные и естественные воздействия, аккумулируется информация о процессах развития и распространения. Культурное содержание и специфика протекающих в данной среде процессов во многом определяются ее природными характеристиками. Обосновывается структура геоландшафта, объединяющая природно-территориальные и культурно-территориальные подсистемы. Утверждается, что особое место в данной структуре занимает сакральный ландшафт, который одновременно содержит природные и культурные элементы и выступает как результат интеллектуального воздействия человека на природу. Делается вывод, что именно сакральный ландшафт обеспечивает устойчивость существования геоландшафтной системы в исторической перспективе. Предложена системная модель структуры геоландшафта, в которой объединяются природные и геокультурные подсистемы, а сакральный ландшафт выступает как элемент интеграции данных подсистем в единое геоландшафтное пространство.

Ключевые слова: ландшафт; географический ландшафт; культурный ландшафт; сакральный ландшафт; историко-культурное развитие.

Категория «ландшафт» относится к числу древнейших в человеческой культуре. Это обусловлено существующей генетической связью первичных культурных форм человеческого самосознания и природного окружения и принципиальной ориентированностью первобытного мифологического мышления на феномен единства и целостности.

Широта «ландшафта» позволяет ему быть предметом исследования многих наук. Одно из первых научных определений принадлежит русскому географу начала XX в. Л.С. Бергу, который выделял в нем гармоничное сочетание природных компонентов, очерченное естественными границами, и рассматривал его как «индивид» и основной объект географического исследования. Как

одно из фундаментальных понятий географии, в основе которого лежит идея о взаимосвязи и взаимообусловленности всех природных явлений земной поверхности, ландшафт выступает геосистемой, которую образуют в своих пространственных изменениях и в историческом развитии формы рельефа, горные породы, климат, поверхностные и подземные воды, почвы и сообщества организмов. По мнению В.Б. Сочавы, он соответствует понятию основной геосистемы, которая характеризуется целостностью, устойчивостью, саморегуляцией и другими признаками.

Принято различать природные и культурные ландшафты. Однако границы между этими значениями крайне условны. Это свя-

зано с тем, что за длительное время воздействия человека на природную среду происходили существенные структурно-динамические изменения биосферной оболочки земли. Они протекали, с одной стороны, в ходе естественной эволюции природных геосистем, с другой – в условиях закономерного развития производительных сил и производственных отношений человеческого общества. Результатом их стало появление особой среды, где сосуществуют, взаимодействуют естественные элементы и созданные или спровоцированные к возникновению человеком. В его отсутствие следы влияния стираются практически полностью, что связано со свойством самовозобновления ландшафта, которое определяется поддержанием некоторого типа устойчивости, определенной географической детерминированности развития, а также наличием таких элементов, общность которых состоит в том, что они выполняют функцию памяти и сохранения информации. Ландшафт, не подвергшийся культурно-преобразующей деятельности, лишенный искусственных сооружений или по каким-то причинам оставленный человеком, можно называть диким, или природным. Он может рассматриваться как самодостаточный объект изучения, и именно в таком значении являться предметом изучения естественных наук.

Ландшафт, формируемый под влиянием человеческой деятельности, принято называть культурным. Некоторые авторы считают синонимами термины техногенный, культурный и антропогенный ландшафт, хотя не всякая антропогенная система является результатом технического прогресса. В отличие от естественных, в антропогенных часто отмечается преобладание положительных обратных связей над отрицательными. Среди культурных систем есть близкие аналоги природных, а есть и принципиально новые образования, поэтому существует такое понятие «оптимальный культурный ландшафт» (А.Г. Исаченко), которому присущи положительные геохимические и эстетические свойства разных геосистем. Многие исследователи разделяют антропогенный и культурный ландшафт, считая, что последний формируется в результате сотворчества человека и природы.

В нем природные и культурные компоненты сплетены, и не всегда целесообразно

их разделять. Соотношение этих двух начал определяет в ландшафте многое, однако далеко не всегда ясно, какое из них лежит в основе того или иного явления. Это связано с тем, что существуют системы, которые возникают под влиянием человеческой деятельности, а затем их развитие идет естественным путем, и системы, которые формируются для удовлетворения конкретных потребностей человека, подвергаются периодическому воздействию. Такая неопределенность связана с тем, что естественная, неизменная среда может быть культурным ландшафтом ее коренных обитателей, культура которых не технологична и не внедрила в него каких-либо материальных элементов.

Все трактовки изучаемого явления можно разделить на понятия – «теоретические модели» и понятия о «реальных объектах». Смысловое наполнение термина зависит от контекста исследования. Поскольку все ландшафты модифицированы в физической географии, в географии культуры, в истории, в культурологии его следует понимать как преобразованный природный ландшафт, возможные варианты представлений о котором являются производными от:

1) понимания культуры, ее содержания и границ проявления;

2) от вводимой пространственно-временной шкалы воздействия человека на природную среду.

Всегда необходимо учитывать изменения в науке, умах людей и то, насколько сильным и интенсивным становится вмешательство человека в природу. Если раньше изменения, вносимые им в окружающую его природу, могли не проявляться на протяжении жизни нескольких поколений, то теперь одно поколение может испытать на себе последствия этого преобразования, которые не всегда носят положительный характер как для человека, так и для самой природы.

Уже с позднего палеолита начинается активное воздействие на некоторые компоненты ландшафта: сначала на фауну крупных позвоночных и растительность, затем на почву, природные воды, литосферу. Появились ландшафты, радикально измененные человеком. В современном мире все вовлечено в сферу человеческой деятельности: географические зоны, различные виды ландшафтов, даже заповедники сохраняются бла-

годаря деятельности человека. Эти преобразования происходят постоянно, иногда радикально, что представляется современному человеку естественным. Современный ландшафт несет на себе «печать» не только текущих – прямых или косвенных – воздействий, но и тех влияний, которые оказывались на него в прежние времена.

Культурным является ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему деятельности человеческого общества так изменило соотношение предметов и явлений природы, что он обрел новые, качественно иные особенности по сравнению с естественным своим состоянием, и при этом не перестал быть природным и развиваться по ее законам. Он может рассматриваться как рационально преобразованная территория, в которой природные связи и процессы целенаправленно изменены на научной основе в интересах общества.

Я. Демек определяет этот феномен с позиций системного подхода как часть земной поверхности, на которой территориально существуют природные и социально-экономические геосистемы.

Ландшафт является сложным комплексом, где наряду с овеятыми в форме природных и антропогенных тел существуют духовные, формирующиеся в процессе взаимодействия человека и природы ценности. Основной функцией является передача от поколения к поколению национального наследия, т. е. объектов культурного наследия, находящихся в природной среде, и собственно ландшафтов, которые также являются элементом историко-культурного наследия.

Его внешний облик формируется современной, живой культурой и элементами наследия, где первая включает в себя инновационную и традиционную модели. При этом последняя является функционирующей в ее составе частью наследия. В таком качестве традиционная культура выступает как национальная, как исторический опыт взаимодействия человека с вмещающей его средой, как ценности и традиции, направленные на консолидацию этноса для сохранения ландшафта.

Данная концепция лежит в основе выделения уникальной историко-культурной и природной территории, которая, по сути, является высокоразвитым, оптимальным с точ-

ки зрения социокультурных потребностей видом ландшафта. При его определении акцент делается не на экологические и ресурсные качества природной среды, обусловленные физико-географическими условиями, а на его историко-культурный потенциал, выраженный в форме наследия. В таком контексте ландшафт выступает как среда и как самоценный объект, а памятники – как доминанты территории. Природно-культурные границы данной территории соответствуют ее ландшафтными границам. Поэтому культурные ландшафты можно типологизировать по соотношению комплексов культуры (наследия, традиционной, новационной) в структуре реальных ландшафтов и по степени выраженности взаимосвязи между природными и культурными компонентами.

Ландшафт может рассматриваться как фактор пространственной и ансамблевой организации историко-культурной среды. Такое представление о нем складывается в ландшафтной архитектуре, где внимание к природной среде определяется функциональными и эстетическими интересами. Сама среда делится на визуальные пространственные единицы, в которой памятники архитектуры образуют доминанту, создавая единое соподчиненное пространство. Так, в природном комплексе водоем или возвышающаяся над окружающей местностью вершина подчиняют себе обширное пространство, а речная долина раскрывает перспективу. Архитектурно-ландшафтная композиция (размещение архитектурных доминант, видовых перспектив, ритмика и объем построек) строится на основе ее соответствия (или контраста) визуальным качествам естественных геоконфлюэнтных зон: зонам композиционно-функционального притяжения (холм, устье реки, берег водоема, зеленый массив) и системе ориентирующих направлений и объектов (транзитные магистрали и места их пересечения, береговые линии).

Границы историко-архитектурных ансамблей обычно очерчиваются ареалом оптимальной видимости. Однако чтобы сохранить целостность ландшафтно-архитектурной композиции, охранную зону необходимо отводить не в планировочных, а в природно-территориальных границах. Это связано с тем, что изменение одного природного компонента, который не имеет ценности в эсте-

тическом плане, может вызвать трансформацию комплекса в целом и отразиться на визуально-эстетических качествах размещающейся в нем историко-архитектурной зоны. На базе природных ландшафтов предполагается выделение охраняемых территорий новой категории – уникальных историко-культурных и природных территорий.

В современной науке определилось несколько основных концепций, которые отражают различные подходы к исследуемому феномену.

1. Средовая концепция. Всякое земное пространство, жизненная среда человека или группы людей является ландшафтом, если оно освоено утилитарно и символически. Средовой характер (жизненная среда по В.Л. Каганскому) объясняет особенности пространственной организации и экотонный характер его границ. Для более полного понимания важным представляется выявление пространственных центров. Среди базовых понятий, обеспечивающих статусную организацию ландшафта, выделяют следующие: центр, провинция, периферия, граница. Они же используются для определения основных ландшафто-статусных типов территории, что может быть использовано в целях средового географического районирования [1].

2. Мирозозренческая концепция основана на аксиологической ценности ландшафта. Такое понимание расширяет границы географического анализа, определенные технократической концепцией, которая основана на западном мировоззрении с его потребительским отношением к природе и традиционной культуре. В этом контексте сохранившиеся (традиционные) культурные ландшафты воспринимаются как образцы действительно устойчивого природопользования [2].

3. В центре внимания этнокультурной концепции находится «естественный» характер становления культурного ландшафта и его этнокультурное содержание. Культурным следует называть такой ландшафт, который создан на определенной территории, в результате проживания на ней сложившихся групп населения, которые могут быть как моноэтническими, так и полиэтническими.

С позиций отмеченных направлений науки представления о ландшафте, рассмотренные от более ограниченного подхода к

самому широкому, позволяют определять его как:

- природно-архитектурную среду;
- историко-культурную среду, вмещающую памятники истории и культуры;
- рационально сбалансированную территорию;
- рационально сбалансированную территорию, содержащую комплекс элементов национальной культуры и обладающую высокими визуально-эстетическими качествами;
- среду и элемент историко-культурного наследия.

Анализ предложенных позиций дает возможность выделить новый взгляд на геоландшафт – как на один из факторов историко-культурного развития территории. В таком качестве он выступает, во-первых, как среда, где фиксируются в различных формах антропогенные и естественные воздействия, аккумулируется многообразная информация о процессах развития и распространения культуры (о геокультурных процессах), где воспроизводятся привычные условия жизни людей и хранится в разнообразных традиционных формах «генофонд» культуры; во-вторых, «как предпосылка и материальный субстрат, как корректирующая и результативная развития культуры» [3]. Культурное содержание и специфика протекающих в данной среде процессов во многом определяются ее природными характеристиками.

В таком контексте представление о ландшафте отражает следующее определение. Геоландшафт – это интегральная территория – суперсистема, объединяющая природные и социокультурные комплексы. Их синтез проявляется в реальной объективации материальных и духовных ценностей и определяет психологическую матрицу их носителя – человека.

Человек в таком качестве не противопоставляется окружающей среде, а рассматривается как ее составная часть, с которой он прямо или косвенно взаимодействует, которую он воспринимает – слышит, видит, осязает. Пользуясь языком экзистенциалистов, можно сказать, что он «заброшен» в ландшафт, «обречен» быть в нем. Его бытие ландшафтно по существу; вне его человек немислим, его место в Космосе и Мироздании опосредовано его местом в нем (в современной науке это отражается в концепциях

«бытийного географизма» В.С. Преображенский, «географического мира» У.И. Мересте, С.Я. Ныммик). Такое тесное взаимодействие с вмещающей средой обусловлено, прежде всего, его биологической сущностью. В данном смысле он – продукт природы, который возник в результате ее эволюции. Биолого-физиологические качества и свойства человека помогают ему адаптироваться к окружающим его условиям, «врасти» в ландшафт, который, в свою очередь, способен оказывать непосредственное воздействие на человека, формируя личностные качества, определяя результаты его труда. Социальная сущность позволяет ему в процессе творческой деятельности создавать и потреблять ценности, наполняя тем самым среду своего обитания смыслом. Она подразумевает также индивидуальность, т. е. совокупность характерных для человека социальных качеств, самобытность, другими словами, делает его личностью.

В этом плане личность и ландшафт соконstitutивны. Первая предполагает наличие как природно-индивидуальных, так и социальных характеристик, второй имеет связанные природную и культурную среды. Любая личность обитает в ландшафте, который в силу этого можно рассматривать как персонифицированный, «ландшафт – индивид». Это жизненная среда, пространство достаточно большой группы людей, которое одновременно целно и дифференцированно, освоено утилитарно, семантически и символически. Каждый вещественный фрагмент окружающей людей среды наделяется значимыми характерными чертами, отличиями, стремлением воспринимать ее не как склад случайных вещей, а как закономерную совокупность предметов, явлений, поддающуюся объяснению и целенаправленному влиянию, способностью подмечать различия и особенности разных мест так, чтобы накопленное знание можно было закреплять в понятиях и передавать другим людям. «Именно пространственные символы способны преобразовать даже смутные эмоции и неясные импульсы в четкую иерархию ценностей, а также слаженные коллективные действия» [4].

Геоландшафт сохраняет преэминентность в развитии культуры, отражая систему ценностей, строй мышления, эмоции, преобладающие в ней. Она, в свою очередь, опре-

деляет его содержание и структуру, в которой многие элементы получают реальное воплощение. Эта объективация может одинаково происходить как в материальной сфере, так и осуществляться в слове, действии, стереотипных поступках и их результатах. Материализованные явления духовной культуры являются частью культуры, а сама материальная культура не исчерпывается совокупностью реальных объектов, но включает выраженное в них идеальное, духовное содержание. Особенно ярко это проявляется в архитектуре, монументах, топонимике, фольклоре и других элементах культуры. Например, любое поселение само по себе является своего рода памятником, символическое значение которого выражается через его расположение, ориентацию, структуру, использование внутреннего пространства [5].

Взяв за основу определение геоландшафта как интегральной суперсистемы и жизненного пространства, можно обозначить его структуру, которая объединяет системы двух видов – природно-территориальные и культурно-территориальные. Наиболее активным компонентом, определяющим геокультурное развитие, является культурно-территориальные общности. Для их выделения в качестве системообразующих выступают пространственно-временные факторы и самые различные компоненты культуры, роль которых «могут играть как экстерьерные (опредмеченные), так и интериорные формы существования культуры, как отдельные компоненты материальной и духовной культуры, так и их целые комплексы, как наличие осознанности самого факта общности, так и отсутствие таковой» [6, с. 49].

Особое место в системе геоландшафта занимает сакральный ландшафт. Он одновременно является частью географического пространства, природных комплексов и частью культурного ландшафта, социокультурных комплексов. Сакральный ландшафт представляет собой антропологическую составляющую геоландшафта, значимый итог духовно-интеллектуальной деятельности человека в создании его облика. В связи с этим можно говорить о целостности и структурности пространственной организации сакрального ландшафта, поскольку он содержит природные и культурные элементы, а также об его утилитарной, семантической и симво-

лической освоенности. Сакральный ландшафт можно рассматривать как элемент «организованного целого, невербального текста, выраженного семиотическим языком» [7]. Сакральный ландшафт как результат интеллектуального воздействия, результат управления человеком географической средой, позволяет ему сохранять геоландшафтную систему, обеспечивать режим ее существования в исторической перспективе, реализовывать заложенные в нем как социокультурном феномене функции. Это может быть этническая интеграция, передача культурных ценностей и норм из поколения в поколение, «виртуального (основанного на мифологии и легендах) поддержания баланса сил в природе и обществе и др.» [8].

Сакральный ландшафт реализует свои функции через разнообразные комплексы культуры, которые могут классифицироваться по ряду признаков: этническим, хозяйственно-культурным, языковым, конфессиональным и др. Среди них особенно значимыми являются те, которые целиком зависят от символов (Л. Уайт):

- действия (поведенческие схемы, тип хозяйственной деятельности);
- объекты (орудия и предметы, созданные ими);
- идеи (верования, знания);

– чувства (установки, ценностные ориентации).

Например, одним из универсальных комплексов культуры, «который содержит глубинный пласт этнической памяти, архетипы мировосприятия народа, специфику ментальных особенностей, является традиционный вид искусства – создание украшений» [9].

Геоландшафт выступает открытой системой, функционирование в структуре которой обеспечивается информационным обменом. В то же время способность сохранять собственный генофонд определяет целостность выделенной пространственной системы, а также стабильность и пластичность ее внутренних и внешних взаимосвязей. Они обеспечиваются инокультурными воздействиями и влиянием факторов естественнo-исторического развития природной среды. В результате переработки поступающей информации, внутри структуры формируются новые варианты культурно-территориальных образований, происходит выработка и передача их вовне в виде инвариантных геосистем с новыми формами и механизмами функционирования и адаптации разнородных элементов в едином пространстве, увеличение многообразия в целом и обогащение пространства культуры, которое не ограничивается географическим.

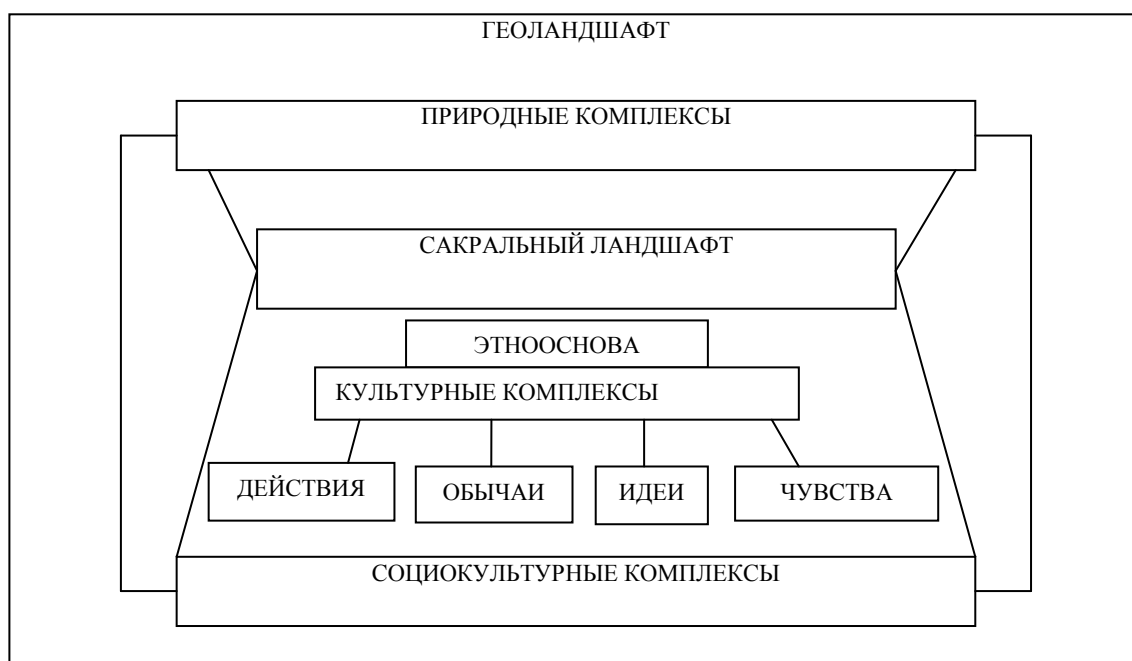

Рис. 1. Структурная модель геоландшафта

Структуру геоландшафта наглядно отражает системная модель (рис. 1). Она объединяет природные и геокультурные подсистемы. Сакральный ландшафт здесь выступает как элемент интеграции данных подсистем в единое геоландшафтное пространство.

Возникновение выделенных компонентов в структуре геоландшафтного пространства происходило во времени, т. е. последовательно, поэтому процесс его формирования и историко-культурного развития общества в целом можно разделить на три периода: период формирования базовой природной, естественной основы, период становления этноосновы, формирующей культурное содержание, и период образования комплексов культуры, являющихся надстроечными компонентами, определяющими культурное содержание. На протяжении каждого из них структура усложнялась, дополнялась новым компонентом, который укоренялся на уровне традиционного комплекса культуры с развитой территориальной сетью.

Таким образом, системная модель отражает упорядоченность внутренней организации и воссоздает структуру геоландшафта.

1. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-70.
2. *Мяжков С.М.* Природный риск: Особенности восприятия // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1994. № 4.
3. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.
4. *Панков В.Д.* Пространственный аспект проблемы национальной идеи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 12 (56). С. 28-32.
5. *Лавринова Н.Н.* Геокультурные основания менталитета // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 2 (60). С. 197-201.
6. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987.

7. *Никольская Т.М.* Символика и семантика иконописного образа // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9 (31). С. 300-319.
8. *Окладникова Е.А.* Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования: монография. 2014. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=253835 (дата обращения: 12.09.2015).
9. *Сертасова И.Н.* Символика и культурно-историческое значение украшений в традиционной культуре // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (55). С. 176-180.

1. *Каганский В.Л.* Kul'turnyy landschaft: osnovnye kontseptsii v rossiyskoy geografii // Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie. 2009. № 1. S. 62-70.
2. *Мяжков С.М.* Prirodnyy risk: Osobennosti vospriyatiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 1994. № 4.
3. *Гумилев Л.Н.* Geografiya etnosa v istoricheskiy period. L., 1990.
4. *Панков В.Д.* Prostranstvennyy aspekt problemy natsional'noy idei // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2007. Vyp. 12 (56). S. 28-32.
5. *Лавринова Н.Н.* Geokul'turnye osnovaniya mentaliteta // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2014. № 2 (60). S. 197-201.
6. *Бромлей Ю.В.* Etnosotsial'nye protsessy: teoriya, istoriya i sovremennost'. M., 1987.
7. *Никольская Т.М.* Simvolika i semantika ikonopisnogo obraza // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2011. № 9 (31). S. 300-319.
8. *Окладникова Е.А.* Sakral'nyy landschaft: teoriya i empiricheskie issledovaniya: monografiya. 2014. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=253835 (data obrashcheniya: 12.09.2015).
9. *Сертасова И.Н.* Simvolika i kul'turno-istoricheskoe znachenie ukrasheniy v traditsionnoy kul'ture // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2013. № 9 (55). S. 176-180.

Поступила в редакцию 19.10.2015 г.

UDC 008

MODEL OF INTERACTION OF GEOGRAPHIC, CULTURAL AND SACRAL LANDSCAPES

Nataliya Nikolaevna LAVRINOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Science Methods Department, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

The interaction of geographical, cultural and sacred landscapes is considered. The concept “landscape” is analyzed and its interdisciplinary character is emphasized. It is proposed to divide the definition of phenomenon on the concept “theoretical models” and the concept of “real objects”. General description of natural and cultural landscapes is given, conventional boundaries to understand the essence of the concepts are expanded. A number of approaches to the study of a problem which allows to form a new view on the landscape as one of the factors of historical and cultural development of the territory is reviewed. The geo-landscape features as an integral territory are marked, uniting the natural and social-cultural systems. In this case, it acts as space where fixed anthropogenic and natural impacts in various forms, information about the processes of development and distribution is accumulated. Cultural content and specification of the processes in this space are largely determined by its natural features. Geo-landscape structure that combines natural and territorial, cultural and territorial subsystems is substantiated. It is affirmed that a special place in the structure occupies a sacred landscape that contains both natural and cultural elements and acts as the result of intellectual human impact on nature. It is concluded that the sacred landscape stabilizes the existence of geo-landscaping system in a historical perspective. A system model of geo-landscape structure that combines natural and geo-cultural subsystems is proposed, but the sacred landscape acts as an integration element of the subsystems into single geo-landscaping space.

Key words: landscape; geographical landscape; cultural landscape; sacred landscape; historical and cultural development.

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА (на примере купальского обряда)

© Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов,
e-mail: timnik2004@mail.ru

В настоящее время вновь стала широко изучаться духовная культура русского народа, сохраняющая опыт многих поколений. В связи с этим целью явилась разработка технологии изучения обряда, сбора и классификации информации, произведенная на примере купальского обряда. Приведены этапы изучения обряда, выведена модель обрядового комплекса, удобная для прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки. Кроме того, рассматривается обрядовая лексика и наименование праздника. Изучение атрибутивной лексики обряда способствует наиболее полному воссозданию всей технологии изучения. Территориальные предпосылки, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда дополняют этот семиотический ряд. Так, данная технология позволяет показать, как интересен, самобытен и эмоционален в своем исполнении каждый обрядовый комплекс. А данные, собранные в ходе подобного изучения, лишь подтверждают структуру и говорят о существовании данного обрядового комплекса. Таким образом, подобная технология может быть применена для изучения любого обрядового комплекса, что способствует более полному представлению о быте, верованиях, неповторимости, самобытности фольклорного материала древнейших славян.

Ключевые слова: обряд; технология изучения; духовная культура; сбор и классификация информации.

В настоящее время существует определенная тенденция в сопоставлении языковых факторов с культурологическими, являющиеся ведущими во многих исследованиях последних лет. Это связано, прежде всего, с необходимостью описания сквозь призму языка богатого, одушевленного мира прошлых тысячелетий, который дошел до нас в виде осколков ритуалов и обрядовых действий. Для этого необходима расшифровка обрядов и их символики с целью более точного понимания духовной жизни народа прошлого и его ценностей. «Отсюда вытекает необходимость исследования и реконструкции семантики текстов в широком смысле, предполагающем восстановление древней модели мира» [1, с. 6]. Здесь мы обратились к малой части этого целого, называемой обрядом, а именно к купальскому обряду.

Обряд содержит определенный лексический материал, обладает своей структурой, семантикой и символикой и является организованной и подвижной единицей в общей системе фольклорного материала. Также, имея логическую последовательность и иерархичность образов и ритуальных действий, может быть обличен в некую **модель**, удоб-

ную для прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки.

Необходимо отметить, что модель является существенным элементом в системе методов научного исследования. Под моделью понимается любая система, мысленно представляемая или реально существующая, которая находится в определенных соотношениях с другой системой (называемой обычно оригиналом, объектом или натурой).

Необходимость изучения обряда на моделях, заменяющих подлинный объект исследования, диктуется рядом объективных условий и особенностей объектов познания, вследствие которых прямой эксперимент крайне затруднителен или просто невозможен. Существенным отличием рассмотрения обрядового комплекса на основе модели от обычного является его четкая структура. При подобном подходе объект-заместитель и натурное изучение объединяются, сливаются в действующей модели в одно целое.

Таким образом, моделирование – это замена интересующего нас явления моделью меньшего или большего масштаба. Основным смыслом моделирования заключается в том,

чтобы по наглядной модели можно было бы понять весь материал, представить его в доступной и ясной форме.

В данной связи модель выполняет двойную роль: она одновременно является и объектом изучения (поскольку замещает другой, подлинный объект), и экспериментальным средством (поскольку является средством познания этого объекта).

Следует обратить внимание на то, что при использовании модели в изучении обряда значительно усилена роль теории как необходимого звена, т. к. необходимо обоснование отношений между моделью и натуральным объектом.

Рассматривая модель организации купальского обряда, мы исходим из причинно-следственных отношений возникновения данной фольклорной единицы (рис. 1). Под этим понимаются:

- религиозные представления древних славян;
- аграрный календарь;
- стремление к познанию и объяснению природных явлений;
- стремление к передаче накопленной информации.

Данные отношения определяют следующие мотивы возникновения купальского обряда:

- социальные (осуществление коммуникации в обществе и во времени (передача информации от поколения к поколению) и в пространстве);
- религиозные (стремление к очищению от грехов, освобождение от нечистоты духовной и телесной).

Процесс возникновения купальского обряда обусловлен не только причинно-следственными отношениями, но и временным пространством.

Появление данного обрядового комплекса обусловлено также **территориальными предпосылками**, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда.

Исходя из материалов источников, наиболее широко данный обрядовый комплекс распространен на территории Украины и Белоруссии – 60 %; реже и в несколько измененном виде встречается на территории

стран Прибалтики – 20 %; на территории Москвы и Московской области есть некоторые элементы данного обряда – 5 %. Остальное составляют территории других, близлежащих к Московской областей, в частности, рассматриваемой нами Тамбовской области – 15 %. Наглядно это можно увидеть на рис. 2.

Таким образом, «празднование Ивана Купала совершается почти во всей Великой, Малой и Белой России... в старинное время совершалось и в Западной Европе» [2, с. 210] и странах Прибалтики.

Соответственно территориальной принадлежности, определяются **действующие персоналии обряда**:

- божество – Иван Купала, Морена (Мара / Марена), Кострома, Русалка, Смерть, Ярило, Горюн, Кострубонька, Иван-да-Марья;
- люди – жители данной местности, на территории которой происходил обряд;
- животные – прогон домашнего скота через костер.

Все действие обряда происходило при помощи **сопроводительных элементов**:

- растения: крапива, папоротник, береза и т. д.;
- лексический материал: тексты песен, сопровождающие процесса обряда, экспедиционный материал, различные источники и т. д.;
- праздничная одежда.

К сопроводительным элементам можно отнести две стихии: огонь и воду. Но дело в том, что эти элементы выпадают из общего контекста, являясь особым значительным звеном в общей структуре обряда. Это две стихии, которые не определены временным пространством, но, тем не менее, к нему относятся.

Все вышеперечисленные элементы определены **структурой обрядового комплекса**, которая, по нашему мнению, выглядит следующим образом.

Первым этапом является **подготовка к празднику**.

Сюда мы можем отнести такие действия, как **украшение домов зелеными ветками**: ветки брались предпочтительно от лиственных пород деревьев, хвойные не использовались. Это объясняется скорее всего тем, что на территории, где проводился купальский обряд, не было хвойных деревьев.

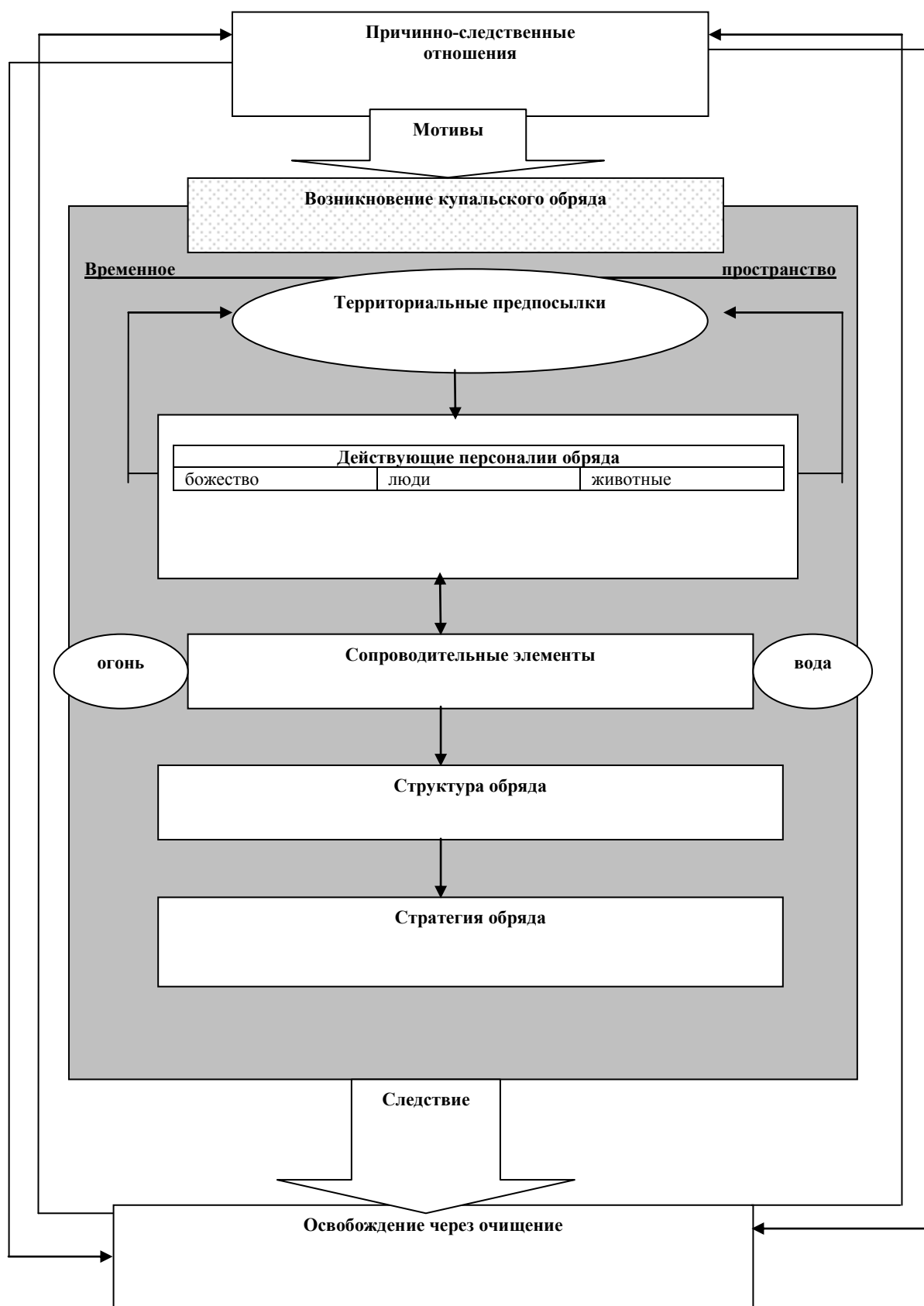

Рис. 1. Модель организации купальского обряда

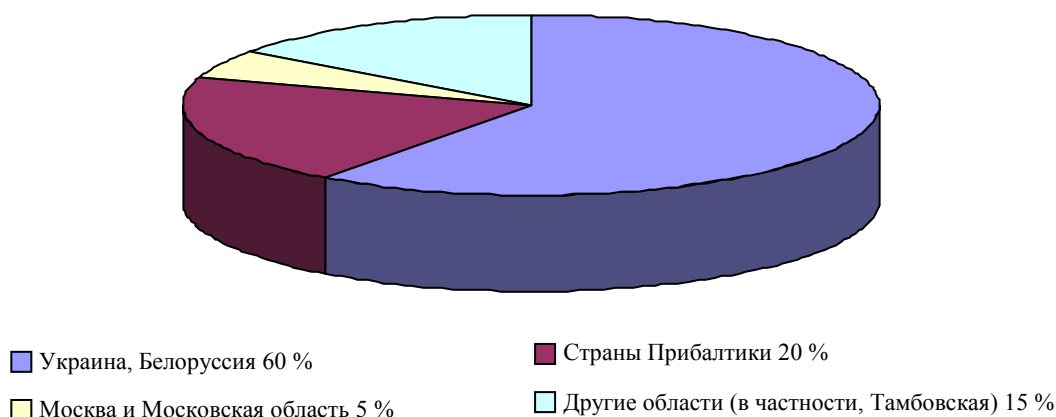

Рис. 2. Распространение купальского обряда по территориальной принадлежности

Сборы девушек и молодых женщин для участия в празднике, «называемые платмой: девушки одевались в свои лучшие наряды и шли к одному месту, где и происходило действие. Наряд состоял из домотканной юбки черного цвета, фартука [*занАвески*], расшитого полосами трех цветов – красного, зеленого и синего (начиная снизу), также одевалась рубашка с очень широкими рукавами розового или красного цветов, что же касается головного убора, то, как правило, надевался платок сатиновый [*кУбовый*] темно-синего цвета в мелкий цветочек с «машорчиками» по углам» [3, с. 19].

Приготовление особой ритуальной еды: еду готовили заранее, чтобы по пришествии с праздника можно было поесть, «разговеться». Данный момент делает купальский обряд сходным с Пасхой. Готовили «*саламаты*» – своего рода блины из воды и муки; *кулагУ* – пирог из пшеничного теста, заваренного кипятком, вареные яйца: это обязательный атрибут праздничного стола, но, в отличие от Пасхи, их не красили, драчень» [3, с. 20].

Второй этап – «завивание колец» на березке или ряжение дерева / установка колеса.

Для этого периода характерно то, что участвовали в нем все.

Как известно, главным действующим лицом всего обряда является «березка», «гостейка», «кума», «Марена» и т. д. В самый день Ивана срубают дерево Марену и ставят его в каком-нибудь месте, и затем каждый вешает на него свой венок из разных цветов.

Прежде еще, сажая под сим деревом дитя или сделанную куклу, украшали ее своими уборами. На стол ставили закуски, горилку. После сего ходят около дерева и поют. К ней же идут с обрядовым угощением.

С главными атрибутами купальских действий – Мареной (или Марой), Купалой разыгрывались красочные многоактовые спектакли.

Не всегда дерево было стационарным и находилось на одном месте. Чаще всего береза или какое-либо другое дерево наряжали лентами, нитками и ходили с ним по дворам, как бы колядуя и выпрашивая угощенье (это подобие рождественских колядок).

В других местах в Купайло, по захождению солнца, девицы собираются в одно место, куда приносят ветвь вербы, убранной цветами, и, утвердив ее в землю, ходят вокруг этого дерева, называемого Купайло, и поют жалобные песни в его честь. Также имели место хороводы.

В поселениях, где местность не отличалась большим количеством леса, ставили колесо: для этого бралась длинная палка, на нее перпендикулярно ставилось колесо и закреплялось, данное сооружение напоминало по форме своей крест. Колесо это также украшали лентами и цветами, и назвалось оно – Купало.

Следом шло действие, олицетворяющее собой обряд изгнания ведьмы или беса, во время которого все брались за руки и пели песни, содержанием которых являлось обращение с просьбой прогнать нечистую и сохранить скот.

Под деревом водили хороводы и пели песни. Содержание этих песен разнообразно. В них воспеваются березки, восхваляется праздник, девушки величают самих себя. Песни передают радостное настроение.

Третьим, небольшим, но не менее важным, был этап, который назывался «кумление».

Это одно из важных мест праздника, во время которого все участвующие в обряде возле березки целовались через венки, которые они сплели, менялись крестами (данный момент свидетельствует о влиянии христианства).

Считалось, что это кумление происходит на весь год. Большую роль играло кумление с березкой: березке надевали свой венок, свои ленты или клали букет цветов к ее подножию.

«Ветки березок загибаются в круг, так что образуются венки, или венки из березок или трав и цветов навешиваются на березки. К этим венкам девушки подвязывали свои крестики, затем сквозь венки целовались, менялись крестами и пели песни, содержанием которых является призыв к кумлению. Покумившиеся девушки считаются подружками на всю жизнь или до следующего кумления через год с другой девушкой, или на срок праздника. Кумятся все девушки, присутствующие при этом обряде» [4, с. 152]. В Тамбовской области девушки нагибают березки, свивают из них венки и попарно подходят сквозь их целоваться.

В некоторых местностях кумление обозначало вступление в определенные родственные отношения. Отсюда и называются сейчас крестные родители кум да кума.

Четвертым этапом было зажжение ритуального огня / сложение снопов из крапивы, «жгучки».

Для разведения огня использовался, как правило, живой огонь, т. е. добытый трением дерева об дерево, и этот огонь назывался божественным.

«В возжигании огней (костров), в сжигании соломы многие ученые видят черты или следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла. Для этого есть определенные основания: «игра солнца», которая происходит на Купалу и в дни, связанные с Пасхой, на Троицу» [5, с. 17].

В некоторых селах целую ночь поддерживали купальский огонь, заранее собирая для этого материал иногда со всех дворов. Остатки угольев от костра разметывали во все стороны либо уносили частички бывшего купальского огня с собой, чтобы злая сила не вредила дому и хозяйству. В других местностях огонь заменяли ворохом крапивы, колючего чертополоха. В этом случае жгучий бурьян полагалось отнести к реке и бросить в воду.

Во многих домах и сейчас кладут в Иванов день на окна домов и даже на порогах дверей жгучую крапиву для защиты себя от нападков ведьм, которые бывают «шкодливее» (т. е. особо вредят) в эту страшную ночь.

На поляне (это может быть любая открытая местность, где, как правило, нет поблизости леса) при свете огромного купальского костра начинаются веселые молодецкие игры и забавы, разыгрываются скоморошины, воцаряется атмосфера разгульного веселья.

Костер – символ праздника. Возникает интересный смысл, параллель, которая может быть продолжена: костер как символ праздника вместе с тем является очистительным средством, его сила нередко сопоставляется с силой солнца, и, видимо, не случайно в некоторых случаях уже само солнце раскладывает костер.

Когда костер достаточно прогорит – начинаются **прыжки через огонь и хождение по углям / прыжки через снопы из крапивы**. Это является следующим, пятым этапом обряда на Ивана Купалу.

Через огонь перепрыгивали парень с девушкой, держась за руки, или с ранее сплетенным венком (секирой) в руке. Было важно подпрыгнуть очень высоко. И главное – не разомкнуть рук. Те, кто так перепрыгнули, считались помолвленными.

Также прыгали через крапивный куст и пели.

Во время праздника играли. Обязательной считалась игра в горелки. «Она состояла в том, что играющие образовывали пары и становились вереницей. Впереди тот, кто водит («горящий», «горельщик», «горюн»). Ему нельзя оглядываться назад. Либо он, либо все игроки выкрикивали (пели).

После этого «горящий смотрит на небо, а задняя пара в это время, отпустив руки, бежит – один по одну сторону вереницы пар, а другой – по другую, стараясь соединиться снова впереди «горящего». Если это удастся – он продолжает водить, если нет и «горящий» ловит кого-нибудь, то оставшийся без пары становится «горящим» [6, с. 10].

Этап прыжков через костер плавно переходил в другой этап, который считался очистительным – он назывался «**купание**» или «**обливание водой**» всякого встречного и поперечного. Например, в с. Столовом Тамбовской области «деревенские парни одеваются в старое, грязное белье и отправляются с ведрами и кувшинами на речку, где наполняют их самую грязную, мутную водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключение только для стариков и малолеток. Но всего охотнее, разумеется, обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окачивают водой и грязью. В свою очередь, и девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку за водой. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, возвращается домой» [3, с. 33].

Сюда же мы относим и гадание на венках, не выделяемое в отдельный этап праздника. Девушки шли к реке с венками в руках и пели.

Сплетенные венки, с которыми девушки ходили весь праздник, они бросали в воду. Считалось, что венки уплывут к жениху, но было и другое гаданье: чей венок потонет быстрее всего, та и выйдет замуж раньше всех.

Не всегда в этот день происходит именно купание. Дело в том, что данный обряд имеет разную интерпретацию в зависимости от расположения населенного пункта. Если нет речки, то происходит обливание водой, «обливушки», но если есть река, то, как правило, после прыжков через костер вся молодежь идет на реку купаться.

Следующим моментом в обряде являются «**похороны / сожжение / развитие по ветру Костромы**» / **чучела, «Мары», «русалки**» и т. д.

Внезапно кто-то из участников праздника выхватывает купальское дерево (бесцере-

монно разрывая гирлянды, наводя беспорядок) и бежит к реке, затем купальское деревце топится в воде (пускается по течению). Ветки деревца, оставшиеся участникам, сохраняются ими как символ плодородия. Этот обряд известен как «похороны Костромы», т. е. соломенной куклы, потопляемой в воде «также Кострому... разрывали на части, а потом топили и оплакивали» [4, с. 360].

Смех и глумление в сочетании с искренним оплакиванием в данном случае символизируют мистическую борьбу Жизни и Смерти. Как уже говорилось, куклу, в ознаменование борьбы, можно предварительно свирепо разодрать на части силами всех участников (но такой обряд встречается сравнительно редко). Как правило, девушки причитают.

Но может быть и другой вариант данного момента обряда: участники обряда сжигают чучело Костромы на купальском костре, а золу и пепел забирают себе и хранят весь год. Считается, что она будет их оберегать от недугов и напастей. Кроме того, данный обряд кремации представляет собой «связь сожженного покойника с представлениями о космическом вечном мире и огне как посреднике двух миров, переносчике душ, а также источнике бессмертия» [7, с. 152].

Данный этап может иметь различные вариации. Это зависит от расположения населенного пункта. Сожжение происходит в местности, которая не содержит большого количества лесного массива; пускание по воде возможно там, где река находится поблизости с местом празднования. Что же касается разрывания на части, этот обряд хоть и редок, но все же имеет место в тех районах, где плотность лесного массива велика.

«Похороны» сопровождалась обязательно различными песнями. Песни порой рассказывали целые истории из жизни Костромы и пелись длительное время.

Песни часто выражали сожаление по поводу кончины Костромы.

Интересен тот момент, когда песни пелись с причитаниями и с имитацией оплакивания умершего.

Заключительным этапом был **сбор трав: папоротника, чертополоха** и т. д.

Ночь накануне Ивана Купалы самая короткая – этой ночью никто не должен спать. В зачарованную Купальскую ночь деревья переходят с места на место и разговаривают

друг с другом посредством шелеста листьев; беседуют между собой животные и даже травы, которые этой ночью наполняются особой, чудодейственной силой. Все земное в эту ночь получает сверхъестественную мощь: как злую, так и добрую.

«Сбором трав занимались люди, промышляющие знахарством и колдовством, и бабы, слыvuщие за ведьм. Крестьяне верят, что именно в Ивановскую ночь все эти травы получают особенную силу и даже свойства сверхъестественные» [8, с. 75]. Народная медицина, несомненно, основана на некотором знании целебных свойств отдельных трав и корней.

Травы собирали тайно: «Лихие мужики и бабы в глухую полночь снимают с себя рубахи и до утренней зари роют корни и ищут в заветных местах кладов» [3, с. 38]. Запасались травами на всю зиму. Травы освящались в церкви, и после этого они считались полезными и целебными.

Собирание трав у молодежи превращается в забаву и становится предлогом для игр и развлечений. Молодые не столько заботились о целебных травах, сколько гадали на них о своем будущем. Накануне Ивана Купалы «молодые идут в поле рвать «двенадцать разных трав»; по возвращении домой кладут их в изголовье постели, загадывая свою судьбу. Всякий сон в эту ночь считается вещим» [6, с. 14].

В ночь на Ивана Купалу целебной считалась даже роса.

Папоротник, который раскрывается сильным огненно-красным (издали малиновым) слегка мерцающим цветом, только на несколько мгновений в купальскую ночь дает возможность нашедшему его угадывать будущее. Однако все эти сияния и молнии (не исключение и цвет папоротника) совсем не каждому знахарю видны – для этого особая сноровка и настрой нужны и кроме того заветные слова знать надо. Иной человек и мимо пройдет – ничего не приметит.

Считается, что очень немногим удается найти этот цветок. На Иванов день знахари отыскивают также разрыв-траву, известную и немцам. Считается, что против нее будто не устоит никакой замок, а на муравьиных кучах масло собирается в стеклянную посуду как целительное средство от многих недугов. Из цветов особенно в этот день срывают ку-

паленку, медвежье ушко, богатенку, которую в Новгородской губернии крестьяне втыкают в стену на имя каждого из семьи, замечая, что если чей цветок скорее завянет, тому или умереть в тот год, или захворать. Тогда же под корнем черныбыльника отрывают земляной уголь, который употребляется между простолюдинами как исцеление от падучей болезни и «черной немочи», исцеляемой и корнем сего растения.

Травы и цветы, собранные в Иванов день, высушивают и сберегают их, почитая больше целебными, нежели собранные в другое время. Ими окуривают больных, борются с нечистью, их бросают в затопленную печь во время грозы, чтобы предохранить дом от удара молнии, употребляют их и для разжигания любви.

Из чудесных трав, собираемых в это время, стоит назвать «плакун-траву», особенная сила которой, по мнению крестьян, заключена в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа; владелец же корня будет внушать к себе страх; «терлыч-траву» употребляется для очарования парней девушками: они носят ее у себя за пазухой. Травка «зяблица» помогает от ребячьего крика и от бессонницы.

Каждый этап праздника как бы вытекает из предыдущего и некоторым образом подготавливает его. Но нужно оговориться и сказать о том, что данная и достаточно четкая последовательность событий вовсе не означает, что невозможно выпадение какого-либо из элементов: они подвижны. Здесь этапы могут меняться местами или просто выпадать из общей структурной схемы.

Весь купальский обрядовый комплекс можно представить в виде схемы (рис. 3).

Данная схема представляет собой цепь последовательных событий, заключенных в некое целое, называемое «Праздником».

Все элементы этого целого объединены одним словом «праздник» и заключены в круг. Применение символа «круга» неслучайно. Он обозначает некое замкнутое пространство, внутри которого происходят известные события. Кроме того, это явление временной цикличности, годовой круг праздника.

Данные положения – структура обряда и сопроводительные элементы определяют некую стратегию обряда, следствием которой

является освобождение от грехов через очищение.

Таким образом, из всего вышеизложенного видно, что купальский обряд представляет собой некое организованное действие, имеющее свои закономерности и особые элементы, отличающиеся своей исконностью и самобытностью.

Другим моментом в технологическом процессе изучения обрядового комплекса является изучение **наименования данного праздника**. В связи с этим необходимо проследить все этимологические составляющие его. Обратиться не только к окончательному варианту названия, но и к первоначальному.

В данном случае название праздника, несмотря на многогранность названий, отождествляется с одним из значений слова Купала

и приравнивается по значению к слову «очищение». Кроме того, согласно этимологии слова «Купала» – это «день Ивана Купала, укр. купало, купайло, блр. Купала. От Иван Купала, собственно «Иоанн Креститель»; начиная с этого дня разрешалось купаться, т. к. согласно народному поверью, Иоанна Креститель в этот день прогонял из воды злых духов» [9, с. 419], т. е. очищал ее. А сходство в образах Купалы и Иоанна Крестителя говорит о наложении двух образов один на другой и подтверждает основное назначение праздника и его этимологию. Необходимо заметить также, что образ Купалы принадлежит к числу божеств, и отметить, что он не может и не имеет половой принадлежности.

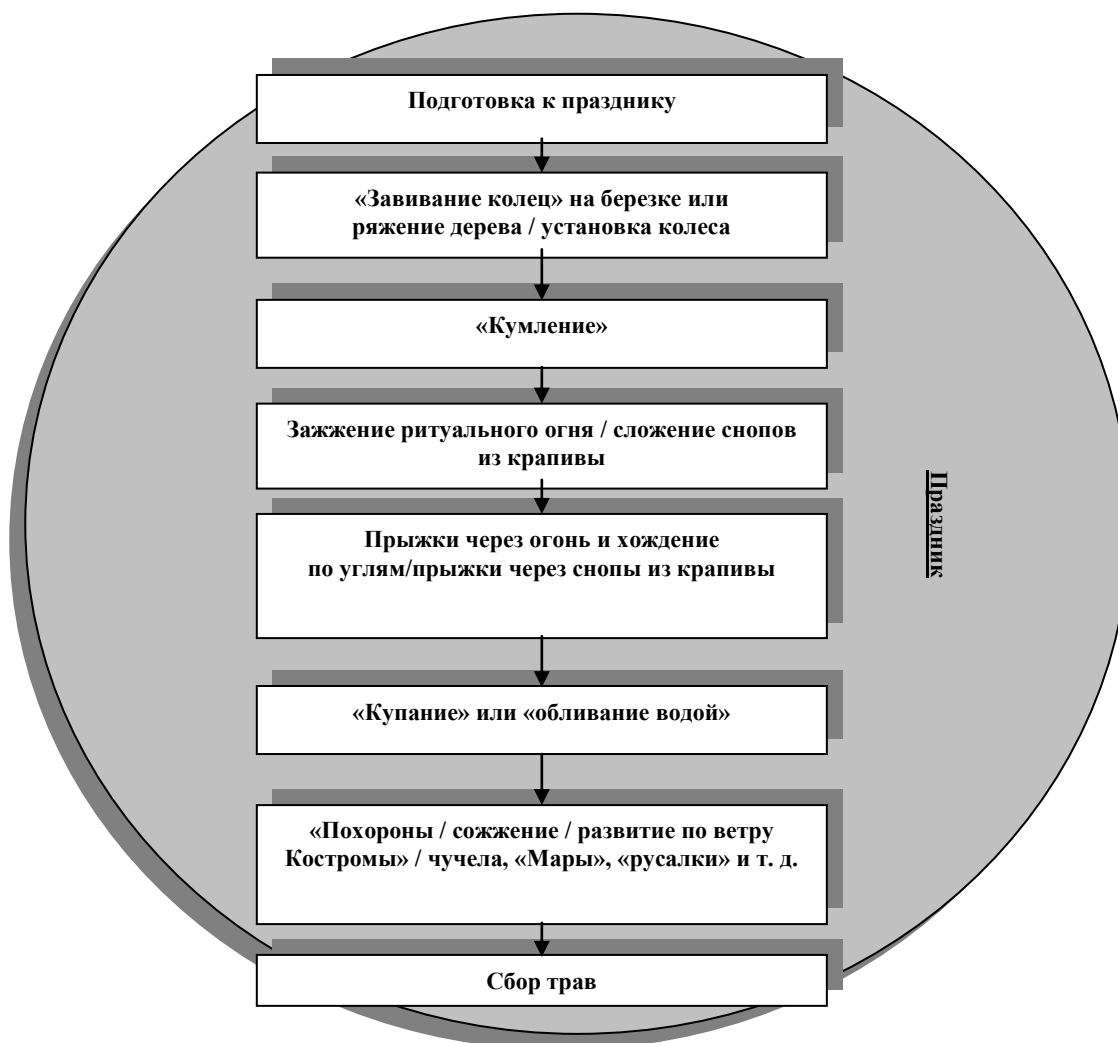

Рис. 3. Схема праздника

Согласно известным данным, мы можем представить наименование праздника по степени распространенности в виде схемы (рис. 4).

Таким образом, существует некая парадигма названий: Марена (Мара, Марена), Купала, Кострома – эти названия распространены на территории Тамбовской области. Ряд других или уже утрачен совсем и существует только в источниках, или же встречается довольно редко – Русалка, Смерть, Ярило, Горюн, Кострубонька, Иван-да-Марья.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, насколько многогранен и многозначен сам обряд, настолько и сам обряд видоизменен и сложен в своем толковании.

Обрядовая лексика, сопровождающая обряд, является следующим этапом в изучении обрядового комплекса. Она неоднородна с функциональной стороны, поскольку употребляется в различных речевых ситуациях и обладает различными функциями. С этой точки зрения возможно выделение собственно-номинативной, поэтической и магической обрядовой лексики. Собственно-номинативная обрядовая лексика называет обряд и его компоненты, в какой-то степени интерпрети-

рует их, функционируя как в обрядовых, так и в необрядовых ситуациях.

Лексика каждого обряда представляет собой наибольшую ценность в научном и социально-культурном отношении. Входя в общий корпус обрядовых знаков, лексика является объектом изучения лингвистики, что представляется особенно важным в эпоху возрождения национальных культурных ценностей.

Так, для обозначения травы, которая жжется, используемой в купальском обряде, «отмечаются следующие лексемы: ЖГУЧКА, ЖИМГУЧКА. КОСТРИКА, СТРЕКАВА, ЖИГАЛКА, КРАПИВА, КРАВИВА. Данные лексемы ярко свидетельствуют о наличии такого явления в говорах, как синонимическая дублетность, абсолютная синонимия, лексическая дублетность, лексико-семантическая вариативность» [3, с. 111].

В основу номинации положено действие, характеризующее это растение: «ЖГУЧКА, ЖИГАЛКА явно произошли от глагола «жечь» (отмечается диалектный глагол «жигать»)» (жечь что-либо на огне)» [10, т. 3, с. 261]. Слово КОСТРИКА этимологически связано со словом костер.

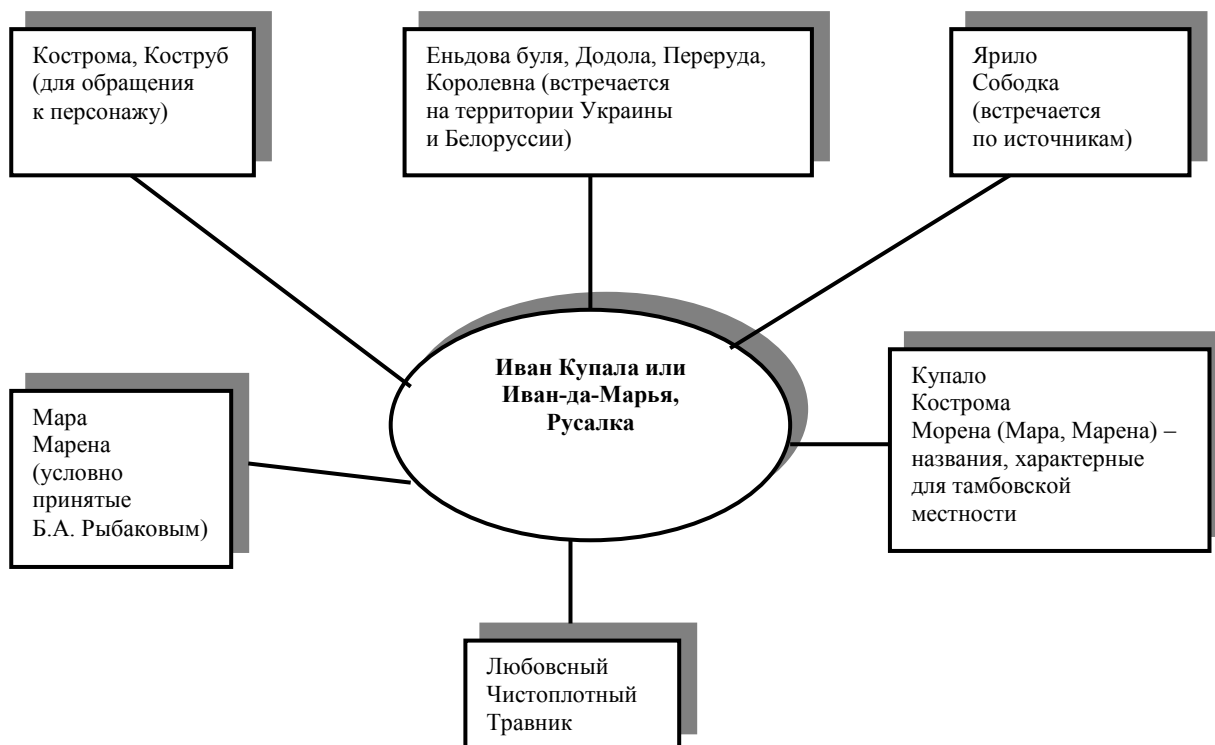

Рис. 4. Наименование праздника по степени распространенности

Ранним утром женщины «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «БУРАК», с которым и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болесть» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей.

Иногда черпают росу не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы.

Накануне Ивана дня некоторые женщины обязательно мыли у колодца или на реке «КВАШЕНКИ», «ДЕЖКИ» – кадушки, в которых приготавливают тесто для ржаного хлеба» [10, т. 5, с. 11].

Отмечаются особые наименования трав с затемненной и неясной номинацией и термины с постоянными определениями типа «дикий», «лесной». Растения, служащие предметом ритуального применения, как правило, не идентифицируются и не выделяются в особую группу, что, в принципе, вполне возможно. Иногда «ритуальные» растения сохраняют нейтральные наименования, совпадающие с литературным языком. Например, на Троицу пол устилали травой ЧЕБРЕЦ, иногда это же растение называли ЧАМБЕР. Диалектные названия сохраняются и сосуществуют с литературными. Из трав, собираемых в это время, следует отметить «плакун-траву», особая сила которой, по мнению сельских жителей, заключается в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа, владелец же этого корня будет внушать к себе страх. Трава чернобыльник, по народному поверью, охраняет двор и дом от порчи.

Таким образом, мы можем увидеть, что атрибутивная лексика купальского обряда, включающая в себя и наименование трав, и других сопроводительных элементов, является особым звеном в изучении обрядового комплекса, формирующим целостное представление о нем.

Текстовое оформление купальского обряда также необходимо рассмотреть с целью формирования целостного представления о самобытности обрядового комплекса, характеризующегося своей неповторимостью и эмоциональностью изложения информации.

Итак, технология изучения обрядового комплекса включает в себя следующие элементы:

- 1) модель, необходимую для более удобного прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки;
- 2) территориальные предпосылки, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда;
- 3) действующих персоналий обряда;
- 4) сопроводительные элементы и их изучение;
- 5) структуру обрядового комплекса, которая выстраивается в ходе детального изучения обряда;
- 6) наименование данного праздника, способствующее более четкому пониманию всех составляющих обряда;
- 7) обрядовую лексику, подтверждающую самобытность каждого обряда.

Таким образом, данная технология позволяет показать, как интересен, самобытен и эмоционален в своем исполнении каждый обрядовый комплекс. А данные, собранные в ходе подобного изучения, лишь подтверждают структуру и говорят о существовании данного обрядового комплекса (хоть и в сильно измененном виде).

Исследование каждого праздника способствует более полному представлению о быте, верованиях, неповторимости, самобытности фольклорного материала древнейших славян.

1. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древнейший период). М., 1965.
2. *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996.
3. *Никольская Т.М.* Структура, семантика и лексика Купальского обряда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
4. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 2013.
5. *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М., 2003.
6. *Никольская Т.М.* Семиотические аспекты купальского обряда // Аналитика культурологии. 2010. № 16.
7. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

8. *Пронн В.Я.* Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2006.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 2007. Т. 2.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2011.
1. *Ivanov V.V., Toporov V.N.* Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (Drevneyshiy period). М., 1965.
2. *Sumtsov N.F.* Simvolika slavyanskikh obryadov. М., 1996.
3. *Nicol'skaya T.M.* Struktura, semantika i leksika Kupal'skogo obryada: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2003.
4. *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan. М., 2013.
5. *Tolstoy N.I.* Ocherki slavyanskogo yazychestva. М., 2003.
6. *Nicol'skaya T.M.* Semioticheskie aspekty kupal'skogo obryada // Analitika kul'turologii. 2010. № 16.
7. *Veletskaya N.N.* Yazycheskaya simbolika slavyan-skikh arkhaiskikh ritualov. М., 1978.
8. *Propp V.Ya.* Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya. М., 2006.
9. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. М., 2007. Т. 2.
10. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. М., 2011.

Поступила в редакцию 20.10.2015 г.

UDC 008

TECHNOLOGY OF RITUAL COMPLEX STUDY (BASED ON THE EXAMPLE OF KUPALSKY RITE)

Tatyana Mikhaylovna NIKOLYSKAYA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Cultural Studies and Socio-Cultural Projects Department, e-mail: timnik2004@mail.ru

At the moment the spiritual culture of Russian people, which keeps the experience of many generations is studied. According to this the aim is development of technology of rite study, collection and classification of information based on the example of kupalsky rite. The stages of study of rite, the model of ritual complex convenient for reading and understanding of all structure of ritual complex and its semantic obligation are discussed. Besides, the ritual lexicon and the name of the holiday are reviewed. The study of attributive lexicon of rite assists to full representation of all study technolog. The semantic raw is added by territorial suppositions of which were dependent the characters in this rite and also accompanying elements and the structure and rite strategy. Thus, this technology helps to show how interesting, original and emotional every ritual process is. The data collected during this study prove the structure and tell about existence of this ritual complex. Thus, this technology may be used for studying every ritual complex that promotes the deeper understanding of way of life, beliefs, singularity, individuality of folklore material of ancient Slavs.

Key words: rite; study technology; spiritual culture; collection and classification of information.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81-119

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭССЕИСТИКИ (на материале идиолекта К.Г. Паустовского)

© Марина Викторовна ЕНЕВА

Тюменский государственный университет, г. Тюмень,
Российская Федерация, ассистент кафедры английского языка,
e-mail: enevamarina@gmail.com

Представлен анализ художественной эссеистики на материале индивидуального художественного стиля К.Г. Паустовского. Приведены определения эссе как самостоятельного жанра литературы. Также выделяются отличительные черты и характеристики данного жанра, которые заключаются в организации героя (носителя переживаний автора – в литературе) и организации живой личности (самопереживающей – в эссеистике). Рассмотрены особенности становления идиолекта писателя, прослеживаются основные этапы художественной эссеистики К.Г. Паустовского, где изменялось не только содержание очерков и статей, но и их литературный облик. «Сердцевиной» творчества К.Г. Паустовского является мысль о том, что знания позволяют глубже и точнее изображать действительность. Отмечено, что отход К.Г. Паустовского от «прямой» публицистики к художественной прозе объясняется его стремлением говорить о природе по-своему, что в большей степени соответствовало лирическому складу его таланта. Он писал только о том, что страстно и безоговорочно любил – родную землю и удивительных людей, проживающих на ней. Сделаны выводы, что творчество писателя не поддается традиционной классификации, и это свидетельствует о его уникальном идиостиле.

Ключевые слова: идиолект; эссе; индивидуальная художественная концептосфера; художественная публицистика.

Система концептов, находящихся во взаимосвязи в художественном произведении, составляет *индивидуальную художественную концептосферу* писателя, которая является основой его поэтического идиолекта. *Идиолект* рассматривается М.Н. Кожинной как синоним понятиям «идиостиль», «индивидуальный стиль» и определяется как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [1]. Художественная эссеистика является сплавом художественного и публицистического стилей. Ее основным жанром является эссе.

«Краткая литературная энциклопедия» определяет эссе как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, трактующее частную тему и представляющее попытку передать *индивидуальные впечатления и соображения*. Внося индивидуализирующие тенденции в различные жанры, сочетая аргументы и термины разных

дисциплин, эссе могут иметь *философский, историко-биографический, публицистический, литературно-критический и беллетристический характер*. Эссеистический стиль отличается *образностью, афористичностью и подчеркнутой субъективностью* [2].

Согласно «Большому энциклопедическому словарю Пьера Ларусса», «писатели часто называют эссе произведения, содержание, язык и композиция которых не позволяют отнести их к более определенному жанру. Под этим словом не следует подразумевать работу, написанную поверхностно, небрежно, а только сочинение, которое не дает сюжета во всех подробностях развития. Это название может быть и выражением скромности автора, который как бы говорит, что придать своему произведению всеобъемлющее содержание и совершенную форму он не считает себя способным» [3].

Данное определение выделяет три «признака» эссе: *отсутствие четкой формы, отсутствие сюжета и скромность автора*.

Упоминание о том, что содержание, язык и композиция эссе не сводимы ни к одному известному жанру, говорит о том, что перед нами действительно самостоятельный жанр с уникальными свойствами. Об этом же говорит и отсутствие сюжета: литературные «мерки» тут не подходят. Эссе, очевидно, строится по другому принципу [4].

«Седьмой новый коллегияльный словарь Вебстера» дает следующее определение эссе – «аналитическое или интерпретационное литературное произведение, в котором обычно дается неисчерпаемая или субъективная характеристика описываемого предмета». Эссе всегда субъективно, а «неисчерпаемую» характеристику, как и «краткость», компенсирует глубина проникновения в основной предмет. Эссе – это самоанализ. То есть главный «предмет» познания здесь – автор, и уже потом «описываемый» предмет [5].

Основное отличие эссеистики заключается в организации героя (носителя переживаний автора – в литературе) и организации живой личности (самопереживающей – в эссеистике). «Литературный» мир эссеиста – это его экзистенциальное, реальное жизненное внутреннее пространство, в котором существуют его чувства и сознание. Это «пространство», духовная структура, определяет его мироощущение и составляет чувственно-эмоциональную часть картины мира [4].

Художественная эссеистика К.Г. Паустовского пережила некоторые этапы – изменялось не только содержание его очерков и статей, но и их литературный облик. В 1920-е гг. в творчестве писателя преобладал репортерский элемент – статьи молодого журналиста были хроникальны и информативны. Для становления идиолекта писателя характерны следующие черты: взаимодействие метода (романтизма) и рода (лирического эпоса); «романтическая» и «лирическая» тенденции; черты реалистической поэтики в творчестве писателя 1940–1950-х гг. и переход к поэтике метапрозы в 1960-е гг. Рассказы К.Г. Паустовского смоделированы по принципу «творческого хронотопа» (М.М. Бахтин) – рассказа о себе самом, своем духовном «устройстве».

По мнению Е.В. Летохо, К.Г. Паустовский, структурируя картину современной ему жизни, использует принципы романтического и реалистического освоения дейст-

вительности [6, с. 11]. С.А. Мантрова на материале разножанровой прозы 1910–1940-х гг. показала эволюцию взглядов писателя на взаимоотношения человека и природы. Она выявила разные связи героя К.Г. Паустовского с природным миром: «Бегство в природу, преобразование природы, сотворчество и единение с ней» [7, с. 5].

Романтическое мировидение К.Г. Паустовского проявляется в его новеллистике в «романтической» и «лирической» тенденциях. Жанровая доминанта первой восходит к классической романтической новелле, основанной на принципе «поэтности» как метажанровом принципе романтизма. Жанровое ядро второй тенденции соотносено с лирическим рассказом. «Всепроникающий лиризм» является ярко выраженной чертой всей поэтики К.Г. Паустовского. Вместе с тем начинает утверждаться реалистическое мироотношение, выражающее себя в эпосе, где постепенно складывается социальное и историческое понимание мира и человека.

Для каждой жанровой тенденции К.Г. Паустовского характерна сложная эволюция. «*Лирическая*» тенденция достигает вершины своего развития в лирико-психологических рассказах военного времени «Снег» и «Дождливый рассвет», предопределяя в позднем творчестве подступы к поэтике метапрозы. Лирика, по мнению Б.О. Кормана [8, с. 380], есть «*открытый разговор о ценностях*» – именно в этом жанре с наибольшей полнотой раскрывается нормативная функция литературы, в отличие от эпоса, который реализует познавательную функцию.

Лирический сюжет сопровождается *оценочно-эмоциональной интонацией* автора, любующегося разными проявлениями жизненной полноты, воплощенной в *детях, животных, в природном мире средней полосы России*. Автор любит различными состояниями природы (*ночи, утра, жары, грозы*) – (*‘умение видеть по ночам свечение шиповника, похожее на мерцание белой ночи, и умение услышать воркотню старого пня в лесу’*) [9, с. 295]. Он «вживается» в нее, начинает ощущать ее родным, теплым, всегда ждущим домом [10, с. 10]. В лирическом сюжете притяжение людей друг к другу определяется схожестью их душевно-духовного свойства [10, с. 12].

«Романтическая» тенденция представляет собой результат увлечения писателем экзотикой и достигает высшего воплощения в романтических новеллах «Ручьи, где плещется форель» и «Старый повар». В новелле «Равнина под снегом» трансформируется принцип «поэчности», что обнаруживает себя своеобразным «двойничеством» автора и героя, превращением «повести о жизни» во внутренний монолог центрального персонажа и новой функцией цитатного плана. Зачастую речевые зоны автора и героя почти не разделены. В новелле намечается важный для писателя способ мировидения – *открытие прекрасного в обыденном* («драгоценная способность находить жемчуг в любой сточной канаве») [9, с. 394].

Одна из основных художественных черт К.Г. Паустовского – *романтическое мироощущение*, проявившееся в потребности конструировать идеал в надежде на торжество светлого начала в мире. Вместе с тем наблюдается *повышенное внимание к естественно-научным данным о природе*, что свидетельствует не только о широком кругозоре писателя, но и о его способности заострять внимание на деталях, тщательно их рассматривать и описывать в своих произведениях («Я растирал на ладони венчик чабреца и с наслаждением вдыхал его запах – сухой, целебный и южный») [9, с. 421].

Свойственная романтическим новеллам К.Г. Паустовского проблема: *человек и мироздание* превращается в цикле эссе в проблему: *человек и окружающий его природный мир*, изображенный реалистически точно, подробно, в самых разных своих проявлениях. Именно пейзаж предопределяет суть будущих открытий К.Г. Паустовского, о чем свидетельствует повесть «Мещерская сторона», где в полной мере найдут воплощение принципы воссоздания природного мира: в качестве основы человеческого бытия получит развитие концепция «природа-дом» [6, с. 10]. Пейзажем задаются общие контуры повествования, устанавливается тонкая связь между человеком и природой. Масштаб событий и героев, характер сюжета, общее настроение, ритмико-интонационная организация «вырастают» из пейзажных картин [10, с. 13] («В доме я ночью редко. Большинство ночей я провожу на озерах, а когда остаюсь дома, то ночью в старой беседке в глубине

сада. Она заросла диким виноградом. По утрам солнце бьет в нее сквозь пурпурную, лиловую, зеленую и лимонную листву, и мне всегда кажется, что я просыпаюсь внутри зажатой елки») [9, с. 153].

В романтических новеллах К.Г. Паустовского («Ручьи, где плещется форель», «Старый повар») можно выделить три «**лирических опорных пункта**» (Ю.В. Манн): *параллелизм автора и героев* (автор разделяет их «высокие чувства», возводит их в статус «примера»), *функциональная близость «повести жизни» как центрального сюжетного звена монологу-исповеди в романтической поэме*, и в «*цитатах*» [10, с. 8].

В произведениях, относящихся к позднему этапу творчества К.Г. Паустовского, персонаж-писатель появляется впервые в двухплановом повествовании, в котором сочетаются эпический и лирический план. Эпический план составляют «истории», а лирический – авторские отступления. Писатель-персонаж, наравне с героями произведения, замечает прекрасное, «в малом видит многое» – «благое потрясение», испытанное простым бакенщиком под воздействием гениальной игры С. Рихтера, сродни духовному озарению, переживаемому писателем в момент созерцания грозы.

Поздняя новеллистика К.Г. Паустовского, представляющая собой синтез предшествующих структур, явила собою «свободную» форму рассказа, где параллелизм автора и героя-художника трансформировался в фигуру *персонажа-писателя*, а «Повесть о жизни» превратилась в описание процесса сочинительства. «Цитирование» выступило в функции соотнесения создаваемого с уже созданным. Данная художественная стратегия в 1980-е гг. получила название метапрозы (Hatlen B. Borges and metafiction // Simply a man of letters. Panel discussion and papers from the proceedings of a symposium on J.L. Borges held at the University of Maine at Orono. 1982). *Метапроза* представляет собой род саморефлексивного повествования, литературное произведение, важнейшим предметом которого является сам процесс его разворачивания, исследование природы литературного текста [10].

Для поэтики метапрозы характерно «вольное» построение рассказа – писатель проговаривает этапы работы над произведе-

нием, вслух обдумывает переходы от сырого материала действительности к акту письма [10, с. 15]. Писатель неоднократно прибегает к поэтике ассоциаций. Например, ассоциативная «цепочка» появляется из описания деталей чужих краев, которые напомнили К.Г. Паустовскому о родном и знакомом. Так, каменная мельница А. Доде напоминает писателю воронежскую мельницу. Ею, в свою очередь, он «восполняет» пейзаж Ильинского омута [10, с. 16].

Таким образом, в новеллистике К.Г. Паустовского 1920–1960-х гг. ярко выражены две тесно связанных тенденции – «*лирическая*» (1920–1930-е гг.) и «*романтическая*». Ядром первой тенденции является лирический рассказ, а во главе второй стоит романтическая новелла. В художественную структуру последней включены аналитико-познавательный и субъективно-оценочный аспекты постижения мира и человека. Событийно-приключенческая линия отличается реалистической достоверностью в изображении людей и животных, научной точностью пейзажей. От подробного описания жизни, быта, природы средней полосы России автор ведет читателя к субъективно-окрашенному впечатлению о ней.

Для романтической новеллы характерен принцип «поэмности» с присущими ему признаками: *параллелизм автора и героя*, «*повестью о жизни*» и «*цитатностью*».

Для «свободной» формы рассказа характерны размышления К.Г. Паустовского о своей профессии («Золотая роза». М., 1955), где параллелизм автора и героя подменяются фигурой персонажа-писателя [10, с. 18].

Творчество К.Г. Паустовского сопротивляется любой классификации – он предпочитал не видеть существенной разницы между рассказом, очерком или даже статьей [11, с. 5]. Очерк для К.Г. Паустовского своего рода метажанр, в котором соединились художественная пластика, психологизм, словесная живопись и – наука [11, с. 8].

Мысль о том, что знания позволяют глубже и точнее изображать действительность, является «сердцевиной творчества К.Г. Паустовского» [11, с. 7]. Однако «груз знаний и сведений не утяжелял его произведений: они оставались легкими, изящными, исполненными грациозности и лиризма» [11, с. 8]. Публицистика – это пропаганда, и он

стремился сделать ее словесно богатой, непринужденной, эмоциональной и увлекательной [11, с. 10].

Особенности таланта К.Г. Паустовского, связанные с публицистикой, растворились в прозе и сделались неотъемлемыми приметам его индивидуального стиля. Очарование прозы писателя также вызвано ее ассоциативным характером, чему свидетельствует частое появление слова «кстати». У него не бывает простого – линейного – движения событий и мыслей. Однако кажущаяся нелогичность совершенно не сбивает с толку, а, наоборот, помогает чтению и пониманию прочитанного.

Другой отличительной чертой стиля К.Г. Паустовского является его проповедническое начало, что позволяет назвать его публицистом. Но – публицистом особого склада: поэтом, художником, лириком [11, с. 17]. Помимо пяти чувств, дарованных человеку природой, К.Г. Паустовскому было свойственно еще одно – удивление. Он не переставал поражаться красоте и неповторимости, непостижимости природного бытия [11, с. 13] («*и мы с восхищением и страхом увидели картину землетрясения*») [9, с. 260].

Рассказы К.Г. Паустовского смоделированы по принципу «творческого хронотопа» (М.М. Бахтин) – рассказа о себе самом, своем духовном «устройстве». Можно предположить, что отход К.Г. Паустовского от «прямой» публицистики к художественной прозе объясняется его стремлением говорить о природе по-своему, что в большей степени соответствовало лирическому складу его таланта. Он писал только о том, что страстно и безоговорочно любил – родную землю и удивительных людей, проживающих на ней.

1. *Кожина М.Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.
2. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М., 1962–1978.
3. Большой энциклопедический словарь Пьера Ларусса. URL: http://enc-dic.com/enc_big/Larussa-JEnciklopedii-31692.html (дата обращения: 07.09.2015).
4. *Дмитровский А.Л.* Эссе как жанр публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
5. Седьмой новый коллегиальный словарь Вебстера. URL: <http://enc-dic.com/modern/>

- Vebstera-slovari-14385.html (дата обращения: 07.09.2015).
6. *Летохо Е.В.* Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
 7. *Мантрова С.А.* Человек и природа в прозе К.Г. Паустовского 1910–1940-х гг. (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.
 8. *Корман Б.О.* Избранные труды: в 3 т. Ижевск, 2006. Т. 1. Теория литературы.
 9. *Паустовский К.Г.* Повести. Рассказы. Сказки. М., 1967.
 10. *Сухорукова Ю.А.* Эволюция романтических принципов в новеллистике К.Г. Паустовского 1920–1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.
 11. *Паустовский К.Г.* Муза дальних странствий. М., 1988.
-
1. *Kozhina M.N.* Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka. M., 2003.
 2. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 t.* M., 1962–1978.
 3. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' P'era Larussa.* URL: http://enc-dic.com/enc_big/Larussa-JEnciklopedii-31692.html (data obrashcheniya: 07.09.2015).
 4. *Dmitrovskiy A.L.* Esse kak zhanr publitsistiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2002.
 5. *Sed'moy novyy kollegial'nyy slovar' Vebstera.* URL: <http://enc-dic.com/modern/Vebstera-slovari-14385.html> (data obrashcheniya: 07.09.2015).
 6. *Letokho E.V.* Khudozhestvennyy mir maloy prozy K.G. Paustovskogo 1940–1960-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010.
 7. *Mantrova S.A.* Chelovek i priroda v proze K.G. Paustovskogo 1910–1940-kh gg. (tipologiya geroya, spetsifika konflikta, problema tvorcheskoy evolyutsii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2011.
 8. *Korman B.O.* Izbrannye trudy: v 3 t. Izhevsk, 2006. T. 1. Teoriya literatury.
 9. *Paustovskiy K.G.* Povesti. Rasskazy. Skazki. M., 1967.
 10. *Sukhorukova Yu.A.* Evolyutsiya romanticheskikh printsipov v novellistike K.G. Paustovskogo 1920–1960-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2012.
 11. *Paustovskiy K.G.* Muza dal'nikh stranstviy. M., 1988.

Поступила в редакцию 3.09.2015 г.

UDC 81-119

PECULIARITIES OF ESSAY GENRE IN FICTION (BASED ON K.G. PAUSTOVSKY'S IDIOLECT)

Marina Viktorovna ENEVA, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, Assistant of English Language Department, e-mail: enevamarina@gmail.com

An analysis of essay genre based on K.G. Paustovsky's individual literary style is presented. Some basic definitions of an essay as an independent literary genre are given. In addition, some of the peculiarities and features of this genre, which are in organization of the character (the bearer of author's sufferings – in literature) and organization of live personality (self-suffering – in the genre of essay) are presented. The peculiarities of the author's idiolect are revealed, the primary stages of Paustovsky's essay writing are traced. There was changed not only the content of outlines and articles, but their literal aspect. The "Core" of K.G. Paustovsky's creative work was the thought that knowledge let picture the reality deeper and more accurately. It is marked, that K.G. Paustovsky's decline from "right" publicism into the artistic prose is explained by his aim to tell about the nature in his own manner that was more appropriate for his lyrical talent. He wrote only about things that he loved with passion – native land and amazing people, living on it. The results of this study show that Paustovsky's works do not fall into any particular genre category which proves the author's unique literary style.

Key words: idiolect; essay; individual scope of concepts; literary publicistics.

АКТУАЛИЗАЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО

© Луиза Равшановна СИДОРКОВА

Бухарский государственный университет, г. Бухара,
Республика Узбекистан, доцент кафедры русского языка
и литературы, e-mail: tsu.ndu@yandex.ru

Изучена специфика функционирования стилистически маркированных фразеологических единиц в творчестве В.С. Высоцкого. Идиостиль В.С. Высоцкого характеризуется употреблением устойчивых воспроизводимых сочетаний – фразеологических оборотов, афоризмов, крылатых выражений, цитат и т. д. Стилистически маркированные фразеологические единицы рассматриваются как одно из средств, способствующих увеличению информативной емкости образного контекста. В.С. Высоцкий использует фразеологические единицы как в общеязыковом, так и в трансформированном виде. Фразеологические единицы, используемые в творчестве В.С. Высоцкого, можно разделить на три группы: межстилевые, разговорно-бытовые и книжные. Данные единицы характеризуются разной стилистической направленностью и функциями. Отдельные фразеологические единицы используются для характеристики персонажей, книжная фразеология используется поэтом как средство комического. Разговорная лексика в произведениях В.С. Высоцкого представлена разговорно-литературными и разговорно-просторечными фразеологическими единицами, которые характеризуются отсутствием либо небольшим оттенком грубости. Среди фразеологизмов разговорного характера доминирующее положение в речи автора занимают разговорно-литературные обороты, которые не нарушают норм литературной речи. Особое место в творчестве поэта занимает фразеология, которая относится к профессиональной деятельности людей в таких сферах, как спорт, авиация, мореходство и др.

Ключевые слова: фразеология; фразеологическая единица (ФЕ); идиостиль; коннотация; экспрессивно-стилистическая точка зрения; нейтральный; межстилевой; разговорный; книжный; разговорно-литературный; разговорно-просторечный; вульгарно-просторечный; экспрессивность; эклектика.

Среди существенных текстообразующих признаков фразеологических оборотов помимо номинативности особо выделяются их образность, эмоциональная выразительность, экспрессивность и оценочный характер. Наиболее ярко отмеченные свойства фразеологизмов видны в произведениях художественной литературы. В умелых руках художников слова фразеологические единицы (ФЕ) становятся одним из наиболее действенных языковых средств создания художественных образов, колоритной авторской речи, обрисовки речевого портрета героя.

Творческое употребление устойчивых воспроизводимых сочетаний очень характерно для идиостиля В.С. Высоцкого [1]. Фразеологические обороты, афоризмы, крылатые выражения, цитаты и т. п. переполняют тексты его произведений. Этим в значительной мере объясняется точность и меткость языка поэта, его близость к народной разговорной речи.

ФЕ, используемые В.С. Высоцким как в общеязыковом, так и в трансформированном виде, характеризуются разной стилистической направленностью и функциями. Со-

гласно принятой классификации с точки зрения экспрессивно-стилистической их можно разделить на три большие группы: межстилевые, разговорно-бытовые и книжные.

1. Межстилевые фразеологические обороты не несут в себе никакой оценки, они стилистически и эмоционально нейтральны. Например: *мертвая петля, женский пол, полярный день* и т. п. Однако В.С. Высоцкому удается придать контекстуальную экспрессивность даже многим нейтральным ФЕ.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова фразеологический оборот *мертвая петля* не представлен. В «Словаре русского языка» дано следующее толкование этого оборота: «фигура высшего пилотажа – полет по замкнутой кривой в вертикальной плоскости» [2]. У В.С. Высоцкого:

Меня в заблуждение он ввел и в пике
Прямо из **мертвой петли**.

Смерть истребителя

В данном контексте автор последовательно соединяет наименования двух фигур

высшего пилотажа – *пике и мертвую петлю*, подчеркивая смертельную опасность, в которую попали его герои. Поэтому за счет текстового углубления семных составляющих ФЕ представленный межстилевой оборот становится экспрессивным.

Фразеологическому обороту *женский пол* дано следующее толкование: «женщины» [2]. У В.С. Высоцкого:

С **женским полом** шутки плохи,
А с натертым хороши.

Песенка полотера

Каламбурное сближение омонимов *женский пол* и *натертый пол* создает смысловую двуслойность фразы, ее иронический подтекст и, соответственно, особую выразительность.

Оборот *полярный день* является фразеологическим термином, означающим «период, когда солнце не заходит за горизонт дольше суток». В стихотворении В.С. Высоцкого «Белое безмолвие» читаем:

И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный **полярный день**.

Белое безмолвие

Выражение *полярный день*, имплицитно антонимизируясь в тексте с выражением *полярная ночь* и включаясь в ряд оппозиций с общими семами «белое – черное» (*белое – снег, лед, чайки; черное – земля, грязь, воронье*), получает мелиоративную коннотацию и особую идейно-эстетическую нагрузку.

2. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера несут в себе разную степень сниженности, что позволяет в составе данной группы выделить разговорно-литературные, разговорно-просторечные и вульгарно-просторечные ФЕ с разными оттенками экспрессивно-стилистической окраски (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.). Например:

Сережа, держись. **Нам не светит** с тобою,
Но козыри не равнять!

Их восемь, нас – двое

Фразеологизм *не светит* имеет значение «ничто не предвещает удачи, везения в чем-либо» и разговорно-просторечную окраску. По определению Ю.А. Гвоздарева, такого рода фразеологизмы имеют образный харак-

тер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты, «при их помощи писатель добивается яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения» [3, с. 40]. В.С. Высоцкий – как актер, так и поэт – постоянно надевает на себя какие-то маски, маски героев, которых он изображает. Поэтому в его поэтическую речь может проникнуть слово любой эмоциональной окрашенности, любой сферы употребления.

Из разговорной лексики в произведениях поэта наиболее часто встречаются разговорно-литературные и разговорно-просторечные ФЕ, которые характеризуются, соответственно, отсутствием грубости или небольшим оттенком грубости. Иногда в одном сравнительно небольшом тексте попадает сразу несколько фразеологических оборотов такого типа:

И микрофону я **не по нутру**.
Да, голос мой любому опостылеет...
Ему плевать, что **не в ударе** я,
Но пусть, я честно выпеваю ноты...
Ведь если я **душою покривлю**,
Он ни за что не выправит кривую.

Песня певца у микрофона

Обороты *не по нутру*, *не в ударе*, *душою покривлю* имеют разговорно-литературный характер, *ему плевать* – разговорно-просторечный.

Фразеологизмы разговорно-бытового характера встречаются как в речи автора, так и его персонажей, которая иногда раздается в виде отдельных реплик героев или их диалогов. В.С. Высоцкий делает фразеологические обороты одним из средств языково-стилистической характеристики.

Однако при этом можно отметить и существенную разницу в употреблении фразеологизмов разговорно-бытового характера в речи автора и героев. Доминирующее положение среди фразеологизмов разговорного характера в авторской речи занимают разговорно-литературные обороты, не нарушающие норм литературной речи. Они позволяют автору решить одновременно две художественные задачи: приблизиться по манере изложения к своим простым героям из народа и не нарушить при этом эстетических канонов. Например:

Ты сам, хотя танцуешь **с горем пополам**,
 Давно решился пригласить ее одну...
Белый вальс;
 Даже **мурашки ползут** по спине,
 Если представить, что может случиться.
Клич глашатаев

Речь многих героев стихотворений менее сдержанна. Наряду с разговорно-литературными фразеологическими оборотами в ней могут встретиться и разговорно-просторечные, имеющие грубовато-сниженный стилистический оттенок. Такова, например, речь попугая из «Песни попугая»:

И просто **кондрашкахватила** пашу,
 Когда он узнал, что еще я пишу,
 Читаю, пою и пляшу.

Обычно это отмечается, когда автор описывает конфликтные случаи и хочет передать таким образом накал страстей. В стихотворении «Я все вопросы освещу сполна» В.С. Высоцкий описывает свои отношения с репортерами. Назойливость журналистов желтой прессы, переходящая иногда все грани дозволенного в вопросах интимного характера (жена, любовница, Париж, измена и т. п.), не может сравниться с их подозрительностью касательно возможного подтекста стихотворений. И тут поэт взрывается:

Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет, не суетись!

Для В.С. Высоцкого нет ничего дороже правды – в жизни, в искусстве, в любви, в отношениях с людьми. Поэт предельно честен со своим читателем и потому не терпит в этом отношении никаких домыслов. Просторечная резкость фразеологизма подчеркивает на фоне относительно нейтрального тона всей лексики стихотворения эту непримиримую позицию.

Особое место в творчестве В.С. Высоцкого занимает разговорная фразеология, относящаяся к профессиональной деятельности людей. Морякам, летчикам, шахтерам, спортсменам и многим другим поэт посвятил ряд стихотворений, в которых отразилась профессиональная лексика и фразеология. Интересно в этом плане стихотворение «Вратарь», посвященное легендарному вратарю московского «Динамо» Л.И. Яшину:

Бьет десятый, дело в том,
 Что своим **«Сухим листом»**
Размочить он может **счет** нулевой...
 Вот летит девятый номер с **пушечным ударом**,
 Репортер бормочет: «Слушай, дай ему
 забить...»

Фразеологизм *сухой лист* означает «навесной удар», *размочить счет* – «забить гол при нулевом счете команды», *пушечный удар* – «сильный прямой удар мячом издалека». Однако данные обороты не зарегистрированы во фразеологических словарях, т. к. имеют специальный и одновременно разговорно-просторечный характер. Автору необходима такого рода фразеология в тексте: она как нельзя лучше маркирует и скрепляет его композиционно-тематическую целостность, подчеркивает близость автора к любителям футбола.

В некоторых случаях в поэзии В.С. Высоцкого встречается и грубо-просторечная фразеология:

Пусть нам лешие попляшут, попоют,
 А не то я, **матерь вашу**, всех сгною!
 (В заповедных и дремучих)

Однако такого рода вкрапления не умаляют художественных достоинств произведений В.С. Высоцкого, т. к. они очень редки, а их использование мотивировано сюжетной линией и общим направлением эволюции персонажа.

3. Фразеологизмы книжного характера употребляются обычно в научных и публицистических произведениях, а также в художественной литературе. Они отличаются своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, поэтичности и т. д.). Например, в творчестве В.С. Высоцкого большое место занимает тема войны с фашизмом. Он с великим трепетом и почтением относится к подвигу народа в этой войне, отсюда и особый лиризм, драматичность, строгость, и высокая лексика с фразеологией. Например, в стихотворении «На братских могилах», где само название включает книжный фразеологический оборот:

К ним кто-то приносит букеты цветов
 И **вечный огонь** зажигает.

Большое значение поэт придает теме любви и верности. Любовь для него страсть и долг, нетерпение и святость. Он воспекает лебединую верность в «Балладе о коротком счастье». Здесь много высокой книжной лексики и словосочетаний: *вспари, трепетная синь, божьи склоны, крылатым ангелам сродни, счастлив миг единый* и т. п. В гармонии с такой лексикой и фразеологией:

Куда под силу лебедям
Высокого полета...
Так пелся этот вечный стих,
В пик лебединой песни их...
Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.

Книжная фразеология может служить поэту и как средство комического. Такой эффект возникает при эклектическом соединении в пределах небольшого контекста языковых средств разной экспрессивно-стилистической окраски:

И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах.
Кто без страха и упрека,
Тот всегда не при деньгах.
Баллада о вольных стрелках

В данном четверостишии книжный оборот (*рыцарь без страха и упрека*) соседствует с разговорным *не при деньгах*, что придает тексту ироническую коннотацию.

Комическое заключено и в стихотворении «Баллада о бане», где ирония просвечивает уже в самом названии. Баня – удовольствие для русского человека, а вода – священная стихия еще с языческих времен. Но

это не повод для использования высокой лексики и фразеологии в описании места для купания. Отсюда своего рода ерничанье – использование высоких слов и ФЕ в изображении того, что не нуждается в возвеличивании:

Дай им бог совершить омовенье,
Окунаясь в святая святых!

Подобное эклектичное смешение разнородных по стилистической окраске языковых средств (как лексических, так и фразеологических), называемое приемом стилевого контраста, способствует созданию комического эффекта.

Таким образом, активное использование В.С. Высоцким большого экспрессивно-стилистического потенциала фразеологического фонда национального языка в немалой степени способствует увеличению информативной емкости образного контекста.

1. *Высоцкий В.С.* Собрание сочинений: в 2 т. / под ред. А.Е. Крылова. Екатеринбург, 1997.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1996.
3. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования. Ростов н/Д, 1977.

1. *Vysotskiy V.S.* Sbranie sochineniy: v 2 t. / pod red. A.E. Krylova. Ekaterinburg, 1997.
2. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M., 1996.
3. *Gvozdarov Yu.A.* Osnovy russkogo frazobrazovaniya. Rostov n/D, 1977.

Поступила в редакцию 16.10.2015 г.

UDC 81'38

ACTUALIZATION OF STYLISTICALLY CHARGED OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POETRY OF V.S. VYSOTSKY

Luiza Ravshanovna SIDORKOVA. The University of Bukhara, Bukhara, Republic of Uzbekistan, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, e-mail: tsu.ndu@yandex.ru

It is devoted to studies of the specifics of stylistically marked phraseological units functioning in the works by V.S. Vysotsky. V.S. Vysotsky's idiosyncrasy is characterized by the use of stable reproducible combinations – set phrases, aphorisms, sayings, quotations, etc. Stylistically marked phraseological units are considered as means of increasing in informative capacity of figurative context. V.S. Vysotsky used phraseological units in general linguistic and in modified forms. Phraseological units used in the works by V.S. Vysotsky, can be divided into three groups: inter-stylistic, conversational and bookish. These units are characterized by different stylistic directions and functions. Some phraseological units are used to describe the characters. Book phraseology is used for a comic effect. Conversation vocabulary is presented in the works by V.S. Vysotsky by colloquial literary and colloquial vernacular phraseological units, which are characterized by the absence or slight tinge of rudeness. Among the colloquial character of phraseology literary conversational units are dominant, but they do not violate the norms of literary language. A special place in the author's poetry takes the phraseology, which refers to the professional activities of people in such areas as sports, aviation, navigation and others.

Key words: phraseology; phraseological unit (PU); idiosyncrasy; connotations; expressive and stylistic point of view; neutral; inter-style; spoken; bookish; spoken-literary; colloquial vernacular; vulgar vernacular; expressive; eclectic.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 792.027

ИСТОКИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ РЕЖИССУРЫ Ю.А. ЗАВАДСКОГО

© Валентина Александровна САЗОНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат искусствоведения,
профессор, заслуженный работник культуры РФ, научный консультант
специальности «актерское искусство», e-mail: iscusstvo_tgy@mail.ru

Юрий Александрович Завадский – один из крупнейших режиссеров XX в. Уникальность эстетических принципов его режиссуры в том, что истоками их является творчество выдающихся мастеров режиссуры и театральной педагогики: Е.Б. Вахтангова, К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда. Каждый из них оказал огромное влияние на формирование творческой индивидуальности режиссера. Мансуровская студия под руководством Е.Б. Вахтангова научила его этике, пониманию студийности как важного и главного принципа воспитания коллектива, импровизационности в актерской работе, яркой театральности. Уроки К.С. Станиславского привили вкус к глубокой психологической разработке характеров персонажей, нетерпимость к банальности, штампам, к постижению стиля автора и художественных приемов драматургии. Влияние В.Э. Мейерхольда сказалось на стремлении к экспериментам, к использованию в режиссуре принципов народного площадного театра. Лабораторией поисков собственного пути в искусстве стала созданная им студия под руководством Ю.А. Завадского. Более 50 лет Ю.А. Завадский руководил Театром им. Моссовета, воспитав блистательную плеяду актеров: В. Марецкую, Р. Плятта, Н. Мордвинова, Г. Жженова, К. Михайлова, М. Терехову, В. Талызину и др. В его театре работали несравненная Ф. Раневская, Л. Орлова и И. Анисимова-Вульф. Важнейшие принципы режиссуры Ю.А. Завадского: гражданственность, художественность, народность, студийность. С этих позиций он выстраивал репертуар театра, воспитывал единомышленников. Ю.А. Завадский понимал театр как главное дело своей жизни, средство духовного и нравственного воспитания народа. С 1939 г. и до конца своей жизни он был профессором кафедры режиссуры ГИТИСа. Его педагогические уроки неповторимы, своеобразны по методике.

Ключевые слова: Е.Б. Вахтангов; студийность; импровизация; уроки К.С. Станиславского; система К.С. Станиславского; В.Э. Мейерхольд; Театр им. Моссовета; режиссура.

12 июля 2014 года исполнилось 120 лет со дня рождения одного из крупнейших режиссеров и театральных педагогов XX в., народного артиста СССР, главного режиссера Театра им. Моссовета, профессора ГИТИСа Юрия Александровича Завадского.

Выросли новые поколения, никогда не видевшие режиссера и не слышавшие о нем. Ю.А. Завадский жив не только для нас, его многочисленных учеников, но он служит образцом бескорыстной преданности театру, искателем правды, красоты, требовательности художника-мастера для всех, кто посвятил свою жизнь искусству театра.

Родился Юрий Александрович 12 июля 1894 г. в Москве. Его отец, Александр Францевич, обладал прекрасным голосом – басом –

и получил приглашение в Большой театр дебютировать в партиях Руслана и Гремина. Но отказался, боясь потерять работу. Он дослужился до чина коллежского асессора, получил дворянство. Мать, Евгения Иосифовна, училась в драматическом классе филармонии у известного артиста И.П. Куманцрайской, но от карьеры актрисы отказалась, рано вышла замуж и занялась воспитанием детей. Однако любовь к театру на долгие годы осталась в семье. Вместе с сестрой мать организовала любительский драматический кружок, который был популярен среди интеллигенции в Москве. В доме Завадских проводились традиционные музыкальные вечера, на которых играла мать Ю.А. Завадского, ее сестра, великолепная пианистка, пел отец. С

детства Юрий Александрович воспитывался в атмосфере творчества, искусства. Бабушка, бывшая балерина, часто водила детей в Большой театр, где маленький Юрий слушал А.В. Нежданову, Л.В. Собинова, Ф.И. Шаляпина, видел в балете Е.В. Гельцер, В.Д. Тихомирова.

Учился Ю.А. Завадский в одной из лучших московских гимназий Медведниковых, в то время являвшейся одним из самых прогрессивных учебных заведений. В гимназии превосходно преподавали литературу, рисование, иностранные языки. Преподаватель по литературе В. Дунаев организовал кружок «Старинный русский театр». Первые актерские шаги Ю.А. Завадский сделал на гимназической сцене, где сыграл одного из отроков в народной драме XVII в. «Три отрока в печи не сожженные», Подщипу в комедии И.А. Крылова «Триумф», в «Царе Максимилиане» – Адольфа.

По окончании гимназии Ю.А. Завадский поступил на юридический факультет Московского университета и одновременно посещал школу живописи С.Ю. Жуковского по классу рисования у Халявина, затем перешел в школу одного из учеников В.А. Серова – П.И. Келина. Успехи в рисовании были значительны, и он считал, что живопись – его призвание. В школах живописи он познакомился с В.В. Маяковским, который любил читать стихи А.С. Пушкина, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта. Его друг по университету, впоследствии известный поэт, драматург, публицист П. Антокольский был учеником Мансуровской студии, которой руководил Е.Б. Вахтангов.

Ю.А. Завадский знал Е.Б. Вахтангова по драматическому Михайловскому кружку, в который его приглашали ставить спектакли. Именно у себя дома он впервые встретил Е.Б. Вахтангова на вечеринке драматического кружка. Душой компании был Е.Б. Вахтангов: он то садился за пианино и начинал «бренчать, напевая пустую французскую песенку, дурил, паясничал, озорничал. А глаза его, сразу поразившие меня, большие прозрачные глаза, в тот вечер цвета морской волны, все время смеялись – вместе со всеми и надо всем», – вспоминал Ю.А. Завадский [1, с. 174].

Е.Б. Вахтангов пригласил способного студента в свою студию, и это изменило всю

творческую жизнь Юрия Александровича, открыв для него новое серьезное увлечение – театр.

Е.Б. Вахтангов был убежден, что театр должен быть праздником чувств, вызываемых у зрителя, без этого нет подлинного театра. Мансуровская студия, уроки Е.Б. Вахтангова стали первым театральным университетом для будущего режиссера. Ю.А. Завадский воспринял от своего учителя стремление к совершенству, к глубокому постижению жизни, к поиску яркой театральной формы, веру в творческие созидательные силы народа. Именно с Е.Б. Вахтанговым началась для Ю.А. Завадского осмысленная жизнь в искусстве. «Его трезвый, аналитический, язвительный ум, его великолепная зоркость и умение подмечать всякую фальшь, рисовку освобождали нас от театральных и житейских штампов. Он прививал нам важнейшие профессиональные навыки, которые, с его точки зрения, начинались с развития в человеке зоркости и слуха. Он помогал ощутить себя во власти стихии актерского воображения, не забывая при этом контролировать и приучая к самоконтролю нас самих», – писал Ю.А. Завадский [1, с. 209].

Е.Б. Вахтангов стремился воспитать в своих учениках высочайшее духовное напряжение при полной физической свободе, приучал к яростной самоотдаче в творчестве. Цель свою он видел в том, чтобы созидать новую жизнь средствами искусства. Творчество он понимал как совершенствование, преобразование своего духовного мира и мира окружающего [2].

Всего пять спектаклей поставил Е.Б. Вахтангов: «Эрик XIV» Ю.А. Стринберга в Первой студии МХТ, «Свадьбу» А.П. Чехова, «Чудо святого Антония» М. Метерлинка, «Принцессу Турандот» К. Гоцци в Третьей студии МХТ, «Гадибук» в студии «Габима» – и все они оставили заметный след в истории отечественного театра.

Каждый спектакль Е.Б. Вахтангова был настоящей школой режиссуры и актерского мастерства. Две его абсолютно разные постановки спектакля «Чудо святого Антония» М. Метерлинка многому научили молодого Ю.А. Завадского. Он понял, что решение спектакля должно соответствовать времени, а жизненная правда должна сочетаться с определенной социальной оценкой образа,

только тогда спектакль будет иметь огромное воспитательное, художественное значение. В исполнении Ю.А. Завадского святой Антоний был апостолом добра, чистоты в мире мелочных и эгоистичных обывателей, мещан. Во втором варианте «Чуда святого Антония» яростный сатирический гнев и ясно оптимистический взгляд на жизнь тесно переплелись с трагическими мотивами стихийности, раздумьями о прошлом, требовали соответствующего этому спектаклю яркого театрального выражения. Главным уроком этого спектакля Ю.А. Завадский считал сценическую выразительность, мастерство режиссера. В идейной яркости, эмоциональной щедрости, театральности, импровизационности в сочетании с внутренней и внешней техникой видел Ю.А. Завадский смысл «Принцессы Турандот» – «лебединой песни» своего учителя. «В моей памяти, – писал он, – вахтанговская «Турандот» осталась примером самой удивительной «школы вокруг спектакля», образцом того, как можно научить молодого неопытного еще актера мастерству, как вселить в него жажду технического совершенства, страсть к преодолению своего физического материала, жажду власти над своей мыслью, голосом и телом» [1, с. 201]. «Принцесса Турандот» осталась для него образцом самостоятельного осмысления и применения системы К.С. Станиславского, в котором «технологическая отточенность характеров персонажей» сочеталась «с искусством исполнителей», «правда чувств и осмысленность действия» – с «театральной условностью» [1, с. 206]. С Е.Б. Вахтанговым он изучал природу актерского искусства, проверял систему К.С. Станиславского на практике [2].

Е.Б. Вахтангов организовал вокруг спектакля мастерскую по выработке настоящей итальянской выразительности, чтобы хорошо подготовить актера-импровизатора. По свидетельству Юрия Александровича – исполнителя роли Калафа – режиссер добивался от него «тройной жизни». Ю.А. Завадский ощущал себя итальянским актером, который с увлечением пользуется своим мастерством для создания образа принца. Как итальянский актер, он прекрасно осознавал всю наивность и комизм положения его героя; как исполнитель передавал всю ходульность игры итальянского актера, ощущая его услов-

ность. «Так возникал своеобразный стиль актерского исполнения, – например, эти паузы, во время которых я как бы выключался из событий пьесы, но продолжал вести непрерывную линию своего существования как итальянского актера, одновременно отсутствуя в спектакле и присутствуя в нем как участник «игры в театр». Отсюда же ироничное обыгрывание веками выработанной техники изображения благородного лирического героя, отмеченного печатью некоего трагизма», – вспоминал Ю.А. Завадский [1, с. 201]. Актер пользовался подчеркнуто широким жестом и контрастными фиоритурами при произнесении фразы: «Иль Турандот, или смерть!»; тренировался в скороговорке.

Разбуженная мастером фантазия исполнителей в сочетании с выработанной великолепной внешней техникой, обостренное ощущение современности обеспечили потрясающий успех спектакля.

Ю.А. Завадский был солидарен с Е.Б. Вахтанговым в понимании студийности как верного пути к театру, основанному на единстве принципов коллективизма и профессиональных навыков, высоких духовных целей и технического мастерства. Студийность понималась им как идея творческого содружества индивидуальностей разных, но в равной степени преданных искусству, непрерывному творческому совершенствованию. Суть студийности для него состояла в слиянии творческой дисциплины и единомыслия членов театрального коллектива, где объединяющим началом является работа над спектаклем, а труд – главным мерилом человеческих взаимоотношений. Огромный след в творческой жизни Ю.А. Завадского оставила требовательность учителя, жестокость и непримиримость его к фальши, пошлости и лицемерию [3].

Идейно-нравственные уроки Е.Б. Вахтангова стали важными ценностными ориентирами в театральной педагогике Ю.А. Завадского. На всю жизнь в его сознание вошли слова Е.Б. Вахтангова, адресованные ученикам студенческой студии: «Если бы вы знали, как вы богаты!.. каким счастьем жизни вы владеете. И если б вы знали, как вы расточительны... Всегда так: ценишь тогда, когда теряешь... Вы молоды и потому не считаете дней... Подумайте, чем наполняете вы тот час, в который вы не бываете вместе,

хотя и условились именно в этот час сходить для радостей, сходить для того, чтобы почувствовать себя объединенными в одном, общем для всех стремлений, осуществленном стремлении» [4, с. 6]. В письме к своим ученикам Е.Б. Вахтангов предостерегал их от бездумного отношения к прожитой жизни, от расточительства времени, неумения выделять главное, призывая лучшие часы земного существования отдавать любимому делу – театру. Уроки этики, полученные Ю.А. Завадским от своего учителя, научили его любви к труду, помогали быть честным и требовательным к своему искусству и к себе, твердо определили путь в жизни и искусстве, легли в основу его педагогических принципов [5].

После смерти Е.Б. Вахтангова Ю.А. Завадский возглавил студию МХТ, поставил «Женитьбу» Н.В. Гоголя, но спектакль провалился. Неудача режиссерская совпала с кризисом в студии, и Ю.А. Завадский, приняв приглашение К.С. Станиславского, переходит в МХТ.

Большое значение в формировании личности Ю.А. Завадского как режиссера и театрального педагога имели последовавшие за школой Е.Б. Вахтангова годы тесного творческого общения с К.С. Станиславским. Они определили обращение Ю.А. Завадского к анализу душевной жизни человека, дали понять, что театр способен решать общественные, философские проблемы. На его глазах происходило рождение системы К.С. Станиславского [6; 7]. Ю.А. Завадский понял ее непреходящее значение для будущего театра и принял как руководство во всей своей дальнейшей работе. Он показал ценность системы как метода работы над ролью, утверждая, что она должна стать основой совершенствования будущего театра.

«Смысл системы не в запретительстве, а в указании пути, идя которым можно раскрыть великие духовные возможности человека, высвободить и направить на высокие цели неисчерпаемые творческие силы художника. Система помогает органическому, естественному творческому процессу, непосредственному и новому восприятию действительности, выявлению замысла художника» [1, с. 22]. Зерно системы Ю.А. Завадский видел в единстве искусства и жизни, связывая его с проблемой перевоплощения актера

в образ. Создание образа он понимал как процесс глубокого проникновения в предлагаемые обстоятельства пьесы, которые соотносятся с действительностью и личностью исполнителя, как процесс творческого познания жизни и роли.

Понять систему для Ю.А. Завадского означало научиться практическому применению, раскрытию ее возможностей для себя, в творческом поиске и непрестанном труде над собой. В концепции К.С. Станиславского он увидел путь к воспитанию в актере возможности непосредственного и индивидуального творчества. Ярким доказательством этого явились созданные им образы Чацкого в «Горе от ума», графа Альмавивы в «Женитьбе Фигаро» и др. Уроки работы над ролью в спектаклях К.С. Станиславского помогли ему понять, что «образ создается не в одиночку, а ансамблем исполнителей», решить «проблему связи переживаний актера с их внешним выражением», значение «темпа-ритма как посредника между чувством и его проявлением вовне». В эти годы Ю.А. Завадский открыл для себя значение сосредоточенности в творчестве актера как «собираения сил в целеустремленности», как «резерва создания целостного человеческого характера», верного пути к раскрытию сверхзадачи.

Перспективу воспитания будущего актера и режиссера, способ сберечь актерскую и режиссерскую душу от старения Ю.А. Завадский увидел в импровизации. Только импровизация ведет к раскрытию дарования актера, только она выявляет силу художественного воображения, способность поверить в предлагаемые обстоятельства пьесы, в естественную необходимость поступков, жизненную правду органического проживания в роли [8].

Творчески осмыслив учение К.С. Станиславского, Ю.А. Завадский пришел к выводу, что внутренняя потребность познать самого себя и тайны своего искусства, непрерывность работы над собой, над внутренней и внешней техникой – верный путь к воспитанию в себе настоящего художника. Непрерывный тренинг, жесточайшая дисциплина, – считал он, – теснейшая связь «самобытности и мастерства» с глубоко усвоенной сутью системы К.С. Станиславского, и, наконец, труд, пробуждающий в художнике вдохновение – ведут к истинному воплощению за-

ветов К.С. Станиславского. Ю.А. Завадский не зазубривал сформулированные правила, не копировал режиссерские приемы учителя. Вместе с ним и во след ему боролся за вдохновенное преобразующее жизнь искусство, за высокий реализм, противостоящий реализму мелкому, бездуховному. Быть учеником К.С. Станиславского для него значило служить искусству, насыщенному верой в человека.

Искусство – непрерывное ученичество, и учителя – это не только те, у кого ты принимаешь эстафету, чье дело продолжаешь, считал Ю.А. Завадский. Каждая встреча с самобытным талантом становится для художника школой. Такой школой, щедро обогатившей его представления о возможностях театра, стало искусство В.Э. Мейерхольда.

Он называет В.Э. Мейерхольда «благородным и яростным рыцарем», бунтарем против мертвого, отжившего в искусстве. Театр В.Э. Мейерхольда «служил делу воспитания в каждом человеке сознательного творца и духовно богатого строителя нового» [1, с. 142].

Блистательный мастер формы, В.Э. Мейерхольд требовал точного и трезвого расчета, доскональнейшего знания театра сверху до низу – от самой примитивной «кухни» до самых таинственных и «неожиданных возможностей». «Он понимал режиссерское искусство как строгое и точное мастерство, одухотворенное поэзией и подгоняемое фантазией. Он знал цену ремеслу, умению мастерить спектакль, он дорожил умом и арифметикой не меньше, чем поэзией, расчетом – не меньше, чем смелостью. Прикидка, догадки, вычисления во времени и пространстве – все это была его родная стихия, в которую он входил во всеоружии широчайших познаний, обнимавших и литературу, и живопись, и музыку, и политику» [1, с. 148-149].

В отличие от К.С. Станиславского, стремящегося вернуть искусство жизни, В.Э. Мейерхольд искал художественный эквивалент жизни, способы выразить определенную тему, зерно авторского видения мира. В.Э. Мейерхольд строил условный театр, «пафос которого был в борьбе с объективистским подходом к жизни, с ее копированием, натурализмом» [1, с. 154].

Глубоко проанализировав особенности режиссуры В.Э. Мейерхольда, Ю.А. Завад-

ский отмечает удивительную фантазию мастера, виртуозное владение им композицией. Задача актера, считал В.Э. Мейерхольд, – создание пластических форм в пространстве и времени. Его спектакли поражали музыкальностью и пластическим решением. С середины 30-х гг. XX в. творчество В.Э. Мейерхольда все больше сближается с творчеством К.С. Станиславского. Он начинает думать о раскрытии внутреннего мира человека как самого важного в искусстве театра, об актере, через которого этот мир открывается. Именно в спектакле «Дама с камелиями» раскрывается его концепция «подвести под театр прочный реалистический фундамент». По мнению Ю.А. Завадского, открытия К.С. Станиславского и В.Э. Мейерхольда дополняли друг друга и преломлялись в творчестве Е.Б. Вахтангова.

Творчески усвоив уроки своих Учителей, Ю.А. Завадский искал свой самостоятельный путь в искусстве. В 1924 г. он создает свою студию сначала как лабораторию, затем как театр-студию при Главискусстве. В 1927 г. студия стала театром под руководством Ю.А. Завадского.

Первые спектакли «С любовью не шутят» А. Мюссе, «Простая вещь» по рассказу Б.А. Лавренева имели успех у зрителя и позволили поверить в себя. В 1936 г. Ю.А. Завадский возглавил театр им. М. Горького в Ростове-на-Дону. После камерной сцены своего театра режиссер получил возможность строить монументальные спектакли на огромной сцене со зрительным залом в две тысячи мест. «Любовь Яровая» К.А. Тренева, «Слава» В. Гусева, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Враги» и «Мещане» М. Горького, «Укрощение строптивой» У. Шекспира. В труппу ростовского театра влились и молодые актеры его студии: В.П. Марецкая, Р.Я. Плятт, И.М. Туманов и др.

В 1939 г. Ю.А. Завадский – главный режиссер Театра им. Моссовета, в котором проработал до конца своей жизни. Именно в этом театре произошло становление Ю.А. Завадского как зрелого мастера режиссуры и театральной педагогики [9].

«Отелло» У. Шекспира, в главной роли Н. Мордвинов; «Маскарад» М.Ю. Лермонтова, Арбенин – Н. Мордвинов; «Машенька» А.Н. Афиногенова открыла талантливую и блистательную актрису В. Марецкую; «Трак-

тиршица» К. Гольдони, кавалер Рипофрато – Р. Плятт, Мирандолина – В. Марецкая; «Виндзорские насмешницы» У. Шекспира, «Дали неоглядные» Н. Вирты, «Петербургские сновидения» по Ф.М. Достоевскому – каждый спектакль был явлением в театральной жизни Москвы. В режиссуре Ю.А. Завадского проявилась глубина раскрытия содержания пьесы, поиск яркой театральной формы, соответствующей данному жанру, изящество стиля, графическая точность пластического решения [9].

Он как никто умел раскрыть грани таланта, индивидуальность актера, создав вокруг себя блистательную труппу, созвездие талантов: В. Марецкая, Н. Мордвинов, Р. Плятт, О. Абдулов, В. Ванин, И. Анисимова-Вульф, Л. Орлова, С. Бирман, К. Михайлов, Ф. Раневская, Г. Жженов, В. Талызина – народные артисты, Г. Бортников, М. Терехова, А. Леньков и мн. др.

Человек высочайшей культуры, романтик театра с неистощимой фантазией, Ю.А. Завадский является образцом преданности своим Учителям, развивая их идеи в самостоятельном творчестве. Он ничего не принимал на веру, и это, как считал видный театровед П. Марков, «не прирожденное бунтарство и не преднамеренный скептицизм. Это была потребность все сделать своим, убежденным, выношенным» [10]. С юности в нем жила потребность собрать единомышленников, и он создал свой театр.

В молодости его спектакли отличали и эпатажность, и элементы трюкачества, и изящная легкость. Осмысливая свой творческий путь, Ю.А. Завадский отмечал, что за годы режиссерской работы ему многое пришлось пересматривать, отвергать, прийти в конце концов к пониманию театра как главного дела, способствующего духовному росту народа.

П. Марков назвал его одним из самых светлых режиссеров отечественного театра, в спектаклях которого никогда не было сумрачности. Искусство должно очищать человека, облагораживать его, считал Ю.А. Завадский.

Режиссерское искусство Ю.А. Завадского опозитизирует жизнь, красоту которой он интуитивно ощущал всегда. Даже его уход из жизни был необычен. На сцене Театра им. Моссовета стояла урна с прахом

Ю.А. Завадского, утопающая в цветах. В глубине, в центре висел огромный портрет режиссера, перевитый траурной лентой. Рядом стоял венок из белых роз от Галины Улановой и далее венки от театра, друзей, поклонников его таланта. Звучала траурная музыка Ф. Шопена. А далее его лучшие друзья посвятили ему концерт. Пел С.Я. Лемешев «Выхожу один я на дорогу», Е.В. Образцова «Аве Мария», играл В.А. Моцарта С. Рихтер, в финале мощно звучал пушкинский «Пророк» в исполнении Юрия Александровича:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...
.....
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрое змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал.
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [11].

Всю свою творческую жизнь Юрий Александрович Завадский стремился через свои спектакли «глаголом жечь сердца людей». Вечная ценность искусства проверяется временем. И сегодня, когда в условиях рынка многие молодые режиссеры стремятся к легкому коммерческому успеху, самоутверждению, эпатажности, трюкачеству, забывая подлинное назначение театра, полезно вспомнить уроки наших великих Мастеров сцены, завещавших нам вечные ценности: духовность и нравственность.

1. *Завадский Ю.А.* Учителя и ученики. М., 1975.
2. *Сазонова В.А.* Театральная педагогика Ю.А. Завадского. Тамбов, 2000.
3. О театральном образовании. Дискуссия // Театр. 1972. № 2. С. 5-24.

4. *Вахтангов Е.Б.* Евгений Вахтангов: сборник. М., 1981.
 5. *Сазонова В.А.* О значении театральной педагогики Ю.А. Завадского в воспитании творческой молодежи // Культура и образование на рубеже тысячелетий: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2000.
 6. *Станиславский К.С.* Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1963.
 7. *Станиславский К.С.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1989. Т. 7.
 8. *Сазонова В.А.* Е.Б. Вахтангов и воспитание импровизационного творчества актера // XIV Державинские чтения. Институт искусств: материалы общероссийской научной конференции. Тамбов, 2009.
 9. *Завадский Ю.А.* Рождение спектакля. По материалам творческой лаборатории. М., 1975.
 10. *Завадский Ю.А.* Об искусстве театра. М., 1965.
 11. *Пушкин А.С.* Сочинения: в 3 т. М., 1983. Т. 1. Стихотворения: сказки: «Руслан и Людмила»: поэма.
-
3. О театральном образовании. Diskussiya // *Teatr*. 1972. № 2. S. 5-24.
 4. *Vakhtangov E.B.* Evgeniy Vakhtangov: sbornik. M., 1981.
 5. *Sazonova V.A.* O znachenii teatral'noy pedagogiki Yu.A. Zavadskogo v vospitanii tvorcheskoy molodezhi // *Kul'tura i obrazovanie na rubezhe tysyacheletiy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, 2000.
 6. *Stanislavskiy K.S.* Stat'i. Rechi. Besedy. Pis'ma. M., 1963.
 7. *Stanislavskiy K.S.* Sbranie sochineniy: v 9 t. M., 1989. T. 7.
 8. *Sazonova V.A.* E.B. Vakhtangov i vospitanie improvizatsionnogo tvorchestva aktera // XIV Derzhavinskie chteniya. Institut iskusstv: materialy obshcherossiyskoy nauchnoy konferentsii. Tambov, 2009.
 9. *Zavadskiy Yu.A.* Rozhdenie spektaklya. Po materialam tvorcheskoy laboratorii. M., 1975.
 10. *Zavadskiy Yu.A.* Ob iskusstve teatra. M., 1965.
 11. *Pushkin A.S.* Sochineniya: v 3 t. M., 1983. T. 1. Stikhotvoreniya: skazki: "Ruslan i Lyudmila": poema.
-
1. *Zavadskiy Yu.A.* Uchitelya i ucheniki. M., 1975.
 2. *Sazonova V.A.* Teatral'naya pedagogika Yu.A. Zavadskogo. Tambov, 2000.

Поступила в редакцию 7.10.2015 г.

UDC 792.027

THE SOURCES OF ESTHETIC PRINCIPLES OF PRODUCING OF Y.A. ZAVADSKY

Valentina Aleksandrovna SAZONOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Studies of Art, Professor, Honoured Worker of Culture of Russian Federation, Research Adviser of "Acting Art" Speciality, e-mail: iscusstvo_tgy@mail.ru

Yury Aleksandrovich Zavadsky – one of the greatest directors of XX century. The uniqueness of his directing esthetic principles is that the sources are the creative works of many outstanding Masters of directing and theatre pedagogy: E.B. Vakhtangov, K.S. Stanislavsky, V.E. Meyerhold. Every person had a great influence on formation of creative individuality of the director. The studio of Mansurov under the supervision of E.B. Vakhtangov taught him ethics, understanding of studio as an important and main principle of collective education, improvisation in acting, bright theatricality. The lessons of K.S. Stanislavsky were for deep psychological development of characters, intolerance to banality, stamps, to reaching the style of author and artistic techniques of drama. The influence of V.E. Meyerhold had the wish to experiment, use the principles of national place theatre in directing. The laboratory of search of their own way in art became the created studio under the supervision of Y.A. Zavadsky. For more than 50 years Y.A. Zavadsky was the head of Theatre of Mossovet, bringing up the great actors: V. Maretskaya, P. Plyatta, N. Mordvinova, G. Zhzhnova, K. Mikhailova, M. Terekhova, V. Talyzina and etc. In his theatre worked F. Ranevskaya, L. Orlova and I. Anisimova-Vulf. The most important principles of directing of Y.A. Zavadsky are: citizenship, artistry, nationality, studio. From these positions he plans the repertoire of the theatre, educated the associates. Y.A. Zavadsky thought that theatre was the main deed in his life, the mean of spiritual and moral education of people. From 1939 and till the end of his life he was the professor of Directing Department of GITIS (Russian University of Theatre Arts). His pedagogical lessons are unique, they have special methods.

Key words: E.B. Vakhtangov; studio; improvisation; the lessons of K.S. Stanislavsky; system of K.S. Stanislavsky; V.E. Meyerhold; Theatre of Mossovet; directing.